

Turn 12 m

Инв. 12^м

ГВАРДІЯ
РУССКАГО ЦАРЯ
НА СОФІЙСКОЙ ДОРОГѢ

12 октяб́ря 1877 г.

Въ пользу вдовъ и сиротъ ниж-
нихъ чиновъ, убитыхъ въ бояхъ
12 октября 1877 года.

Е. В. Богдановича.

~~~~~
A/61/319

62 А

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 23 декабря 1879 года.

С. Петербургъ, 1879 г.

Типографія В. Киршбаума, въ д. Министерства Финансовъ, на Дворц. площ.

Два года назадъ издана мною книга о Наваринѣ, а въ прошломъ году—о Синопѣ. Въ этихъ опытахъ мною руководило желаніе чествовать, въ первомъ случаѣ—полувѣковую, а во второмъ—25-ти лѣтнюю годовщину безсмертныхъ подвиговъ, вѣчно достославнаго Русскаго флота. Начавъ службу морякомъ и сохранивъ въ душѣ святое воспоминаніе о тѣхъ личныхъ впечатлѣніяхъ моей молодости, о тѣхъ благоговѣйныхъ восторгахъ, виновниками которыхъ были герои Наварина и Синопа — Грейзъ, графъ Гейденъ, Лазаревъ, Нахимовъ и Корниловъ, я исполнялъ лишь долгъ совѣсти и сердца, посвящая мой посильный трудъ описанію великихъ дѣяній этихъ славныхъ бойцовъ двухъ блестящихъ эпохъ исторіи нашего флота...

Чѣмъ же оправдаю я принимаемую нынѣ почетную роль исторіографа одного изъ самыхъ доблестныхъ подвиговъ, совершенныхъ въ послѣднюю войну Императорскою Гвардіею?

Не тѣмъ, конечно, что я имѣлъ честь служить нѣкоторое время въ Стрѣлковомъ баталіонѣ Императорской Фамиліи. Въ настоящемъ случаѣ я почитаю себя лишь выразителемъ того, что пережилъ, что перечувствовалъ весь Петербургъ съ момента выхода Гвардіи въ походъ и до ея возвращенія въ столицу. Эти жгучія впечатлѣнія минутъ разставанія, трогательные проводы, благопожеланія, трепетныя ожиданія извѣстій, погоня за свѣдѣніями и

слухами, радости и ликования по случаю побѣдъ, скорбь и слезы о доблестно павшихъ герояхъ—все это, пережитое и выстраданное нами, среди захватывающихъ душу ощущеній оставило въ каждомъ на всю жизнь неизгладимые слѣды. Призывъ Гвардіи къ участію въ войнѣ произвелъ на меня то глубокое впечатлѣніе, которое я пытался передать въ началѣ II-й главы моего труда. Именно въ это время, въ Исакіевскомъ Соборѣ, попались мнѣ на глаза изданныя священникомъ Михайловскимъ, „Мысли воина предъ сраженіемъ“ и „Молитва предъ сраженіемъ“. Пробѣжавъ листокъ, я былъ пораженъ замѣчательною гармоніей между прекраснымъ текстомъ моей неожиданной находки и воодушевлявшимъ меня впечатлѣніемъ. Сердце рвалось оказать посильную пользу отправлявшемуся въ походъ родному и близкому вѣстѣ намъ гвардейцу...

Я тутъ же приобрѣлъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ этихъ молитвъ.

Дня черезъ два, на пути въ Москву, засталъ я, на станціи Любань, одинъ изъ эшелоновъ Л.-Гв. Измайловскаго полка. Съ перваго взгляда на молитвы, которыя я началъ раздавать солдатамъ, они въ восторгъ столпились у моего вагона, каждый просилъ снабдить его молитвеннымъ листкомъ, содержаніе котораго такъ хорошо отвѣчало его тогдашнимъ духовнымъ потребностямъ.

Тоже повторилось и въ Москвѣ съ нижними чинами другихъ полковъ, пользовавшимся дневкой, чтобы толпами идти на поклоненіе Кремлевскимъ Святѣнямъ.

По дорогѣ въ Кіевъ, я еще обогналъ нѣсколько частей — и здѣсь солдаты съ тою же христіански-дѣтскою радостію набрасывались на молитвенные листки.

Впослѣдствіи я узналъ, что солдаты не только выучивали молитвы наизусть, но и носили ихъ на груди, подъ мундиромъ, въ продолженіи всего похода...

Съ тѣхъ поръ минулъ ровно годъ до моей новой встрѣчи съ гвардейцами. Сколько великихъ дѣяній совершено ими въ теченіи этихъ двѣнадцати мѣсяцевъ! Съ какимъ трепетнымъ чувствомъ, съ какимъ восторгомъ, въ теченіи того года, слѣдила вся Россія за величавою эпопеей Царской Гвардіи, проходившей на обоихъ скатахъ Балкановъ! Но за то и сколько дорогихъ, близкихъ къ сердцу жертвъ, павшихъ героями на поляхъ битвъ! Сколько возвратилось искалѣченными страдальцами! Сколько красавцевъ-солдатъ, съ такою радостью принимавшихъ раздаваемые молитвы, произнесли эти молитвенныя слова въ послѣдній разъ въ день геройской кончины!...

Всѣ эти мысли и чувства громко и разомъ заговорили въ моемъ сердцѣ, когда, осенью 1878 года, находясь въ Ялтѣ, я узналъ, что Государь Императоръ изволитъ ѣхать въ Севастополь, для свиданія съ возвращавшимися изъ Санъ-Стефано Своихъ побѣдоносныхъ гвардейцевъ...

Я поспѣшилъ въ Севастополь...

Что́ я видѣлъ, что́ я слышалъ тамъ—никогда не можетъ изгладиться изъ моей памяти!

Я видѣлъ, съ какою любовью Русскій Царь, послѣ продолжительной разлуки, встрѣчалъ Свою Гвардію; я слышалъ тѣ, душу потрясавшіе, трогательные звуки, что слышались въ голосъ Царя, когда Онъ приветствовалъ Своихъ богатырей. Я видѣлъ также то выраженіе восторга и умиленія, слышалъ тотъ громовой перекатъ вырывавшагося изъ души „ура!“, въ которыхъ такъ краснорѣчиво сказывалась беззапятная преданность свято исполнившаго свой долгъ солдата къ Державному Царю-Отцу родной многомилліонной русской семьи...

Знаменательное свиданіе Царя съ Гвардіей у стѣнъ Севастополя, воспоминанія о дняхъ выхода Гвардіи въ походъ, живые рассказы вернувшихся на родину героевъ — рассказы о знаменательномъ свиданіи 23-го октября 1877 года, въ Дол-

немъ Дубнякъ, на едва остывшемъ полѣ сраженія, когда Царь поздравилъ Свою храбрую Гвардію съ побѣдой, о поспѣшеніи Царемъ, въ Боготъ, раненыхъ въ бояхъ 12-го октября и, наконецъ, о подробностяхъ самого боя,—все это, тамъ же, въ Севастополѣ, вложило мнѣ въ душу рѣшимость подѣлиться съ русской публикою отрадными впечатлѣніями, вынесенными мною изъ всего, что я тамъ видѣлъ, что я тамъ слышалъ...

Таково происхожденіе настоящей книги. При составленіи ея, я отнюдь не задавался честолюбивою мыслью — писать исторію. Это не болѣе, какъ матеріалъ для исторіи, простая лѣтопись, единственное достоинство которой должно заключаться въ свѣжести и вѣрности первоначальныхъ впечатлѣній, въ обиліи характеристичныхъ подробностей. Съ такою скромною задачею я охотно примирился, безъ всякой внутренней борьбы.

Но мнѣ гораздо труднѣе было примириться съ необходимостью ограничить разсказъ мой однимъ только эпизодомъ великой эпопеи, однимъ только славнымъ подвигомъ Царской Гвардіи. Въ души каждого Русскаго глубоко запечатлѣны воспоминанія о цѣлой вереницѣ геройскихъ подвиговъ, обезсмертившихъ всю нашу доблестную армію и на Европейскомъ, и на Азіятскомъ театрахъ послѣдней войны. Русскому сердцу одинаково дорога память о Горномъ Дубнякѣ и Телинѣ, о Шипкѣ, Плевнѣ, Этрополѣ, Карсѣ, Баязетѣ и Эрзерумѣ, — одинаково дороги славныя имена: Гурко, Радецкаго, Скобелева, Графа Лорисъ-Меликова.... Исторія оцѣнитъ и сохранитъ въ памяти народной цѣлый рядъ самоотверженныхъ подвиговъ армейскаго офицера и солдата. Она не пройдетъ молчаніемъ и отважные подвиги нашихъ лихихъ моряковъ — Дубасовыхъ, Шестаковыхъ, Барановыхъ, Макаровыхъ.... Благодарная Россія не забудетъ никогда заслугъ и Руцукскаго отряда, съ Государемъ Цесаревичемъ во главѣ, въ теченіи

долгихъ мѣсяцевъ мужественною стѣною отраждавшаго всѣ движенія Дунайской Арміи. Не забудетъ благодарить Россія и высокаго подвижничества русскаго „Краснаго Креста“, христіанскою дѣятельностью котораго руководило безпредѣльное милосердіе нашей любвеобильной Царицы.

Все это такія захватывающія душу воспоминанія, что, начавъ повѣствованіе объ одномъ эпизодѣ, перо такъ и рвется коснуться того, и другаго, и третьяго событій. Много, поэтому, пришлось мнѣ бороться съ собою, чтобы отказаться отъ соблазнительной, но слишкомъ широкой и для меня непосильной задачи...

Почту себя счастливымъ, если моя книга, напоминая читателю о славныхъ дняхъ недавняго прошлаго, навѣетъ ему, среди тяжелыхъ впечатлѣній, переживаемыхъ нами въ настоящее время, хотя частицу того нравственнаго успокоенія, которое испытывалъ я при составленіи этого труда.

Е. Богдановичъ

22 декабря 1879 г.

Петербургъ.

I.

Особенность первого периода войны 1877 года. — Значение Плевны и Горного Дубняка. — Плевненскія укрѣпленія. — Первые дѣйствія на тылъ турецкой арміи на лѣвомъ берегу р. Вуда. — Мѣры, принятыя Османомъ для обезпеченія тыла своей арміи.

Минувшая война вступила въ разрывъ со всѣми преданіями нашей исконной борьбы съ Турціей. Ни дунайскія крѣпости, ни балканскія твердыни, ни столь важныя естественныя стратегическія позиціи, какъ Шумла, Османбазаръ или Варна, не оказались на этотъ разъ ключами оборонительной линіи непріятеля. Между тѣмъ, ничтожная въ этомъ смыслѣ Плевна и неразлучный нынѣ съ ея именемъ Горный Дубнякъ приковали къ себѣ, въ 1877 году, главныя усилія воюющихъ сторонъ и главное вниманіе европейской дипломатіи, зорко слѣдившей за нашими дѣйствіями.

Дѣйствительно, изъ всѣхъ событій минувшей войны ни одно не произвело такого громоваго впечатлѣнія и на театрѣ войны, и въ цѣлой Европѣ, какъ паденіе Плевны, вызванное взятіемъ Горного Дубняка. Мы ограничиваемся засвидѣтельствомъ этого непререкаемаго факта; выясненіе же его причинъ не входитъ въ предѣлы настоящей брошюры. Намъ достаточно указать, что въ настоящее время военною литературой цѣлой Европы признано за аксіому, что ударомъ, нанесеннымъ турецкому могуществу паденіемъ Плевны, почти безповоротно былъ предрѣшенъ побѣдоносный для насъ исходъ всего похода. Предчувствіе этой истины высказалось тогда же у всѣхъ, отъ послѣдняго рядоваго обѣихъ воюющихъ армій до вершителей европейской дипломатіи. И всѣ они не ошиблись: несмотря

на остававшіяся во власти нашего врага, повидимому, несокрушимыя твердыни, несмотря на слывшія непреодолимыми препятствія зимняго перехода чрезъ Балканы, несмотря, наконецъ, на дунайскій ледоходъ и румынскія мятели, безпрестанно прерывавшія сообщеніе нашихъ армій съ Россіей — со дня паденія Плевны, какъ въ духѣ воюющихъ, такъ и въ воззрѣніяхъ дипломатіи, вдругъ сказался крутой поворотъ, лучше всего опредѣляющій значеніе этого великаго событія. Подъ вліяніемъ погрома, нанесеннаго паденіемъ Плевны временному обаянію турецкаго оружія, разомъ явилось убѣжденіе въ безысходности дальнѣйшей борьбы его противъ Россіи, и если на театрѣ войны убѣжденіе это выразилось исчезновеніемъ той стойкости, которою отличалась оборона Плевны и Горнаго Дубняка, то въ западной Европѣ оно повело къ снятію съ нашего злѣйшаго врага личины лживаго нейтралитета...

Таково было значеніе паденія Плевны, вынужденнаго не кровопролитными штурмами ея верховъ, а единственно завладѣніемъ нами истиннымъ стратегическимъ ключемъ плевненской позиціи — отнынѣ безсмертнымъ въ исторіи Горнымъ Дубнякомъ.

Но какимъ образомъ оказался ключъ Плевны не въ одномъ изъ грозныхъ редутовъ его оборонительной линіи, а въ Горномъ Дубнякѣ, лежащемъ верстахъ въ 20-ти позади ея, на Софійской дорогѣ?

Какъ велико было въ глазахъ нашего Полеваго Штаба значеніе Софійскаго шоссе въ тылу Плевны, на это, съ перваго взгляда, указываетъ уже то обстоятельство, что для овладѣнія этой дорогой было признано нужнымъ сосредоточить почти всю отборную, грозную, еще не початую боевую силу Царской Гвардіи и безъ малаго всю конницу Западнаго отряда...

Что же побудило нашъ Полевой Штабъ придать овладѣнію Софійской дорогой такое значеніе и почему предпринялъ онъ эту рѣшительную мѣру только послѣ трехмѣсячной однообразной вереницы кровавыхъ штурмовъ?

Подробный отвѣтъ на эти вопросы, то и дѣло служащіе нынѣ поводомъ къ несправедливымъ нападкамъ иностранной литературы, возможенъ лишь при соображеніи общей характеристики самыхъ выдающихся событій осады Плевны, предшествовавшихъ штурму Горнаго Дубняка.

Жизненною артеріей турецкой арміи, занимавшей Плевну, служило построенное въ 1868 году прекрасное шосе съ каменными мостами, соединяющее Плевну съ Орханіэ. По этому шосе постоянно доставлялись въ Плевну какъ цѣлыя отряды для замѣщенія убыли въ арміи Османъ-паши, такъ и всѣ необходимые ей жизненные, боевые и санитарные припасы; по этому же шосе отправлялись изъ Плевны больные и раненые, для избѣжанія заразительныхъ болѣзней. Такимъ образомъ, шосе это не только доставляло защитникамъ Плевны подкрѣпленія, средства къ жизни и боевые припасы, но и предохраняло ихъ отъ опустошительнаго матеріальнаго и нравственнаго дѣйствія эпидемій. Но, за отсутствіемъ вѣрныхъ свѣдѣній о силѣ непріятеля, особенно же въ виду результатовъ, достигнутыхъ ничтожными силами при нашихъ двухъ первыхъ штурмахъ Плевны—весьма естественно установилась въ нашихъ войскахъ увѣренность, что, съ усиленіемъ численнаго состава атакующихъ, будетъ возможно выбить Османъ-пашу изъ занимаемой имъ позиціи. По несчастію, интервалы между штурмами были на столько велики—между первымъ и вторымъ штурмомъ (8 и 18 іюля) прошло цѣлыхъ десять дней—что Османъ-паша получилъ возможность значительно усилить свою армію подкрѣпленіями изъ Орханіэ и сосредоточеніемъ наблюдательныхъ отрядовъ, разсѣянныхъ по сербской границѣ и оказавшихся бесполезными вслѣдствіе объявленія нейтралитета Сербіи. Въ то же время Османъ-паша, при помощи болгаръ, сгоняемыхъ турками, неустанно сооружалъ новыя твердыни. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялся и духъ турецкой арміи, подъ вліяніемъ восторженнаго впечатлѣнія отбиваемыхъ ею штурмовъ и при видѣ безчислен-

ныхъ жертвъ, коими наши войска поплачивались каждый разъ за эти отважныя попытки. Такимъ образомъ объясняется, съ одной стороны, рядъ штурмовъ, предпринятыхъ въ надеждѣ овладѣть Плевной и избавиться отъ Дамоклова меча, постоянно угрожавшаго изъ нея нашимъ сообщеніямъ, а съ другой стороны и то, что всѣ эти штурмы были постоянно отбиваемы несмотря на постоянное увеличеніе численности атаковавшихъ колоннъ. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству многочисленныхъ очевидцевъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, въ этихъ штурмовавшихъ колоннахъ не только не выказывалось ни малѣйшаго упадка духа, ни малѣйшаго колебанія, но каждый разъ, всецѣло предавшись святому дѣлу, шли онѣ на штурмъ бодро и весело, съ полною увѣренностью, что ихъ ни чѣмъ не сокрушаемое геройство увѣнчается блестящею побѣдой!..

А между тѣмъ, въ настоящее время, когда стала извѣстна сила плевненскихъ укрѣпленій и ихъ гарнизона, оказывается, что все это геройство *не могло не быть* совершенно безплодно, и что изъ этихъ богатырей, бодро и весело шедшихъ на штурмъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, тысячи жертвъ шли на вѣрную гибель!... Какъ ни громко высказываютъ наши заграничные критики одинаково пристрастные недоброжелательство къ русскимъ и восторгъ къ ихъ врагамъ, но въ одномъ согласны всѣ сколько-нибудь добросовѣстные иностранные военные историки: овладѣть Плевной, ни штурмомъ, ни бомбардированіемъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она досталась намъ, *было безусловно невозможно ни для какой арміи въ мірѣ.*

Дѣйствительно, при волнистой и пересѣченной мѣстности, съ чрезвычайно длинными покатостями, страшно замедлявшими подъемъ штурмовавшихъ колоннъ, и способствовавшими рикошетированію снарядовъ по естественному гласису на нѣсколько верстъ разстоянія — вся Плевна была окружена нѣсколькими линіями взаимно обстрѣливающихся

редутовъ и укрѣпленныхъ лагерей. По величинѣ и силѣ профилей, эти укрѣпленія составляли настоящіе крѣпостные форты, иногда соединенные между собою непрерывными ложементами и ровиками для стрѣлковъ. И не только каждая изъ этихъ линій господствовала надъ переднею, но и каждое отдѣльное укрѣпленіе представляло атаковавшему *тройную линію огня*, изъ коихъ самая отдаленная отъ нападающаго, за брустверами въ нѣсколько сажень толщины и крестомъ перерѣзанная внутри траверзами, съ блиндированными промежутками, была вооружена не только пѣхотою, но и отличною, дальнобойною и скорострѣльною артиллеріею. За этими траверзами и подъ этими блиндажами скрывались не только люди, но и орудія, только въ самый моментъ дѣйствія выдвигаемыя въ амбразуры. Самые ложементы, устроенные впереди главныхъ укрѣпленій, были расположены въ двѣ линіи, со внутренними рвами и такими выемками подъ брустверами, которыя были закрыты стѣнками къ сторонѣ рва. Въ этихъ рвахъ, въ галлереяхъ, образуемыхъ выемками и стѣнками, турки находили *совершенно безопасное закрытіе* отъ нашихъ пуль; даже артиллерійскій огонь нашъ лишь случайно могъ грозить имъ опасностью; для исправленія же поврежденій, иногда подъ самымъ сильнымъ огнемъ, турки сгоняли несчастныхъ болгаръ. Даже во время дѣйствія, турки находили противъ непріятеля, поднимавшагося по высокой покатости, весьма надежное закрытіе за высокимъ брустверомъ; резервы же и раненые были все время въ совершенно безопасномъ мѣстѣ... Изъ-за этихъ вполне надежныхъ закрытій, турки открывали ружейный огонь, уже весьма убійственный на 2000 и даже на 2400 шаговъ; обсыпали они при этомъ всю окружающую мѣстность такою массой, или — говоря словами спрошенныхъ нами очевидцевъ — такимъ „градомъ“, такою „тучей“, такою „летучею стѣной“ свинца, что непостижимою казалась возможность выдти изъ этого ада цѣлымъ и невредимымъ! Между тѣмъ, при каждомъ

штурмъ, колонны наши не только доходили до укрѣпленій, но, овладѣвъ обоими передовыми ложементами, врывались въ редуты, штыками и прикладами рѣшали дѣло съ самыми отчаянными врагами—и вотъ, въ ту минуту, когда дорого купленная побѣда должна была доставить нашимъ героямъ хотя нѣсколько мгновеній отдыха подъ закрытіемъ завоеванныхъ верховъ — именно въ эту минуту, благодаря огню редута второй линіи, наступали для побѣдителя ужасы, съ которыми не выдерживало сравненія все пережитое до овладѣнія редутомъ...

Не менѣе заботились начальники турецкой арміи о снабженіи солдатъ не только громаднымъ количествомъ патроновъ (въ Горномъ Дубнякѣ, на примѣръ, на каждаго солдата, *подъ рукой его*, было заготовлено *до 900 патроновъ!*), но даже и всѣми удобствами во время боя: у каждаго изъ нихъ находились, возлѣ огромнаго мѣшка съ патронами, и большая жестянка съ водой, и *даже медъ!*

И такъ, если въ настоящее время оказывается весьма естественнымъ, что, несмотря на бодрость и мужество нашихъ войскъ, ни одинъ изъ штурмовъ не увѣнчался полнымъ успѣхомъ, то, съ другой стороны, если войти въ тогдашнее положеніе нашего Полеваго Штаба предъ Плевной, сдѣлается не менѣе понятнымъ, почему онъ долго не терялъ надежды покончить съ нею удачнымъ штурмомъ, предпринятымъ съ болѣе значительными силами и послѣ болѣе энергической артиллерійской подготовки. Однако, уже съ послѣднихъ чиселъ августа, были приняты мѣры къ облегченію фронтальныхъ атакъ дѣйствіемъ на тылъ турецкой арміи, на лѣвомъ берегу Вида. Такъ, начальникъ 9-й кавалерійской дивизіи, генераль-лейтенантъ Лашкаревъ, получилъ 26 августа приказаніе: подвинуться съ 4 кавалерійскими полками и двумя конными батареями къ Рыбину, ниже Плевны, по Виду, и на другой день, по присоединеніи къ себѣ стоявшихъ тамъ двухъ пол-

ковъ регулярной (Рошіоры) и двухъ иррегулярной (Калараши) кавалеріи румынъ, съ одною конною румынскою батареей, переправиться на лѣвый берегъ Вида и, направляясь на Горный Дубнякъ, угрожать сообщеніямъ арміи Османа-паши съ Орханію.

27 августа отрядъ генерала Лашкарева, оставивъ румынскія бригаду и батарею у Дольного Этрополя, для наблюденія за Плевной, сталъ бивакомъ у незанятаго тогда турками Горнаго Дубняка, при чемъ казаки успѣли отбить небольшое стадо. Послѣ полудня выступило изъ Плевны до 1,500 ч. конницы и 3 табора пѣхоты. Встрѣченная блестящею атакой русскихъ уланъ, турецкая кавалерія ускакала къ своей пѣхотѣ, оставивъ 70 убитыхъ. Помѣнявшись съ нашими войсками нѣсколькими пушечными выстрѣлами, турки возвратились въ Плевну. 28 августа изъ Плевны выступили противъ нашей и румынской кавалеріи болѣе значительныя силы; движеніе ихъ поддерживали турецкія батареи у Опанца, на правомъ берегу Вида; въ самой Плевнѣ была замѣтна суматоха: сооружались наскоро новыя батареи, фронтомъ къ Виду; на эти батареи перевозились орудія...

28 августа, дѣло ограничилось такою же стычкою, какъ и наканунѣ. Къ концу дня казачій разъѣздъ принесъ важное извѣстіе, что къ юго-западу отъ Горнаго Дубняка имъ открытъ лагерь отдѣльнаго 10-тысячнаго турецкаго отряда.

Но турки вскорѣ перестали высылать изъ Плевны войска на лѣвый берегъ Вида. Не имѣя возможности атаковать открытый казаками 10-тысячный отрядъ, генераль Лашкаревъ, въ продолженіи 29, 30 и 31 августа, принужденъ былъ ограничиваться развѣдываніемъ мѣстности выше Плевны по обоимъ берегамъ Вида. Не только днемъ, но и ночью войска его безпрестанно перестрѣливались съ турецкими аванпостами, черкесами и баши-бузуками, грабившими болгарскія селенія.

3 сентября въ Дольній Дубнякъ прибыла Донская казачья

бригада и 15-го Донская батарея; 6 сентября примкнула къ отряду и 4-я кавалерійская дивизія; на другой день, сдавъ команду надъ кавалеріей на лѣвомъ берегу Вида генералу Крылову, генераль Лашкаревъ, съ тремя полками своей дивизіи, перешель выше Плевны, обратно на правый берегъ Вида и примкнулъ въ Боготѣ къ оконечности лѣваго фланга русской арміи.

Въ тотъ же день присоединилась къ „сводному кавалерійскому корпусу“ генерала Крылова Кавказская казачья бригада полковника Тутолмина.

Вмѣсто четырехтысячнаго летучаго отряда генерала Лашкарева, у генерала Крылова уже оказывалось въ строю отъ 6,000 до 7,000 всадниковъ. Это усиленіе нашего отряда на лѣвомъ берегу Вида было признано нужнымъ, въ виду даннаго ему болѣе серіознаго назначенія. Въ сущности, отдѣленіе отряда генерала Лашкарева, преимущественно, имѣло цѣлю: отвлечь вниманіе Османа-паши отъ штурма Плевны, подготовляемаго къ 30 августа и преслѣдовать турецкую армію, въ случаѣ успѣха этого штурма. Первая изъ этихъ цѣлей дѣйствительно была исполнена, но, увы! далеко не настолько, чтобы повліять на ходъ штурма. Какъ только турки убѣдились, изъ первыхъ стычекъ, что имѣютъ дѣло съ одною кавалеріей, то, соорудивъ на-скоро нѣсколько новыхъ окоповъ къ сторонѣ Вида, они перестали обращать на нее серіозное вниманіе. Между тѣмъ, съ одной стороны, неудача штурма, съ другой—доставленные генераломъ Лашкаревымъ свѣдѣнія о получаемыхъ Османомъ-пашей подкрѣпленіяхъ изъ Орханіэ, естественно привели нашъ Полевой Штабъ къ сознанію необходимости дѣйствовать на сообщенія плевненскаго гарнизона, уже не съ цѣлю отвлечь его вниманіе отъ дѣйствій противъ его оборонительной линіи на правомъ берегу Вида, а съ цѣлю отражать слѣдующія къ Плевнѣ подкрѣпленія, и вообще прервать всѣ сообщенія Плевны съ Орханіэ.

8 сентября генераль Крыловъ поручилъ полковнику барону

Штакельбергу сдѣлать, съ небольшимъ отрядомъ, рекогносцировку въ сторону рѣки Искера. Въ окрестностяхъ Телиша, рекогносцировка наткнулась на значительныя силы непріятеля. На другой день полковникъ Тутолминъ, съ Кавказской казачьей бригадой, 2 эскадронами и одной конной батареей, рѣшительнымъ наступленіемъ на непріятельскіе аванпосты, у Телиша, открылъ уже 10 окопавшихся турецкихъ баталіоновъ, съ кавалеріей и нѣсколькими орудіями. Численность непріятеля была опредѣлена отъ 10 до 12,000 человѣкъ.

10 сентября генераль Крыловъ, при содѣйствіи генерала Лашкарева, рѣшился атаковать турецкій корпусъ, расположенный у Телиша. Дѣло открылось сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, но въ это время наши аванпосты, оставленные у Дольняго Дубняка, извѣстили о наступленіи значительныхъ непріятельскихъ колоннъ изъ Плевны. Русской кавалеріи, завязывавшей бой съ турками у Телиша, грозило нападеніе съ тылу. Генералу Крылову пришлось отступить къ сѣверу отъ шоссе, къ Тростяникъ-Семерету.

11 сентября, оставленный у Этрополя казачій авангардъ доставилъ извѣстіе, что стоявшія у Телиша турецкія войска прошли ночью въ Плевну подъ огнемъ 15 Донской батареи...

Отряду генерала Крылова приходилось ограничиваться простымъ наблюденіемъ за сообщеніями арміи Османа-паши. При этомъ, 22 и 23 сентября, полковникъ Левисъ, съ незначительнымъ отрядомъ, блистательно отразилъ нападеніе отъ 4 до 5,000 пѣхоты и черкесовъ. Но что было пользы въ этихъ блестящихъ стычкахъ?.. Главная цѣль—отрѣзаніе сообщеній арміи Османа съ Орханіэ—уже безповоротно оказалась неосуществимою для одного кавалерійскаго отряда!...

Таковъ наглядный перечень фактовъ, внушившихъ нашему Полевому Штабу убѣжденіе, что единственное средство покончить съ Османомъ-пашею состоитъ въ прекращеніи его сообщеній съ Орханіэ и что, для достиженія этой цѣли, недостаточно одной конницы. Дѣйствительно, ставъ поперекъ дороги отъ

Плевны въ Орханіэ, надо было готовиться отражать не только нападенія подкрѣпленій, слѣдующихъ въ Плевну, но и одновременныя съ ними атаки Плевненской арміи, быть можетъ даже въ полномъ ея составѣ, съ цѣлью пробиться на Орханіэ...

Между тѣмъ, первымъ результатомъ поисковъ нашей кавалеріи въ тылу Плевны, по дорогѣ въ Орханіэ, было поспѣшное приведеніе Османомъ-пашей въ оборонительное состояніе всѣхъ главныхъ этапныхъ пунктовъ на этомъ пути. Такимъ образомъ, еще на глазахъ нашей кавалеріи, на лѣвомъ берегу Вида, закипѣла усиленная инженерная работа вдоль шоссе отъ Плевны до Радомірцы: въ Дольнемъ и Горномъ Дубнякахъ, въ Телишѣ и далѣе къ Орханіэ тысячи болгаръ, понуждаемые турками, стали нѣ-скоро сооружать значительныя земляныя верки. Какъ и въ Плевнѣ, турки пользовались при этомъ волнистою мѣстностью, чтобы располагать на покатостяхъ нѣ-сколько линій ложементовъ. Особенное вниманіе было обращено на укрѣпленіе трехъ ближайшихъ къ Плевнѣ этапныхъ пунктовъ: обоихъ Дубняковъ и Телиша.

Центральнымъ пунктомъ, на протяженіи отъ Плевны до Телиша, оказывается холмъ на версту къ юго-западу отъ селенія Горный Дубнякъ. Этотъ холмъ командуетъ всею окружающею мѣстностью: съ вершины его можно обстрѣливать на значительное разстояніе шоссе въ Орханіэ. На вершинѣ холма, шагахъ въ ста вправо отъ шоссе, если слѣдовать изъ Плевны, было расположено главное изъ этихъ укрѣпленій, неправильнаго наружнаго очертанія, сѣверо-восточнымъ фасомъ обращенное къ Плевнѣ, а южнымъ — къ шоссе. Брустверь этого укрѣпленія былъ вышиной въ 10 футовъ, а шириной въ 3 сажени; ровъ — соотвѣтствующій грознымъ размѣрамъ бруствера. Выходъ — или точнѣе горжа — этого укрѣпленія *), прозваннаго нашими войсками „Большимъ редутомъ“, также какъ и укрѣпленій въ Дольнемъ Дубнякѣ и Телишѣ, былъ обращенъ въ сторону

---

*) Предъ этимъ выходомъ не было рва. Кромѣ того было два незначительныя выхода, обращенные къ востоку и къ югу, но со рвами.

Орханіэ — изъ чего можно заключить, что назначеніе ихъ состояло также и въ прикрытіи, въ случаѣ надобности, отступленія арміи Османа-паши изъ Плевны въ Орханіэ. Внутри укрѣпленія, за банкетомъ, шелъ внутренній ровъ, для помѣщенія резервовъ, въ случаѣ сильнаго огня по редуту; за этимъ ровомъ — землянки, крытыя двухскатной крышей изъ накатника, обложенныя хворостомъ и засыпанныя сверху землей. Какъ видно турки располагались тутъ для зимовки. Ближе къ западному фасу, противъ выхода, былъ устроенъ высокій кавальеръ. Прямо къ югу отъ Большаго редута, по другую сторону шоссе и не болѣе, какъ шагахъ въ 80 отъ него, на скатѣ холма къ Виду, было устроено другое, значительно меньшее главнаго, сомкнутое укрѣпленіе, съ выходомъ въ сторону послѣдняго. Изъ „Большаго редута“ обстрѣливалась вся мѣстность какъ впереди „Малаго“, такъ большею частью и внутри его; на всемъ протяженіи предъ фасама обоихъ укрѣпленій, на разстояніи отъ 400 до 900 шаговъ, былъ вырубленъ частый дубовый кустарникъ, покрывавшій эту мѣстность. На этихъ оголенныхъ покатостяхъ, предъ обоими редутами, были устроены обстрѣливаемые ими ложементы и ровики для стрѣлковъ. Добытый оголеніемъ мѣстности хворостъ частью послужилъ къ устройству шалашей и землянокъ для гарнизона, какъ внутри Большаго редута, такъ и къ югу и юго-западу отъ него, а частью былъ сложенъ кучами вправо отъ шоссе на оголенномъ пространствѣ, очевидно съ тѣмъ, чтобы служить мѣтками для опредѣленія вымѣренныхъ дистанцій для стрѣльбы — чѣмъ и объясняется оказавшаяся у этихъ кучекъ исключительная смертоносность турецкаго огня. Тутъ же, близъ внѣшнихъ шалашей, были сложены копны сѣна и соломы, и разбиты палатки и коновязи. На той же сторонѣ отъ шоссе, шагахъ въ 40 отъ него и въ 60 отъ главнаго редута, турки воспользовались домикомъ, въ четыре квадратныя сажени, съ бѣлою черепичною крышей, чтобы устроить въ немъ складъ провіанта.

Отъ вершины холма, увѣнчаннаго главнымъ редутомъ, мѣстность понижалась длинною и отлогою покатостью къ сѣверо-востоку, въ сторону Плевны, и нѣсколько болѣе крутою — къ югу, въ сторону верховьевъ Вида. Въ послѣднемъ направленіи, шагахъ въ 500—550 къ юго-востоку отъ Малаго редута, эта покатость, упираясь въ параллельную ей, обросшую густымъ дубнякомъ ростомъ въ коннаго человѣка, покатость другаго холма, образовала лощину, на всемъ протяженіи подверженную огню обоихъ укрѣпленій. Болѣе къ юго-западу, къ Телишу, по правую сторону шоссе, подходитъ къ Большому редуту овражистый притокъ рѣчки Дубнички. Къ сѣверу и сѣверо-западу, мѣстами удаляясь шаговъ на 300 отъ Большаго редута, оврагъ рѣчки Дубнички поднимается крутымъ скатомъ къ селенію Горный Дубнякъ, образуя мертвое пространство.

Въ Горномъ Дубнякѣ находился и штабъ командовавшаго первыми отъ Плевны тремя укрѣпленными этапными станціями, начальника дивизіи Ахмета Хивзи-паши. Гарнизонъ Горнаго Дубняка состоялъ изъ 7 баталіоновъ, при 4 орудіяхъ и нѣсколькихъ сотняхъ кавалеріи.

Съ неменьшимъ искусствомъ воспользовались турки отлогими покатостями мѣстности и при укрѣпленіи Телиша. Вершина высоты, командовавшей всею окрестностью, была увѣнчана рядомъ укрѣпленій съ сильною профилею; самое большое изъ нихъ стояло поперекъ Софійской дороги. Предъ главнымъ укрѣпленіемъ, къ сторонѣ Горнаго Дубняка и верховьевъ Вида, были устроены ложементы, для образованія нѣсколькихъ линій огня. Укрѣпленія Телиша были начаты уже при первыхъ движеніяхъ нашей кавалеріи на лѣвомъ берегу Вида, для укрытія за ними 10-тысячнаго корпуса, шедшаго на подкрѣпленіе Османа.

Телишъ былъ занятъ 7 баталіонами при 3 орудіяхъ и нѣсколькихъ сотняхъ кавалеріи, подъ начальствомъ бригаднаго генерала Гаки-паши. Согласно условію между Османомъ и Шефкетъ-пашой, послѣдній обязался доставлять въ Плевну,

каждыя двѣ недѣли, по одному транспорту со всѣми возможными припасами на цѣлый мѣсяць. Самый сильный изъ этихъ транспортовъ былъ доставленъ 23 сентября.

Нѣтъ сомнѣнiя, что если бы вмѣсто кавалерiи генераловъ Лашкарева и Крылова были отряжены, въ концѣ августа и началѣ сентября, сильныя пѣхотныя колонны для занятiя Горнаго и Дольняго Дубняковъ, то онѣ успѣли бы овладѣть этими позиціями и укрѣпиться на нихъ безъ значительныхъ потерь. Въ неисполненiи этого движенiя не разъ обвиняли нашъ Полевой Штабъ заграничныя военныя критики. Но было ли мыслимо въ то время такое предпріятіе?

Самый обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ мы въ далеко не пристрастной къ намъ брошюрѣ прусскаго капитана Тило фонъ-Трота, озаглавленной: *Бой кругомъ Плевны*. Къ концу августа, по весьма точному вычисленію этой брошюры, вся облагавшая Плевну русская армія могла имѣть въ строю *не болѣе 45.000 человекъ всѣхъ родовъ оружія*, между тѣмъ какъ Османъ-паша располагалъ, по меньшей мѣрѣ, 50-тысячною арміею, *сосредоточенной въ центральной позиціи*, тогда какъ 45-тысячная русская армія была *раскинута на разстояніи слишкомъ 30 верстъ чрезвычайно перестѣнной мѣстности*.

Пропорція эта осталась неизмѣнною до прибытія Гвардіи, съ тою разницей, что, съ наступленіемъ сентябрскихъ осеннихъ ненастій, сообщеніе между разными пунктами нашей позиціи такъ быстро стало затрудняться невылазною грязью, что для артиллеріи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, оказалось невозможнымъ дѣлать *болѣе трехъ или четырехъ верстъ въ часъ....*

И не смотря на столь краснорѣчивые факты и цифры, бѣольшая часть нашихъ иностранныхъ критиковъ до сихъ поръ превозноситъ отвагу и геройство защитниковъ Плевны, не обращая вниманiя на то, что, въ сущности, Османъ-паша долженъ былъ бы не держаться одной обороны, но перейти

въ наступленіе и прорвать раскинутые на огромномъ пространствѣ русскія линіи!...

Но, въ этомъ отношеніи, Османъ-паша былъ уже проученъ. 19 августа, со всею своею арміею, пытался онъ прорвать наши линіи у селенія Пелишатъ. Онъ былъ отраженъ съ большими потерями, несмотря на всѣ благопріятствовавшія ему условія позиціи и огромный численный перевѣсъ его войска. Съ чьей же стороны, спрашивается, былъ совершенъ при этомъ геройскій подвигъ?

Съ половины августа до конца сентября, во всѣхъ отношеніяхъ, наше положеніе на столько же ухудшилось, на сколько улучшилось положеніе арміи Османа-паши. Полагаться постоянно на неимовѣрные геройскіе подвиги—невозможно. То, что не удалось Осману въ половинѣ августа, могло удасться ему въ концѣ сентября. При огромной несоразмѣрности протяженія нашей позиціи въ сравненіи съ числомъ войскъ, которымъ мы располагали, всякое сколько нибудь значительное ослабленіе послѣднихъ могло вызвать для насъ самыя роковыя послѣдствія. Что же говорить послѣ этого о тѣхъ критикахъ — а такихъ было не мало и у насъ—которые, безъ вниманія къ численному превосходству облагаемой арміи надъ облагавшею, требовали, чтобы, до прибытія подкрѣплений, русскій Полевой Штабъ отрядилъ на лѣвый берегъ Вида, для прерванія сообщеній Османа-паши съ Орханіэ, настолько значительный пѣхотный отрядъ, чтобы онъ былъ въ состояніи отражать непріятельскія арміи, какъ со стороны Орханіэ, такъ и со стороны Плевны?....

II.

Выступление гвардіи. — Гвардія въ походъ. — Встрѣчи и проводы. — Гвардія въ Горномъ Студенѣ. — Дѣятельность генералъ-адъютанта Гурко какъ начальника кавалеріи. — Собраніе свѣдѣній о мѣстности, занятой турками. — Нынѣшнее значеніе глазомѣрныхъ съемокъ. — Рекогносцировка 10 октября. — Рѣчи генераловъ Гурко и Рауха. — Диспозиція на 12 число.

Кому изъ жителей Петербурга не памятенъ тѣ восторженные ликованія, какими вся гвардія привѣтствовала, въ послѣднихъ числахъ іюля 1877 года, давно желанное извѣстіе о приведеніи ея въ военное положеніе? Ликованія эти не ограничивались кружками офицеровъ, — съ ихъ радостью соперничала и радость нижнихъ чиновъ, даже возвращавшихся изъ отпуска; по свидѣтельству завѣдывавшихъ сборнымъ гвардейскимъ пунктомъ, рѣзкій контрастъ съ этой общеою радостью представляло отчаяніе людей, назначаемыхъ на время похода въ почти безопасныя должности при обозѣ. На огромномъ пути отъ Петербурга и Варшавы до румынской границы, почти на каждой станціи, иногда даже поздно ночью, при свѣтѣ фонарей и факеловъ, гвардейцы встрѣчали напутственныя молитвы, угощенія и привѣтствія представителей городскихъ обществъ, духовенства и народа, безъ различія пола и сословія; повсюду высказывалось лестное для гвардіи упованіе, что именно на ея долю, волею Провидѣнія, выпадаетъ доблестная, но трудная задача — освободить народное сердце отъ остраго ножа, вонзеннаго въ него плевненскими неудачами...

Гвардія осиротѣла съ отъѣздомъ на Дунай Государя Императора и Августѣйшаго корпуснаго командира, Наслѣдника Цесаревича. Съ тѣхъ поръ, до выступленія гвардіи въ походъ, минуло нѣсколько мѣсяцевъ. Чего не перечувствовали въ продолженіи этихъ мѣсяцевъ гвардейцы, при вѣстяхъ объ опасностяхъ и лишеніяхъ, столь великодушно раздѣляемыхъ Царскою Семейей со счастливыми арміи, на глазахъ своего Царя стяжавшихъ безсмертныя лавры, тогда какъ обычная спутница и тѣлохранительница Императора, Его вѣрная и блестящая гвардія, считалась какъ бы лишнею?.. Съ первыхъ этаповъ на театрѣ войны, Императорскую Гвардію ожидало наконецъ отрадное свиданіе съ Тѣмъ, за Кого она не переставала возносить Небу самыя теплыя молитвы, въ ожиданіи счастливаго дня, когда и она удостоится счастья ограждать Его отъ врага своею грудью...

И вотъ — насталъ давно желанный день!

Главная Квартира Государя Императора находилась въ то время въ Горномъ Студнѣ. Почистившись, принарядившись, гвардейскіе полки, одинъ за другимъ, съ пѣснями и музыкой вступали въ Главную Квартиру. Здѣсь привѣтствовалъ проходившихъ гвардейцевъ ихъ возлюбленный бывшій начальникъ Петербургскаго округа, Великій Князь Главнокомандующій, находившій ободрительное слово для каждаго полка, укрѣплявшее въ гвардейцахъ неограниченное довѣріе грядущему. Затѣмъ выѣзжалъ къ нимъ самъ Государь Императоръ, поздравляя ихъ съ походомъ и съ предстоящими битвами — и восторженное состояніе гвардейцевъ доходило тогда почти до лихорадочнаго состоянія; на многихъ загорѣлыхъ, суровыхъ солдатскихъ лицахъ, украдкой, утиралась слеза умиленія, вырвавшаяся изъ глубины сердца; массы офицеровъ и солдатъ бѣгомъ провожали Государя; долго неслоь оглушительное ура! и даже позднею ночью, то и дѣло, прерывало оно неумолкавшія пѣсни... Въ день выступленія изъ Горнаго Студня служили въ войскахъ молебень въ присутствіи Государя Императора, несмотря,

иногда, на проливной дождь; Государь еще разъ обращался къ полкамъ съ напутственнымъ, потрясающимъ душу словомъ, благословлялъ гвардейцевъ на славное дѣло, и голосъ Императора не разъ прерывался подъ вліяніемъ глубокаго душевнаго волненія...

Невольно вспоминали тогда войска о пышности и блескѣ двора въ Петербургѣ, о величавомъ Зимнемъ Дворцѣ,—и при видѣ окруженнаго невылазною грязью скромнаго крестьянскаго домика, въ которомъ помѣщался повелитель восьмидесяти-милліоннаго русскаго народа, каждый чувствовалъ, что каковы бы ни были предстоявшія ему лишенія и опасности, всякій Русскій не могъ не принять ихъ съ радостью, лишь бы освободить Державнаго Хозяина русской земли отъ тяжкихъ заботъ и огорченій, удрочающихъ Его сердце.

По пути гвардіи подѣ Плевну, при входѣ въ Порадимъ, обыкновенно встрѣчалъ ее помощникъ начальника западнаго отряда князя Румынскаго, генераль-адъютантъ Тотлебенъ. Одного воспоминанія о его блестящихъ севастопольскихъ боевыхъ заслугахъ было достаточно, чтобы воодушевить людей. Особенно радушенъ былъ его привѣтъ сослуживцамъ его первоначальной дѣятельности, саперамъ: „вотъ герой, такъ герой“, поговаривали о немъ солдаты, „коли съ нимъ пойдешь, такъ что хошь сдѣлаешь!“

Таково было душевное настроеніе Гвардіи, прибывшей въ окрестности Плевны. Но, кромѣ общаго, невыразимаго восторга, внушеннаго напутственными пожеланіями Государя и всего русскаго народа, въ сердцахъ гвардейцевъ высказывалось чувство затронутаго военнаго самолюбія. „Задача гвардейскаго корпуса“, писалъ 9 октября въ своемъ дневникѣ офицеръ гвардейской конной артиллеріи *), „стать на сообщенія Османа-паши и замкнуть линію обложенія Плевны. Отъ успѣха

---

*) Сборникъ военныхъ разсказовъ, Т. III, стр. 110.

этого дня зависить существованіе Плевны, а можетъ быть и успѣхъ всей кампаніи. Разъ вводятъ въ дѣло гвардію, значитъ—дѣло не шуточное! Гвардія есть резервъ всей арміи, слѣдовательно для нея здѣсь *является вопросъ личный*. Всякій это понималъ, чувствовалъ и *настраивалъ себя какъ на поединокъ*“.

Это геройское настроеніе гвардейскаго корпуса составляло одно изъ данныхъ, которымъ объясняются многія событія въ кровавыхъ битвахъ на Софійской дорогѣ...

Пока Гвардія стягивалась къ правому берегу Вида, выше и къ юго-востоку отъ Плевны, уже было рѣшено, что она переправится черезъ Видъ для занятія Софійскаго шоссе въ тылу арміи Османа-паши и что предводителемъ ея въ этомъ отважномъ предпріятіи будетъ уже получившій европейскую извѣстность своимъ первымъ орлинымъ полетомъ за Балканы—генераль-адъютантъ Гурко. Назначеніемъ этимъ, генераль Гурко, хотя и младшій по службѣ, становился начальникомъ командира 2-й пѣхотной гвардейской дивизіи, генераль-адъютанта графа Шувалова. Для многихъ, такое подчиненіе младшему въ чинѣ подало бы поводъ къ неудовольствіямъ и препирательствамъ, напоминающимъ наши боярскіе споры о мѣстничествѣ. Но безпредѣльная преданность долгу службы ставила графа Шувалова слишкомъ высоко надъ такими мелочами. Подобно Нахимову относительно Корнилова при началѣ осады Севастополя *), графъ Шуваловъ заявилъ, что, отдавая полную справедливость уже доказанной даровитости и боевой опытности генерала Гурко, онъ съ удовольствіемъ будетъ служить подъ его начальствомъ.

Что касается генерала Гурко, то, при назначеніи его командиромъ „гвардейскаго корпуса и всей кавалеріи западнаго отряда“, съ цѣлію занять Софійскую дорогу, театръ предстоявшей ему дѣятельности имъ былъ уже вполнѣ изученъ.

---

*) *Синопъ, 18 ноября 1853 года*, соч. Е. В. Богдановича.

Получивъ, до этого назначенія, команду надъ всей кавалеріей западнаго отряда, генераль Гурко расположилъ свой штабъ въ селеніи Трестяникъ, къ сѣверу отъ Плевны, на лѣвомъ берегу Вида. Оттуда устроилъ онъ постоянное наблюденіе за Софійскою дорогою, слѣдя за всѣми работами и движеніями непріятеля и постоянно угрожая его транспортамъ. Конвоировали эти транспорты, постоянно, нѣсколько баталіоновъ пѣхоты съ артиллеріей; конницы же было достаточно лишь для аванпостной и фланкерской службы. Едва замѣчала эта конница появленіе нашихъ всадниковъ, какъ давала объ этомъ знать конвоировавшей пѣхотѣ и сосѣдней этапной станціи откуда немедленно, бѣгомъ, выступало подкрѣпленіе на выручку атакованному конвою, уже ставшему въ боевой порядокъ и устроившему вагенбургъ для отраженія русской конницы. Хотя это безпрестанное угрожаніе транспортамъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно утомляло турецкія войска, но существеннаго вреда одною кавалеріей имъ наносить было невозможно; во всякомъ случаѣ, исполняемая тогда генераломъ Гурко на лѣвомъ берегу Вида служба принесла ту пользу, что представила ему возможность ознакомиться съ мѣстностью, гдѣ ему предстояла столь исключительная дѣятельность.

Именно благодаря опытности, пріобрѣтенной генераломъ Гурко, было рѣшено въ Главной Квартирѣ, что для занятія Софійскаго шоссе необходимы весьма значительныя силы.

Едва стали прибывать къ окрестностямъ Плевны головныя колонны гвардіи, какъ генераль Гурко, получивъ команду надъ ними, съ сохраненіемъ прежняго своего назначенія, перенесъ свой штабъ на правый берегъ Вида, выше Плевны, въ селеніе Іени-Беркачь, откуда открывался обширный кругозоръ на Софійское шоссе отъ самой Плевны до Телиша. Для постоянного же наблюденія за непріателемъ, генераль Гурко избралъ, близъ селенія Чирикова, господствующій надъ всею мѣстностью курганъ, гдѣ была утверждена большая подзорная труба, при которой дежурили его ординарцы съ приказаніемъ вести жур-

наль всему замѣченному ими на лѣвомъ берегу рѣки. Какъ генераль Гурко, такъ и его начальникъ штаба Нагловскій, безпрестанно выѣзжали на этотъ курганъ, а генеральнаго штаба полковнику Пузыревскому было приказано измѣрить разстояніе отъ кургана до Горнаго Дубняка. По прямой линіи, оно было опредѣлено, конечно только приблизительно, версть въ восемь. Кромѣ того, генеральнаго штаба полковнику Ставровскому и поручику Сокольскому было поручено сдѣлать глазомѣрную съемку непріятельской позиціи у Горнаго Дубняка: первому съ юга, второму съ сѣвера. Изъ приложенныхъ оттисковъ съ этихъ съемокъ читатель, при сличеніи ихъ съ планами, снятыми по завоеваніи Софійскаго шоссе, можетъ удостовѣриться, что самыя добросовѣстныя глазомѣрныя съемки, при нынѣшней дальности огнестрѣльнаго оружія и соотвѣтствующей ей отдаленности расположенія передовыхъ постовъ отъ охраняемыхъ армій, даютъ весьма неполное понятіе о мѣстностяхъ, предстоящихъ для атаки.

Если присоединить къ этому неточность свѣдѣній, добываемыхъ чрезъ лазутчиковъ о силахъ непріятеля, то сдѣлается понятнымъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ неточность данныхъ неизбежно должна была повлечь за собою нѣкоторыя погрѣшности въ общихъ разсчетахъ.

Для изученія этихъ мѣстностей, генераль Гурко однако не ограничился означенными рекогносцировками. Въ сопровожденіи генерала Нагловскаго и незначительнаго конвоя, не разъ выѣзжалъ онъ, на самое близкое разстояніе, къ непріятельскимъ аванпостамъ. Слѣдующія подробности всего высмотрѣннаго обоими генералами лично сообщены намъ однимъ изъ немногихъ сопровождавшихъ ихъ лицъ. „Найдено было, что пространство къ сѣверу отъ Горнаго Дубняка ровное, съ весьма небольшими складками земли; между шоссе и Видомъ оказалось нѣсколько отдѣльныхъ деревьевъ и небольшихъ группъ деревьевъ. Укрѣпленія главнаго редута и построенные впереди его, саженьяхъ въ 300, ложементы были ясно видны какъ во время рекогносци-

ровки, такъ и съ упомянутаго холма близъ Чирикова; ложементы были вырыты, можно сказать, на глазахъ нашихъ генераловъ. Сѣверная опушка лѣса, между редутомъ и Видомъ, очерчивалась довольно рельефно. Подходя къ Виду, мѣстность понижалась и образовывала довольно глубокую долину рѣки, удобную для скрытаго движенія войскъ. Софійское шоссе обозначалось ясно линіей телеграфныхъ столбовъ. Юго-восточный фасъ редута можно было видѣть только издали, съ холма у Чирикова, такъ какъ этотъ фасъ закрывался лѣсомъ, подходившимъ къ укрѣпленію шаговъ отъ 350 до 430. Такимъ образомъ, чтобы осмотрѣть этотъ фасъ, необходимо было подъѣхать къ укрѣпленію на очень близкое разстояніе, чего не допускали турецкіе аванпосты. Вообще, во время рекогносцировокъ, оказалось невозможнымъ подъѣзжать къ укрѣпленіямъ ближе, какъ версты на двѣ съ половиною. Вслѣдствіе этого о Маломъ, восточномъ редутѣ, можно было имѣть лишь самое смутное понятіе (на глазомѣрномъ планѣ его вовсе не оказывается). Характеръ мѣстности къ юго-западу отъ редута таковъ же, какъ и къ сѣверо-востоку, т. е. ровный и открытый. На разстояніи около 800 сажень отъ редута начинается пологій скатъ къ лощинѣ, лежащей возлѣ самаго редута. Свойства лощины, по причинѣ слишкомъ близкаго разстоянія ея отъ редута, рассмотреть было невозможно; какъ извѣстно нынѣ, на днѣ ея оврагъ, а по другую сторону ея—крутой подъемъ, усѣянный ложементами. Въ недалекомъ разстояніи отъ шоссе, къ западу, видѣнъ былъ лѣсъ, подходившій весьма близко къ лощинѣ. Юго-западный фасъ Большаго редута видѣнъ издалека; но Малаго редута съ юга вовсе не было видно. Въ разстояніи отъ 4 до 5 верстъ отъ шоссе, мѣстность полого спускается въ довольно глубокую Свинарскую балку, въ которой назначено было собраться колоннамъ свиты Его Величества генераловъ Розенбаха и Эллиса 1-го и флигель-адъютанта полковника Челищева. Балка эта представляла весьма удобное мѣсто для скрытнаго расположенія нашихъ войскъ.

„Укрѣпленія Телиша были осматрѣны только съ восточной, сѣверо-восточной и юго-восточной сторонъ. Они казались тогда еще не совсѣмъ конченными и, какъ будто, съ нѣкоторыми небольшими перерывами. Вообще, мѣстность кругомъ Телиша чрезвычайно затрудняла осмотръ укрѣпленій.

„Произвести рекогносцировку обоихъ укрѣпленій съ западной стороны было невозможно, такъ какъ для этого надо было переѣхать шоссе, а вдоль его были устроены на значительномъ протяженіи отдѣльные ложементы, занятые пѣхотными и кавалерійскими постами. Чтобы переѣхать дорогу, приходилось, слѣдовательно, форсировать эту передовую охранительную линію непріятеля. Но генераль Гурко рѣшился не дѣлать форсированныхъ рекогносцировокъ, чтобы не возбудить бдительности непріятеля и не пугать его до послѣдней минуты. Поэтому, касательно свѣдѣній о западной сторонѣ редутовъ, пришлось ограничиться данными, доставленными о ней поручикомъ Сокольскимъ.

„Всѣ произведенныя рекогносцировки были скрытны. Сопровождали генерала Гурко не болѣе 6—10 человѣкъ. Конвой оставался позади, въ какомъ-либо скрытномъ мѣстѣ, генералы же выѣзжали впередъ до тѣхъ поръ, пока не были встрѣчаемы довольно сильнымъ огнемъ турокъ“.

Вся эта многотрудная и опасная развѣдочная дѣятельность генерала Гурко до сихъ поръ была неизвѣстна публикѣ; корреспонденты ограничивались сообщеніемъ, что, въ бытность свою въ Іени-Беркачѣ, генераль съ утра до вечера гдѣ-то разъѣзжалъ на конѣ, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ ординарцевъ. Даже въ своемъ офиціальномъ донесеніи, генераль Гурко ограничился изложеніемъ общихъ результатовъ всѣхъ рекогносцировокъ, не упоминая ни единымъ словомъ о томъ, путемъ какихъ трудовъ и опасностей были имъ добыты эти результаты.

Публикѣ была до сихъ поръ извѣстна лишь одна рекогносцировка 10 октября, съ участіемъ всѣхъ офицеровъ генеральнаго

штаба и начальниковъ частей. Между тѣмъ, изъ доставленныхъ намъ, самыхъ вѣрныхъ свѣдѣній, оказывается, что рекогносцировка 10 числа имѣла цѣлю вовсе не ознакомленіе генерала Гурко съ предполагаемымъ полемъ сраженія, а единственно, на основаніи прежде добытыхъ свѣдѣній, ознакомленіе, подъ руководствомъ самого начальника отряда, всѣхъ начальниковъ частей съ мѣстностью, на которой имъ придется дѣйствовать.

Нѣкоторыми участниками въ этой рекогносцировкѣ намъ сообщены слѣдующія свѣдѣнія.

Переправившись у Чирикова черезъ Видь, подъ прикрытіемъ Собственного Его Величества Конвоя и одной сотни Донцовъ, генераль Гурко, со всею своею свитой, направился къ Телишу, по Свинарской балкѣ, и скрытно отъ непріятеля доѣхалъ по ней на разстояніе отъ $3\frac{1}{2}$ до 3 верстъ отъ турецкихъ укрѣпленій. Оставивъ въ балкѣ всю свиту и конвой генераль поднялся на холмъ, на разстояніе, безъ малаго, 1,000 шаговъ отъ непріятельской цѣпи, открывшей сильный огонь. Съ холма открывалась большая часть укрѣпленій Телиша. Генераль Гурко лично оріентировалъ на мѣстности будущаго начальника штаба отряда, назначеннаго для дѣйствій противъ Телиша, подполковника барона Криденера, и приказалъ ему поѣхать ближе къ югу, дабы ближе осмотрѣть мѣстность и укрѣпленіе и избрать направленіе для предстоящей атаки.

По словамъ конно-артиллериста, помѣстившаго въ *Сборникъ Военныхъ Разказовъ* описаніе этой рекогносцировки, генераль Гурко сказалъ при этомъ: „По слухамъ, въ Горномъ Дубнякѣ нѣсколько баталіоновъ; въ Телишѣ же всего нѣсколько ротъ“.

Послѣ Телиша, генераль Гурко, въ сопровожденіи 6 или 8 офицеровъ, направился къ Горному Дубняку; вся свита и конвой двигались параллельно съ нимъ по дну Свинарской балки. Подъѣхавъ довольно близко къ Большому редуту, генераль подозвалъ нѣкоторыхъ начальниковъ частей и офицеровъ генеральнаго штаба и, указавъ на Большой редутъ, приказалъ

лично осмотрѣть какъ мѣстность, такъ и укрѣпленія. Затѣмъ, вернувшись къ бродамъ на Видѣ, генераль Гурко указаль генералу Эллису 1-му: мѣсто на лѣвомъ берегу Вида, гдѣ должна будетъ собраться, до зари 12 октября, назначенная подъ его команду колонна, и направленіе, по которому придется вести ее. Указавъ затѣмъ и свиты Его Величества генераль-маіору барону Зедделеру сборное мѣсто и направленіе будущей его колонны, начальникъ отряда вернулся въ Іени-Беркачъ.

Для каждой колонны, будущіе начальники ея должны были производить болѣе подробную рекогносцировку, что и было ими исполнено, частью тутъ же, частью предъ самымъ началомъ боя, 12 октября.

Что касается собственно Л.-Гв. Егерскаго полка, то, какъ видно изъ рукописи будущей Исторіи этого славнаго полка (сообщенной намъ подпоручикомъ Крейтеромъ), командиръ его, флигель-адъютантъ полковникъ Челищевъ, въ сопровожденіи жолнернаго офицера, подпоручика Оаворскаго, ѣздилъ еще 11 октября къ генералу Гурко, для полученія инструкцій, затѣмъ сопровождалъ генерала на холмъ, близъ Чирикова, для обозрѣнія въ трубу мѣстности кругомъ Телиша. Но „непривычному глазу строевыхъ офицеровъ“, присовокупляетъ авторъ, „трудно было замѣтить что нибудь, кромѣ равнины, изрытой кое-гдѣ оврагами и поросшей мелкимъ дубнякомъ“. Баронъ Криденеръ, командиръ 3-й батареи Л.-Гв. 1-й артиллерійской бригады полковникъ Кокоревъ и подпоручикъ Оаворскій проѣхали версты 3—4 по лѣвому берегу Вида и приблизились шаговъ на 1,000 къ холму, на которомъ стояла непріятельская цѣпь. Турки замѣтили небольшую кучку всадниковъ, но не открыли по ней огонь, принявъ ее за своихъ. Баронъ Криденеръ указаль путь, по которому слѣдовало двигаться ночью егерямъ, но „разсмотрѣть, что было далѣе, за холмомъ“, сказано въ рукописи, „не было никакой возможности“.

Все, что возможно было сдѣлать для ознакомленія съ будущимъ полемъ сраженія,—то было сдѣлано. При всемъ томъ, многіе военные писатели, не только иностранные, но и русскіе *), не разъ взводили противъ генерала Гурко и его начальника штаба обвиненіе въ недостаточномъ предварительномъ ознакомленіи съ мѣстностью, даже приписывали этой неудовлетворительности рекогносцировокъ значительность потерь, понесенныхъ гвардіей 12 октября. Здѣсь, очевидно, терялось изъ вида, что, при нынѣшней дѣйствительности артиллерійскаго огня на 1,000 сажень, а ружейнаго на 2,500 шаговъ, и при соразмѣрномъ съ этою дальностью разстояніи, на которое выставляются аванпосты, рекогносцировки далеко не могутъ имѣть прежней точности, когда дѣйствительность артиллерійскаго огня была всего на 700 сажень, а ружейнаго—на 150 шаговъ.

Съ каждымъ днемъ стягивались къ селеніямъ Іени-Беркачъ, Эски-Беркачъ и Чирикову гвардейскіе полки и гвардейская артиллерія. Ждали только прибытія 2-й пѣхотной дивизіи, слѣдовавшей чрезъ Румынію. Гвардейскіе саперы частью укрѣпляли названные селенія со стороны Плевны, частью устраивали у Чирикова спуски въ Видъ и броды, означенные вехами съ номеромъ каждаго брода. Изъ разныхъ полковъ были посланы части для вырубки къ бродамъ просѣки въ густомъ дубовомъ кустарникѣ.

Въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку вязались при этомъ фашины, пуда въ $2\frac{1}{2}$ каждая, которыя люди потащили съ собою 12 октября, чтобы, по завладѣніи непріятельскою позиціею, тотчасъ же приступить къ возведенію укрѣпленій фронтомъ къ Плевнѣ.

7 октября, генераль Гурко, объѣзжая прибывшія войска гвардіи, говорилъ офицерамъ и солдатамъ, что онъ считаетъ за большое счастье и за честь командовать отборнымъ русскимъ войскомъ.

---

*) Это замѣтно и въ *Сборникъ военныхъ разсказовъ*.

„Господа!“ говорилъ онъ офицерамъ, по словамъ сопровождавшаго его корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей*, князя Шаховскаго, „я обращаюсь къ вамъ и долженъ вамъ сказать, что люблю страстно военное дѣло; на мою долю выпала такая честь и такое счастье, о которомъ я никогда и не смѣлъ мечтать—вести Гвардію, это отборное войско, въ бой. Для военнаго человѣка не можетъ быть бѣльшаго счастья, какъ вести въ бой войско съ увѣренностью въ побѣдѣ, а гвардія по своему составу, по обученію, можно сказать, лучшее войско въ мірѣ. Помните, господа, вамъ придется вступить въ бой и на васъ будетъ смотрѣть не только вся Россія, но весь свѣтъ, и отъ успѣховъ вашихъ будетъ зависѣть исходъ дѣла.“

„Бой, при правильномъ обученіи, не представляетъ ничего особеннаго; это тоже, что ученіе съ боевыми патронами, только требуетъ еще бѣльшаго спокойствія, еще бѣльшаго порядка. Влейте, если такъ можно сказать, въ солдата, что его священная обязанность *беречь въ бою патронъ, а сухарь на bivакъ*, — и помните, что вы ведете въ бой русскаго солдата, который никогда отъ своего офицера не отставалъ.“

Съ не менѣе теплымъ словомъ обратился генераль и къ солдатамъ. Понятно, съ какимъ одушевленіемъ были ими приняты слѣдующія слова ихъ новаго доблестнаго вождя:

„Помните, ребята, что вы гвардія Русскаго Царя, и что на васъ смотритъ весь крещеный міръ. Турки стрѣляютъ издалека и стрѣляютъ много,—это ихъ дѣло; а вы стрѣляйте какъ васъ учили: *умною пулей, рѣдко, но мѣтко*, а когда придется до дѣла въ штыки, то *продыравъ его*. Нашего ура! врагъ не выносить. О васъ, гвардейцы, заботятся больше, чѣмъ объ остальной арміи: у васъ лучшія казармы, вы лучше одѣты, накормлены, обучены, — вотъ вамъ минута доказать, что вы достойны этихъ заботъ“.

Вечеромъ, 10 октября, генераль Гурко собралъ у себя всѣхъ начальниковъ, до полковыхъ въ пѣхотѣ и бригадныхъ въ артиллеріи, а также всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба и передалъ имъ, въ общихъ чертахъ, планъ предположенной атаки Горнаго Дубняка, стараясь выяснить каждому задачу, ему предстоявшую. Горный Дубнякъ предстояло энергически атаковать войскамъ 2-й пѣхотной дивизіи, съ гвардейскою стрѣл-

ковою бригадой и сапернымъ баталіономъ. Такая грозная сила 20 баталіоновъ и 40 орудій и, кромѣ того, 6 конныхъ орудій была признана нужною, дабы быстрымъ окончаніемъ дѣла не дать Осману возможности выступить на поддержку Дубняка. На всякій случай, для наблюденія за Плевной и для прегражденія пути изъ нея для подачи помощи Горному Дубняку, противъ Дольняго Дубняка должна была выстроиться 1-я пѣхотная дивизія; Л.-Гв. Егерскій же полкъ назначался по диспозиціи для атаки Телиша. Въ словесной инструкціи своей, генераль Гурко сказалъ: „слѣдуетъ держать Дольній Дубнякъ и Телишъ въ желѣзныхъ объятіяхъ, пока будетъ покончено съ Горнымъ Дубнякомъ“, — изъ чего слѣдовало бы заключить, что роль отрядовъ предъ Телишемъ и Дольнимъ Дубнякомъ была совершенно одинакова, т. е. строго ограничивалась наблюденіемъ и отпоромъ; къ атакѣ же слѣдовало приступить лишь послѣ того, когда „будетъ покончено“ съ Горнымъ Дубнякомъ.

Многочисленная кавалерія отряда, какъ видно изъ диспозиціи, предназначалась также для того, чтобы „держать Дольній Дубнякъ и Телишъ въ желѣзныхъ объятіяхъ“.

Въ тотъ же день генераль Раухъ, объѣзжая три полка 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, обратился къ офицерамъ и солдатамъ съ совѣтомъ беречь патроны. Кому не памяты порицанія, какимъ подверглись тогда со стороны общества эти повторенныя настоянія на необходимости беречь патроны въ то время, когда турки обсыпали непрерывнымъ градомъ пуль наши наступавшія колонны? Публика, очевидно, забывала, что наступающему нельзя нести съ собою такого громаднаго запаса патроновъ, какимъ располагали турецкіе солдаты, сидѣвшіе за брустверомъ.

Что же касается Телиша, генераль Гурко, какъ уже было сказано, не имѣлъ возможности получить о немъ вѣрныя свѣдѣнія, ни чрезъ лазутчиковъ, очевидно, уменьшавшихъ численность гарнизона, ни посредствомъ своихъ повторенныхъ

рекогносцировокъ, при которыхъ укрѣпленія Телиша „показались *неоконченными*“. Такимъ образомъ объясняются слѣдующія интересныя подробности, заимствованныя нами изъ рукописи подпоручика Крейтера.

„11 октября“, сказано въ этой рукописи, „обѣзжалъ bivakъ вновь назначенный командующимъ дивизіей генераль-маіоръ Раухъ и объявилъ, что полку предстоитъ дѣло, въ которомъ, онъ увѣренъ, полкъ покажетъ себя молодцами. Офицеры, какъ еще необстрѣленные новички, окружили испытаннаго въ бояхъ генерала и закидали его вопросами. Вотъ, въ общихъ чертахъ, отвѣтъ генерала:

„Рѣдко выпадаетъ такое счастье, чтобы одинъ полкъ участвовалъ въ дѣлѣ. Вамъ предстоитъ *атаковать деревню Телишъ*, она почти *не укрѣплена* и имѣетъ гарнизона, по свѣдѣніямъ, *отъ полутора до двухъ таборовъ*. Турки открываютъ огонь на большія дистанціи и стрѣляютъ много, такъ что самый сильный вредъ ихъ огонь наноситъ на разстояніи отъ 800—900 шаговъ; *стоитъ только быстрее пробѣжать это опасное пространство и потери значительно уменьшатся*. Нашего же мѣткого огня съ ближайшихъ разстояній и удара въ штыки турки почти никогда не выдерживаютъ. Взявъ же *деревню*, не увлекайтесь; пройдите ее насквозь, а преслѣдовать непріятеля предоставьте кавалеріи; сами же окопайтесь къ сторонѣ Софіи, чтобы не пропустить пройти чрезъ Телишъ подкрѣпленія къ Горному Дубняку, на который, въ то же время, поведутъ атаку 2-я гвардейская дивизія и стрѣлковая бригада съ ихъ артиллеріей“.

„Такимъ образомъ можно было бы подумать“, продолжаетъ авторъ, „что главная часть задачи Л.-Гв. Егерскаго полка наступитъ уже послѣ занятія Телиша—занятія, казавшагося, въ виду вышеизложеннаго, несомнѣннымъ—а именно, тогда уже придется выдерживать атаки можетъ быть въ нѣсколько разъ превосходящаго насъ численностью непріятеля, идущаго на подкрѣпленіе гарнизона Горнаго Дубняка“.

Въ тотъ же вечеръ былъ прочитанъ войскамъ слѣдующій еще не всѣмъ извѣстный приказъ генераль-адъютанта Гурко:

„Войска ввѣреннаго мнѣ отряда!

„Завтра, 12 октября, вы перейдете на Плевно-Софійскую дорогу съ цѣлью запереть турецкія войска въ Плевнѣ и не дать выйти оттуда ни одному турку.

„Царь и Россія надѣются на васъ и увѣрены, что вы съ честью и славою исполните возложенную на васъ задачу. Уповая на Бога и полагаясь на вашу доблесть, я увѣренъ, что мы не посрамимся и оправдаемъ надежды, на насъ возлагаемыя. Докажите всему міру, что духъ Суворовскихъ и Румянцовскихъ войскъ въ васъ не умеръ; что вы такіе же богатыри, какими были ваши предки, и что Турокъ предъ вами побѣжитъ также, какъ онъ бѣжалъ предъ Суворовскими и Румянцовскими чудо-богатырями.

„И такъ, съ Богомъ впередъ! и потрудимся за Царя и матушку святую Русь!“

. . . . .

Послѣднимъ примкнулъ къ гвардейскимъ бивуакамъ, только 11 октября поздно вечеромъ, Л.-Гв. Московскій полкъ. Назначенный начальникомъ средней штурмовой колонны, свиты Его Величества генераль-маіоръ Зедделеръ, немедленно передалъ командиру этого полка, свиты Его Величества генераль-маіору Броку, словесныя инструкціи, касавшіяся его части. Во многихъ полкахъ, какъ напримѣръ въ Л.-Гв. Финляндскомъ, баталіонные командиры объяснили, на картѣ, собравшимся къ нимъ офицерамъ предстоявшія ихъ баталіону дѣйствія. По свидѣтельству очевидцевъ, всѣ вынесли изъ этого совѣщанія увѣренность не только въ блистательный, но и въ „легкій“ успѣхъ . . . . .

Кромѣ уже приведеннаго, на 12 октября были изданы еще два приказа по войскамъ гвардейскаго корпуса и кавалеріи западнаго отряда.

Первымъ изъ этихъ приказовъ предписывалось войскамъ 1-й и 2-й пѣхотныхъ дивизій (за исключеніемъ 1-го баталіона Л.-Гв. Московскаго полка, оставленнаго на правомъ берегу Вида, у селенія Медованъ) съ ихъ артиллеріей, гвардейской стрѣлковой бригадѣ и Л.-Гв. Саперному баталіону

выступить съ своихъ бивуаковъ въ часъ, въ 1^{1/2} и въ 2 часа пополуночи, направиться къ Виду, переправиться чрезъ него и затѣмъ выстроиться резервнымъ порядкомъ.

Вторымъ приказомъ предписывалось оставить на правомъ берегу Вида, подъ начальствомъ полковника Шевича, весь полковой, артельный и офицерскій обозы и воловій транспортъ для перевозки раненыхъ. Этимъ же приказомъ предписывалось сварить по 3 фунта мяса на человѣка, съ тѣмъ, чтобы 1^{1/2} фунта было взято людьми съ собой на 12 октября, а также устроить передовые и центральные перевязочные пункты.

3-я гвардейская пѣхотная дивизія должна была остаться на правомъ берегу Вида.

Нельзя не отдать справедливости всѣмъ этимъ приказамъ: все въ нихъ предвидѣно, зрѣло обдуманно и распредѣлено образцовымъ образомъ!

Дальнѣйшія движенія войскъ, назначенныхъ для занятія Софійской дороги, были опредѣлены слѣдующей „Диспозиціей по войскамъ гвардіи и всей кавалеріи западнаго отряда“:

Въ дер. Іени-Беркачь на 12 октября 1877 г.

„Завтра, 12 октября, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда перейти на Плевно-Софійское шоссе съ цѣлью занять позицію у Горнаго Дубняка, укрѣпиться на ней и тѣмъ сомкнуть блокаду непріятельскихъ войскъ, собранныхъ въ Плевнѣ.

„1) Гвардейской Стрѣлковой бригадѣ, съ ея артиллеріею и казаками, выступить въ 6^{1/4} часовъ пополуночи, и двинувшись, къ Горному Дубняку, атаковать его со стороны Плевны (4 баталіона, 16 пѣшихъ орудій, 3 сотни).

„2) 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ ея артиллеріею и лейбъ-гвардіи Сапернымъ баталіономъ, выступить въ 6^{1/2} часовъ пополуночи и, двинувшись правѣе лѣсковъ, лежащихъ между Горнымъ Дубнякомъ и Чириковымъ, атаковать непріятельскую позицію со стороны Чирикова (9 баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій).

„3) 2-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ ея

артиллерією, выступить въ $6\frac{1}{4}$ часовъ пополудни и атаковать непріятельскую позицію со стороны с. Телиша (8 баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій).

„4) лейбъ-гвардіи Егерскому полку, съ его артиллерією и со 2-ю бригадою 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи и одною сотнею выступить въ $6\frac{1}{4}$ часовъ утра и атаковать непріятельскую позицію у с. Телиша (4 баталіона, 8 пѣшихъ орудій, 7 эскадроновъ, 6 конныхъ орудій и 1 сотня).

„5) 1-й бригадѣ 2-й кавалерійской дивизіи, съ ея батареею, выступить въ $6\frac{1}{4}$ ч. пополудни и, обойдя 2-ю бригаду 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, двинуться въ промежутокъ между позиціями непріятеля у Горнаго Дубняка и Телиша. Цѣль движенія бригады—охранять тылъ и лѣвый флангъ 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи (8 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій).

„6) Тремъ полкамъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ ихъ артиллерією и одною сотнею казаковъ, выступить въ $6\frac{1}{2}$ часовъ пополудни и, перейдя по бродамъ №№ 1-го и 2-го, расположиться въ резервномъ порядкѣ по дорогѣ изъ Чирикова въ Крушевицу, въ разстояніи около 2-хъ верстъ отъ Чирикова, фронтомъ къ сторонѣ Дольнаго Дубняка (12 баталіоновъ, 32 орудія, 1 сотня).

„7) 3-й бригадѣ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ двумя конными батареями выступить въ $6\frac{1}{2}$ часовъ пополудни и стать позади Дубняка, впереди д. Чирикова. Бригада эта будетъ составлять кавалерійскій резервъ (7 эскадроновъ и 12 конныхъ орудій).

„8) Кавалерійскому Медованскому отряду выступить въ $6\frac{1}{4}$ часовъ пополудни и двинуться къ Дольному Дубняку съ цѣлью не допустить турокъ двинуться изъ этой деревни для оказанія помощи войскамъ, занимающимъ позицію у Горнаго Дубняка (12 эскадроновъ и 12 конныхъ орудій).

„9) Семередъ-Трестеникскому кавалерійскому отряду прибыть къ Дольному Дубняку и дѣйствовать изъ этой деревни для оказанія помощи войскамъ, занимающимъ позицію у Горнаго Дубняка.

„10) Отряду полковника *Черевина* прибыть къ $7\frac{1}{2}$ часамъ пополудни къ позиціи у Горнаго Дубняка и, дѣйствуя противъ этой позиціи съ запада, содѣйствовать атакѣ 2-й гвар-

дейской пѣхотной дивизіи и гвардейской Стрѣлковой бригады (14 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій).

„11) Отряду генерала *Чернозубова* приблизиться къ Плевно-Софійскому шоссе, и, въ случаѣ выхода турецкихъ войскъ изъ Плевны, стараться или задержать ихъ, или же, по возможности, замедлить движеніе ихъ къ Горному Дубняку (7 сотень и 6 конныхъ орудій).

„12) Какъ только позиція у Горнаго Дубняка будетъ занята нашими войсками, 1-я гвардейская пѣхотная дивизія будетъ двинута на Плевно-Софійское шоссе съ тѣмъ, чтобы занять по ней позицію фронтомъ къ Дольнему Дубняку и прикрыть войска, занявшія Горный Дубнякъ, которыя немедленно приступятъ къ возведенію укрѣпленій *).

„13) Въ началѣ движенія войскъ я буду находиться между 1-й бригадою 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и гвардейской Стрѣлковой бригадою.

„14) Для скорости передачи донесеній между отрядами полковника *Черевина*, *Сѣмередъ-Трестенинскимъ* и генерала *Чернозубова* съ одной стороны и между *Медованомъ* и *Чириковымъ* съ другой поставить летучую почту. Такую же почту поставить между Лейбъ-Гвардіи Егерскимъ полкомъ и *Чириковымъ*. Установленіе этихъ почтъ возлагается на генераль-маіоровъ: *Лашкарева* и *Арнольди* и флигель-адъютанта полковника барона *Мейендорфа*“.

Начальниками четырехъ атакующихъ колоннъ были назначены: правою колонною — генераль-маіоръ *Эллисъ* 1-й, при немъ начальникъ штаба — полковникъ *Пузыревскій*; среднею колонною — генераль-маіоръ *Зедделеръ*, начальникъ штаба — полковникъ *Ставровскій*; лѣвою колонною — генераль-маіоръ *Розенбахъ*, начальникъ штаба — подполковникъ *Афанасовичъ*; колонною для атаки *Телиша* — командиръ Л.-Гв. Егерскаго полка, полковникъ *Челищевъ*, начальникомъ штаба его — подполковникъ баронъ *Криденеръ*.

---

*) Съ этою цѣлью и былъ приданъ къ 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ. По словамъ полковника *Пузыревскаго*, баталіонъ принялъ участіе въ атакѣ по личной инициативѣ частныхъ начальниковъ.

Какъ видно изъ диспозиціи, средней колоннѣ было предписано выступить съ позиціи на лѣвомъ берегу Вида въ 6^{1/2} часовъ утра, между тѣмъ, какъ обѣ другія колонны, назначенныя для атаки Горнаго Дубняка, должны были выступить въ 6^{1/4} часовъ. При этомъ имѣлось въ виду, что средней колоннѣ предстояло двигаться совершенно прямымъ путемъ отъ Чирикова къ Горному Дубняку, тогда какъ обѣимъ прочимъ колоннамъ, для начатія атаки, приходилось дѣлать обходъ и захожденіе плечомъ. Такимъ образомъ, для одновременнаго начала штурма со всѣхъ сторонъ, было необходимо средней колоннѣ выступить нѣсколько позднѣе остальныхъ. Но генераль Зедделеръ, разсчитавъ, что, для одновременности атаки, его колоннѣ надо будетъ выступить еще позже, чѣмъ было назначено диспозиціей, испросилъ себѣ, чрезъ полковника Ставровскаго, разрѣшеніе выступить не въ 6^{1/2}, а въ 7 часовъ утра.

Это измѣненіе произошло отъ того, что движеніе колонны полковника Челищева было замедленно переходомъ черезъ одну канаву. Вслѣдствіе этого колонна генерала Розенбаха тоже нѣсколько запоздала, а потому и движеніе другихъ колоннъ было приказано задержать на полчаса.

III.

Бой при Горномъ Дубнякъ.

Свѣтлая, холодная ночь предвѣщала хорошую погоду на 12 октября 1877 года. Дулъ рѣзкій, пронзительный вѣтеръ. Какъ ни ярко сіяла луна, а Балканскія громады и даже ближайшій озёръ гвардейскаго стана утопали въ сырой, осенней мглѣ. Ожидались большіе труды, а спалось мало. Офицеры, покончивъ съ приготовленіями къ бою, писали письма; прозябшіе солдаты, осмотрѣвъ оружіе и сдавъ свои скудныя сбереженія ближайшимъ начальникамъ для отсылки родственникамъ „на случай грѣха“, грѣлись у рѣдкихъ костровъ, разрѣшенныхъ лишь въ самомъ маломъ числѣ. Предавъ себя теплою молитвой милосердію Промысла, всѣ были проникнуты сознаніемъ долга и торжественностью послѣднихъ часовъ отдыха и тишины, предъ началомъ многотруднаго, грознаго дня... Молодыхъ офицеровъ томило нетерпѣніе: скорѣе бы испытать свои силы, извѣдать непонятныя ощущенія — узнать самого себя. Полковые священники тихо совершали богослуженіе. Отчетливо слышались слова молитвы среди ночной тишины... Настроеніе было торжественное, но не унылое: громче всякихъ личныхъ, себялюбивыхъ чувствъ звучали въ сердцахъ напутственныя благословенія Царя и народа, и, воодушевленные увѣренностью въ побѣдѣ, гвардейцы спокойно ожидали начала грядущей грозы.

Едва прибывъ съ тридцативерстнаго перехода по липкой

грязи, Л. - Гв. Московскій полкъ поспѣшилъ воспользоваться нѣсколькими часами отдохновенія, оставшимися ему до выступления.

Этой краткой характеристикой общаго душевнаго настроенія гвардейцевъ, наканунѣ перваго сраженія, разъясняется все переданное объ этомъ предметѣ офицерами и нижними чинами, участвовавшими въ кровавой драмѣ 12 октября.

Уже въ первомъ часу пополуночи, всѣ были на ногахъ. Стали строиться. „Помни братцы“, повторяли командиры солдатамъ, „турки не цѣлятъ, не всѣхъ убьютъ... Когда впередъ, такъ ломи: туроѣ не любить поля, спрячется въ редутъ — выковыривай его оттуда. Береги патронъ, да и товарища оберегай, не выдавать другъ друга, а мы ужъ позаботимся, чтобы рота не выдавала роты; смотри впередъ веселѣй, прямо въ глаза врагу: турки этого не любятъ; не кланяйся свистящимъ пулямъ — что свиснула, то не твоя — своей не услышишь; иди за офицерами, мы будемъ впереди, а тамъ что Богъ дастъ. Въ добрый часъ, ребята, трогай. Ружье вольно, впередъ!“

Потянулись къ Виду длинныя походныя колонны. У каждаго брода стояли саперы для указанія переправы. Солдаты шли бодро, весело. Говорить было позволено только въ полголоса. Но люди большей частью шли молча: каждый сознавалъ необходимость избѣгать шума. Офицеры по нѣскольку разъ переправлялись чрезъ рѣку съ цѣлью указывать солдатамъ гдѣ по-мельче.

На лѣвомъ берегу Вида войска построились въ баталіонныя колонны. Вѣтеръ свѣжѣлъ, холодъ становился невыносимымъ. Ноги коченѣли отъ налившейся въ сапоги полумерзлой воды. Началось томительное, тяжелое ожиданіе.

„Не страхъ пугаетъ солдатъ — да и не въ русской натурѣ это чувство“, замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Лейбъ-Гренадеръ Гредякинъ, „а ожиданіе чего-то новаго, незнакомаго, невольно заставляетъ сжиматься сердце“.

. . . . .

Въ *Приложеніи* къ нашей книгѣ читатель найдетъ полный текстъ реляціи героя Горнаго Дубняка, генерала Гурко. Принимая этотъ замѣчательный историческій документъ за главное основаніе, мы, въ описаніи битвы подъ Горнымъ Дубнякомъ дополняемъ офиціальное донесеніе всѣми подробностями, какъ до сихъ поръ изданными, такъ и лично сообщенными намъ очевидцами. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, на основаніи данныхъ, мы позволяемъ себѣ исправлять немногія вкравшіяся въ донесеніе неточности и ошибки, неразлучныя съ этого рода документами, подъ вліяніемъ поспѣшности, съ какою они составляются немедленно по окончаніи сраженія, на основаніи первыхъ данныхъ, на-скоро собранныхъ отдѣльными начальниками частей.

Первою выступила по Свинарской балкѣ колонна для дѣйствія противъ Телиша. По слѣдамъ ея, сначала, потянулась лѣвая изъ колоннъ, назначенныхъ для атаки Горнаго Дубняка. Изрѣдка раздавались въ полголоса выходки ни чѣмъ не заглушаемаго солдатскаго юмора. Въ Финляндскомъ полку люди острили надъ обременявшими ихъ тяжелыми фашинами. „Тащи!“ въ полголоса подшучивали солдаты, „затѣмъ и приказано ихъ брать, чтобы для примѣра наказать Турку розгами“.

Одновременно съ лѣвою колонною двинулась и правая.

Какъ уже сказано, съ цѣлію одновременной атаки турокъ со всѣхъ сторонъ, послѣднею должна была выступить средняя колонна, барона Зедделера. „Я былъ очень удивленъ“, писалъ этотъ генералъ, „когда въ 6¹/₄ часовъ утра прибылъ ко мнѣ ординарецъ Гурко, Л.-Гв. Драгунскаго полка штабсъ-капитанъ Бураго, съ приказаніемъ начать наступленіе ровно въ 6¹/₂ часовъ утра. Я подробно разспросилъ ординарца о сущности приказанія, указывалъ на несогласіе его съ полученнымъ мною разрѣшеніемъ и спросилъ: беретъ ли онъ отвѣтственность за точность передаваемого имъ приказанія?“

Дѣйствительно, было чему удивляться. Благодаря новому распоряженію, средней колоннѣ, повидимому, приходилось всту-

пить въ дѣло одной, гораздо ранѣе того времени, когда прочія двѣ колонны успѣютъ совершить обходныя движенія и захожденія плечомъ, предшествовавшія вступленію ихъ въ линію огня.

Оказалось, однако, что генераль Гурко былъ правъ. Выѣхавъ съ небольшимъ конвоемъ значительно впередъ, онъ лучше другихъ могъ судить о дѣлѣ. Какъ ни важна была *одновременность* атаки съ разныхъ сторонъ, но не менѣе важна была и *нечаянность* атаки средней колонны, которой предстояло овладѣть самымъ сильнымъ изъ передовыхъ укрѣпленій непріятеля—Малымъ редутомъ. Между тѣмъ, приближалась заря; обходное движеніе обѣихъ фланговыхъ колоннъ, среди бѣла-дня, могло бы преждевременно открыть непріятелю общее наступленіе Русскихъ, и тогда исчезли бы для средней колонны всѣ выгоды нечаянности нападенія.

„Нашему успѣху“, сказано въ *Дневникъ Лейбъ-Гренадера* Гредякина, по поводу овладѣнія Малымъ редутомъ, „весьма много способствовала неожиданность атаки для непріятеля, результатомъ чего было то обстоятельство, что поджидаемая защитниками редута поддержка изъ главнаго укрѣпленія, въ виду нашего успѣха, не состоялась; такимъ образомъ, если бы атака была предпринята нѣсколько позже, то взятіе редута представилось бы еще болѣе трудною задачей“.

Къ тому же, отъ барона Зедделера зависѣло во-время пріостановить движеніе своей колонны, чтобы дождаться прібытія остальныхъ. Своею замѣчательною осмотрительностью, баронъ Зедделеръ вполне оправдалъ въ этомъ случаѣ довѣріе, оказанное ему начальникомъ отряда.

Убѣдившись въ точности переданнаго штабсъ-капитаномъ Бураго приказанія, баронъ Зедделеръ двинулъ свою колонну, направляясь по тропинкѣ изъ Чирикова къ селенію Горный Дубнякъ. Колонны двигались медленно, сначала по вязкимъ кукурузнымъ полямъ, затѣмъ густымъ дубовымъ кустарникомъ;

артиллерія съ трудомъ взбиралась на холмъ, скрывавшій отъ нашихъ войскъ непріятельскія укрѣпленія.

Занялась заря. Вскорѣ слышались первые одиночные ружейные выстрѣлы турецкихъ аванпостовъ по казачьему разъѣзду, посланному для уничтоженія телеграфа между Горнымъ Дубнякомъ и Плевной. Нѣсколько минутъ спустя турецкіе пикеты, верстахъ въ трехъ отъ Горнаго Дубняка, сдѣлали нѣсколько залповъ по генералу Гурко, ѣхавшему впереди колоннъ, съ многочисленною свитой. Въ турецкомъ лагерѣ раздались звуки трубъ. Какъ оказалось въ послѣдствіи, Турки трубили сборъ высланнымъ въ лѣсъ рабочимъ; у насъ же эти звуки были приняты за „тревогу“. Наша пѣхота прибавила шагу. Сбившемуся съ пути въ густомъ кустарникѣ, главному, 4-му баталіону Лейбъ-Гренадеръ, звуки турецкихъ рожковъ помогли опознаться, и, направляясь уже прямо на эти звуки, по-ротно въ двѣ линіи, онъ сталъ подходить къ опушкѣ лѣса; но такъ какъ 4-й баталіонъ уже довольно сильно уклонился влѣво, въ расположеніе Л.-Гв. Павловскаго полка, то, для пополненія значительнаго интервала между нимъ и артиллеріей, полковымъ командиромъ, флигель-адъютантомъ полковникомъ Любовицкимъ, были выдвинуты въ первую линію 2-й баталіонъ правѣе, а 3-й — лѣвѣе 4-го, а барономъ Зедделеромъ были переведены на лѣвый флангъ артиллеріи двѣ роты (15-я и 16-я) Московскаго полка.

Какъ первый сильный ружейный огонь былъ открытъ непріателемъ по генералу Гурко и его свитѣ, такъ по немъ же были пущены первыя три непріятельскія гранаты, по счастью безвредныя. Версты полторы отъ главнаго редута, непріатель открылъ частый ружейный огонь, на этотъ разъ уже изъ Малаго редута. Гренадеры подвигались, не отвѣчая на выстрѣлы. Между тѣмъ, слѣдовавшія при средней колоннѣ 1-я и 2-я батареи Л.-Гв. 2-й артиллерійской бригады, достигнувъ вершины холма, немедленно снялись съ передковъ и открыли огонь съ дистанціи 850 сажень. Вскорѣ за тѣмъ,

записка генерала Розенбаха сообщила начальнику средней колонны, что лѣвая колонна задержана переправой чрезъ глубокую канаву, вслѣдствіе чего баронъ Зедделеръ немедленно пріостановилъ свою колонну, ограничиваясь на время однимъ артиллерійскимъ огнемъ.

Непріятельскіе выстрѣлы уже начинали находить не мало жертвъ, особенно въ Лейбъ-Гренадерскомъ полку. Но бодрость и юморъ гвардейцевъ лишь разгорались. Лица оживлялись; въ глазахъ высказывалась безстрашная рѣшительность и какая-то беззавѣтная веселость. Вдругъ, изъ кустарника выскочилъ волкъ, испуганный выстрѣлами. Пользуясь минутой отдыха, Лейбъ-Гренадеры, подъ градомъ непріятельскихъ пуль и при ревѣ гранатъ, съ гикомъ, смѣхомъ и атуканьемъ бросились за „сѣрымъ“ и тутъ же покончили съ нимъ.

Съ перваго взгляда на этихъ молодцовъ, можно было подумать, что турки стрѣляютъ холостыми зарядами.

Вскорѣ показались стройные ряды Царловцевъ и Финляндцевъ. Вотъ открыли огонь и батареи лѣвой колонны. Желая достигнуть бѣльшей дѣйствительности огня, баронъ Зедделеръ приказалъ выдвинуть свои батареи слишкомъ на 450 сажень впередъ. Мѣра была отважная. Батареи стройно и быстро вынеслись на новую позицію уступами и открыли огонь по Большому редуту. Сама реляція свидѣтельствуешь о „лихости“, съ какою было исполнено это движеніе, на глазахъ начальника отряда. Но на новой позиціи, оказавшейся много ниже первой, батареямъ приходилось стрѣлять снизу вверхъ; къ тому же, встрѣченный ими ружейный огонь былъ такъ силенъ, что, при отсутствіи всякихъ закрытій, имъ грозила опасность лишиться всей прислуги и всѣхъ лошадей. Послѣ нѣсколькихъ очередей, батареи возвратились на позицію, расположенную немного впереди первой. Одновременно съ дѣйствіемъ артиллеріи, имѣя въ виду, что Лейбъ-Гренадеры оказывались одни впереди, баронъ Зедделеръ приказалъ перейти въ наступленіе стоявшимъ въ 1-й линіи двумъ ротамъ 2-го

и двумъ 4-го баталіоновъ Московскаго полка. Но едва тронулись Московцы, какъ по личной инициативѣ полковника Любвицкаго, 2-й баталіонъ Лейбъ-Гренадеръ, поддержанный 3-мъ, имѣя въ головѣ своего безстрашнаго полковаго командира, перешелъ изъ наступленія въ атаку. Это было около 9 часовъ утра. Грянуло громовое ура! и Лейбъ-Гренадеры, бѣгомъ, безъ выстрѣла, понеслись на гору, гоня передъ собой турокъ, бѣжавшихъ изъ передовыхъ ложементовъ. Загремѣлъ и затрепалъ по атакующему, съ обоихъ редутовъ, страшно сосредоточенный огонь артиллеріи и пѣхоты. Словно въ непрерывный протяжный залпъ сливались поспѣшныя выстрѣлы тысячей скорострѣлокъ. Не болѣе, *какъ въ 8 минутъ*, баталіоны добѣжали до рва Малаго редута, и все пройденное ими пространство уже было *буквально устлано* убитыми и ранеными. Ни ровъ, ни брустверъ не остановили этого геройскаго натиска, *безпримѣрнаго въ другихъ арміяхъ, со времени введенія скорострѣльнаго оружія!* Испуганные турки, обманутые въ слѣпомъ довѣріи къ англійскимъ скорострѣлкамъ, бросились бѣжать къ Большому редуту; лишь нѣсколько сотъ смѣльчаковъ, штыками, прикладами и выстрѣлами въ упоръ, пытались сбросить съ бруствера взбиравшихся на него гвардейцевъ; какой-то вражій офицеръ, стоя на брустверѣ, отчаянно махалъ саблей, призывая помощь изъ главнаго редута....

Еще минуло нѣсколько секундъ — и всѣ эти смѣльчаки, до послѣдняго, были переколоты штыками и перебиты прикладами.

Первыми вскочили на брустверъ: поручики Шейдманъ и Мачаверіани (первый изъ нихъ, хотя и раненый при этомъ, убилъ изъ пистолета турецкаго офицера, бросившагося на него съ саблей); 7-й роты унтеръ-офицеръ Морозовъ, заколовшій штыкомъ турецкаго офицера, такъ отчаянно звавшего помощь съ Большаго редута, и 5-й роты рядовой Родичевъ.

Лейбъ-Гренадеры не думали ограничиться занятіемъ Малаго редута. Покончивъ съ самыми отчаянными защитниками укрѣп-

ленія, они пытались по пятамъ бѣгущихъ враговъ ворваться и въ Большой редутъ. Но было поздно! Бѣгущіе уже укрылись подъ Большой редутъ, когда утомленные Лейбъ-Гренадеры стали переступать черезъ насыпи Малаго редута, обстрѣливаемого изъ Большаго укрѣпленія безъ опасенія задѣтъ своихъ.

Къ 10 часамъ утра собрались за насыпями Малаго редута 2, 3 и 4 баталіоны Лейбъ-Гренадеръ.

Первое дѣло гвардейцевъ увѣнчалось блестящею побѣдой, но побѣдой дорого купленной! Лейбъ-Гренадеры заплатились за нее 200 убитыми и 400 ранеными. Изъ послѣднихъ многіе, по примѣру полковаго командира, раненаго въ плечо на вылетъ—возвратились въ строй, въ томъ числѣ и командовавшій 2-мъ баталіономъ капитанъ Засуличъ, наискось пораженный въ животъ картечною пулей и на время лишившійся чувствъ.

Судя по общему расположенію оборонительной линіи непріятеля, Малый редутъ, очевидно, долженъ былъ служить редюитомъ всей линіи передовыхъ укрѣпленій, расположенной впереди юго-восточнаго фаса главнаго редута. Такъ какъ со взятіемъ Малаго редута, эти ложементы оказались обойденными съ тыла, то занимавшіе ихъ турки, безъ боя, бѣжали въ Большой редутъ. Но этимъ не ограничились выгоды занятія Малаго редута: благодаря такому занятію, Лейбъ-Гренадеры приблизились къ Большому редуту на разстояніе отъ 180 до 200 шаговъ. Сверхъ того, лежа за насыпями Малаго редута, гренадеры получили возможность стрѣлять по непріятелю съ бѣльшими шансами на успѣхъ.

За попытку преслѣдовать врага по пятамъ, Лейбъ-Гренадеры заплатились новыми жертвами. Она стоила бы имъ еще дороже, если бы отступленіе ихъ не было поддержано во время стремительною атакой 3 и 4 баталіоновъ Московскаго полка, отлично избравшаго этотъ моментъ, чтобы броситься на ура! сразу занять шоссе, и укрыться за его канавами. По несчастью, при самомъ началѣ этой атаки, исполненной по при-

казанію барона Зедделера для выручки Гренадеръ, этотъ храбрый начальникъ средней колонны былъ раненъ пулей въ животъ. Дѣло было въ самомъ разгарѣ; положеніе героевъ все еще казалось чрезвычайно опаснымъ. Въ виду этого, не смотря на серьезность своей раны, на потерю крови и на сильную боль, баронъ Зедделеръ не позволилъ нести себя на перевязочный пунктъ, дабы не оставлять своей части въ такую минуту. Но тутъ получилъ онъ утѣшительное словесное донесеніе о взятіи Малаго редута. Успокоившись нѣсколько на счетъ Лейбъ-Гренадеръ и чувствуя, что силы ему измѣняются, баронъ Зедделеръ сдалъ команду генералу Броку и былъ отнесенъ на перевязочный пунктъ. Послѣднимъ приказаніемъ его было — послать на подкрѣпленіе полковнику Любовицкому 1-й баталіонъ его полка, оставленный въ резервѣ.

При этой атакѣ Л.-Гв. Московскаго полка былъ раненъ также, въ цѣпи 4 баталіона, командиръ его, полковникъ Поливановъ 2-й. Того же баталіона подпоручикъ Рубинскій только-что бросился впередъ съ крикомъ ура! — какъ картечная пуля ранила его въ открытый ротъ *). Поручику Гавришеву пуля раздробила кости ноги. Кругомъ его лежали одни убитые и раненые. Изъ числа послѣднихъ унтеръ-офицеръ Брыковъ, видя страданія молодого офицера, подползъ къ нему, прикрылъ его отъ выстрѣловъ собственнымъ тѣломъ, старался облегчить его страданія, положивъ его голову себѣ на грудь. Но вскорѣ Гавришевъ замѣтилъ, что подъ его головой стынетъ великодушная грудь Брыкова. Заслоняя собственнымъ тѣломъ своего офицера, Брыковъ спасъ ему жизнь цѣною собственной жизни: одна пуля въ бокъ, другая въ лицо поразили смертельно истиннаго христіанина и безстрашнаго воина!... Занявъ шосе, люди 13-й роты, — въ которой числились и Гавришевъ, и Брыковъ, — замѣтили далеко назади своего раненаго офицера, лежавшаго подъ градомъ пуль. Немедленно вы-

---

*) Нынѣ этотъ храбрый офицеръ находится въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

звался молодецъ, чтобы вынести Гавришева изъ этого ада. Но не пробѣжалъ онъ двадцати шаговъ—какъ былъ убитъ. Той же участи подверглись еще двое Московцевъ. Не утрашаясь этимъ примѣромъ, ефрейторъ Некрасовъ добѣжалъ до Гавришева, взялъ его на руки, отнесъ его на перевязочный пунктъ и немедленно возвратился бѣгомъ на свое мѣсто, въ канавѣ шоссе...

Между тѣмъ, на шоссе, непрерывнымъ роемъ неслись съ фронта турецкія пули, а сзади, съ пронзительнымъ ревомъ, безпрестанно перелетали учащенные выстрѣлы 16 орудій 1-й и 2-й батарей Л.-Г. 2-й Артиллерійской бригады. Московцы, насколько возможно, укрывались за насыпью и канавами шоссе, отвѣчая на торопливую ружейную трескотню турокъ мѣткимъ, прицѣльнымъ огнемъ по краснымъ фескамъ, высывавшимся изъ-за бруствера. „Вѣдь не даромъ же, братцы, учили насъ стрѣлять“, говорилъ унтеръ-офицеръ Соловьевъ, „вотъ теперь пригодится. Надо попробовать, такъ-ли буду попадать въ турокъ, какъ попадалъ въ мишень, за что я и получилъ продольную нашивку“. Но чтобы стрѣлять мѣтко, надо было приподниматься—за что многіе уже поплачивались жизнью. Уложивъ, такимъ образомъ, уже шесть турокъ, „теперь пойдёмъ за седьмымъ“, сказалъ Соловьевъ, опять приподнимаясь, но тутъ же былъ убитъ на повалъ. Несмотря на адскій огонь, полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Рябовъ, то и дѣло совершалъ верхомъ опасную скачку отъ резервовъ къ шоссе и обратно, пока у него не ранили лошадь. Не имѣя болѣе возможности исполнять свою адъютантскую должность, Рябовъ испросилъ у генерала Брока разрѣшеніе отправиться въ цѣпь. Собравъ человекъ 20, онъ, перебѣжками, достигъ шоссе, гдѣ принялъ команду надъ 5-й ротой, уже лишившейся всѣхъ своихъ офицеровъ и, своимъ примѣромъ ободрялъ подчиненныхъ. Между тѣмъ подпоручикъ Реми преспокойно расхаживалъ по шоссе и не думая ложиться, чтобы найти какое либо закрытіе. На вопросъ своего ротнаго командира, увѣщавшаго его лечь—

„ничего, постоимъ“, съ добродушною улыбкой отвѣтилъ Реми; но, чтобы лишить эту геройскую рѣшимость всякаго признака оскорбительнаго для товарищей хвастовства—„*оно же и не опасно*“, присовокупилъ онъ немедленно, „пули рекошетируютъ: лучше быть раненымъ въ ногу, чѣмъ въ голову!“ Едва успѣлъ онъ вымолвить эти слова, какъ пуля раздробила ему ступню. „*Вотъ теперь — полежимъ*, съ тою же улыбкой прибавилъ Реми, падая на шосе....

Едва 1-й баталіонъ Лейбъ-Гренадеръ вышелъ на скатъ холма, какъ полковникъ Любовицкій, возвращаясь съ перевязки, лично повелъ его правѣ Малаго редута на штурмъ Большаго. Баталіонъ шелъ по совершенно открытой мѣстности, а пробѣжать безъ остановки все разстояніе, обстрѣливаемое Большимъ редутомъ, было невозможно. Подавленный непрерывнымъ градомъ пуль, ружейныхъ съ фронта и штрапнелевыхъ сверху, 1-й баталіонъ уклонился влѣво и, пробѣжавъ нѣсколько впередъ Малаго редута, принужденъ были присоединиться къ товарищамъ, укрывавшимся за его насыпями.

Новыя жертвы геройства пали подъ непріятельскимъ огнемъ. Въ числѣ ихъ былъ и смертельно раненый командиръ 1-го баталіона, полковникъ Аспелундъ 1-й.

Лежа за окопами Малаго редута, Лейбъ-Гренадеры завязали съ непріятелемъ неумолкаемую перестрѣлку. Люди перевели духъ, немного пооправились и тутъ посыпались у нихъ шутки о только-что конченной штыковой работѣ.—„Ужъ какъ я его вдарилъ прикладомъ, ажъ перевернулся бритоголовый“, оживленно рассказывалъ молодой солдатъ.—„Набѣжалъ на меня ихній офицеръ, еще изъ благородныхъ, а такой грубьянъ“, подшучивалъ другой солдатъ: „сабленку-то видно уронилъ, да такъ и претъ на меня съ одними кулаками, да ругается, а тутъ я съ нимъ и покончилъ“.—„Другой разъ пусть не куражится“, отвѣчалъ третій. Особенно отличался при этомъ раненый въ обѣ ноги 6-й роты унтеръ-офицеръ Ильченко, также изъ первыхъ вскочившій на валъ: онъ продолжалъ стрѣлять

все время, забавляя другихъ бранью и колкостями надъ турками и увѣряя, что рана пулей вздоръ, что отъ нея нѣтъ даже ни малѣйшей боли.

Между тѣмъ, гвардейскіе саперы тоже подвинулись *) по дорогѣ изъ Чирикова къ Малому редуту, въ резервъ за среднюю колонной. Господствующимъ настроеніемъ людей была беззаботная веселость, въ увѣренности, что имъ также не придется оставаться простыми зрителями дѣла. Говорили въ полголоса. У всѣхъ, въ сапогахъ, слышалось шлепанье воды. „Кто первый разъ идетъ подъ пули“, утѣшалъ одинъ саперъ, „то значить второе крещеніе принимаетъ. А какое же крещеніе безъ воды? Вотъ за тѣмъ и идемъ по водѣ, чтобы все, значить, по формѣ было“. — „Вѣстимо такъ“, возражаетъ другой, „и вся отличка въ томъ, что въ одномъ крещеніи прежде мочатъ голову, а въ другомъ — ноги“. — „Врешъ!“ перебилъ третій саперъ, „затѣмъ и лѣземъ въ воду, чтобы въ огнѣ не было бы слишкомъ жарко“.

Когда баталіонъ вошелъ въ линію резервовъ, огонь уже былъ въ полномъ разгарѣ. Подъѣхалъ начальникъ средней колонны. На вопросъ командира баталіона, флигель-адъютанта полковника Скалона, не будетъ ли новаго назначенія, — баронъ Зедделеръ, отвѣтилъ, что онъ долженъ оставаться въ резервѣ. „Неужели баталіонъ пришелъ сюда, чтобы оставаться въ резервѣ!“, невольно воскликнулъ полковникъ Скалонъ, служба отголоскомъ чувству, накипавшему на сердцахъ всѣхъ его подчиненныхъ... Подошли саперы къ линіи батарей. Тяжело было имъ слѣдить простыми слушателями за гуломъ выстрѣловъ, за отдаленными, то протяжными, то за отрывистыми криками тысячей голосовъ. Ничего не было видно въ кукурузномъ полѣ, по которому слѣдовалъ баталіонъ.

Остановились у опушки дубоваго кустарника. Впереди, на открытой возвышенности, рисовалось смутное очертаніе укрѣп-

---

*) Одинъ 4-й взводъ роты Его Величества былъ отряженъ подъ Телишъ съ отрядомъ полковника Челищева.

ленія. Это былъ Малый редутъ. Вражьи гранаты были направлены противъ нашей батареи; надъ баталіономъ засвистали наконецъ пули; почти немедленно за тѣмъ раздался крикъ: „носилки!“...

Близъ баталіона, на передовомъ перевязочномъ пунктѣ, также подъ пулями, кипѣла святая работа санитарнаго персонала.

Подошелъ къ баталіону полковникъ Ставровскій, и, сообщивъ о взятіи Малаго редута, о неудачной попыткѣ овладѣть главнымъ редутомъ и о ранѣ барона Зедделера, заявилъ начальнику резерва, полковнику Скалону, что помощь Лейбъ-Гренадерамъ необходима и что велѣно выдвинуть 1-й баталіонъ Лейбъ-Гренадеръ. Но изъ сообщеній полковника Ставровскаго всѣ саперы не безъ основанія вывели заключеніе, что этой помощи будетъ недостаточно. Поэтому, построивъ свой баталіонъ по-ротно въ двѣ линіи, полковникъ Скалонъ, по личной инициативѣ, верхомъ, повелъ саперовъ впередъ, но тутъ же былъ раненъ пулей въ животъ. Не имѣя возможности оставаться на лошади, полковникъ Скалонъ пытался идти пѣшкомъ, но вскорѣ принужденъ былъ лечь и сдать команду капитану, князю Аргутинскому-Долгорукому. Двигаясь опять въ густомъ лѣсу, оба полу-баталіона саперъ потеряли другъ друга изъ вида; вслѣдствіе же настояній полковаго адъютанта Лейбъ-Гренадерскаго полка, капитана Павловскаго, командиръ 2-й роты, штабсъ-капитанъ Ренгартенъ, вывелъ свою роту предъ опушку, но тутъ же былъ встрѣченъ адскимъ огнемъ. Отступить не хотѣлось; оставаться на мѣстѣ было невозможно—и вотъ 2-я рота, предводимая своимъ отважнымъ командиромъ, въ разсыпномъ строѣ, бѣгомъ, ринулась впередъ къ черной массѣ Лейбъ-Гренадеръ, лежавшихъ въ Маломъ редутѣ. Но тамъ уже не было мѣста. Саперы могли расположиться лишь по наружнымъ окраинамъ мертваго пространства, образуемаго брустверомъ, и, даже лежа продолжали подвергаться огню и съ фронта, и съ фланговъ. Командиръ приказалъ окапываться лежа. Примѣру саперъ послѣдовали и

пѣхотинцы. Окапывались чѣмъ попало: котелками, тесаками, даже руками.

И такъ, хотя Ренгартенъ и принялъ на себя, безъ всякаго приказанія, смѣлость ввести въ дѣло ввѣренную ему часть, но нельзя сказать, чтобы рѣшимость эта была неудачна: однимъ примѣромъ своимъ саперы оказали большую услугу прочимъ войскамъ, укрывавшимся отъ огня Большаго редута въ мертвомъ пространствѣ у насыпи Малаго редута. По несчастію, лежа, трудно окапываться, особенно же безъ шанцеваго инструмента, какъ оно оказалось у пѣхоты, одними котелками и даже руками; двое саперъ пытались было окапываться стоя, но едва успѣли они подняться, какъ были убиты на повалъ.

Было уже около двухъ часовъ пополудни, когда 2-я рота прибѣжала къ Малому редуту. Слѣдовавшая за нею рота Его Величества, по приказанію генерала Гурко, была переведена на правый флангъ средней колонны, гдѣ генераль Брокъ приказалъ ей разсыпаться правѣе цѣпи 4-го баталіона Московскаго полка.

Отдѣлившіяся же влѣво роты 2-го полубаталіона, проблуждавъ нѣсколько времени въ густомъ лѣсу—при чемъ командиръ роты Его Высочества князь Кильдишевъ былъ контуженъ—были отведены назадъ къ опушкѣ, обращенной къ Виду. Вскорѣ генераль Брокъ расположилъ обѣ роты на флангахъ батареи. Между тѣмъ, отъ раненаго офицера было получено извѣстіе о неудачѣ штурма Большаго редута. Вслѣдствіе этого, принявшій команду надъ ротой Его Высочества, штабсъ-капитанъ Чудовскій, рѣшился, по собственной инициативѣ, двинуться на помощь боевымъ линіямъ; 4-я рота послѣдовала за 3-й. Но дойти до Малаго редута не было никакой возможности. Потерявъ при этой попыткѣ, ранеными, подпоручиковъ Адріанова и Сошковича и нѣсколько солдатъ, роты прилегли, продолжая перестрѣлку въ ожиданіи подкрѣпленій.

Едва присоединилась къ Лейбъ-Гренадерамъ 2 рота Гвар-

дейскихъ саперъ, какъ неустойчивый, настойчивый полковникъ Любовецкій, несмотря на потерю крови и на боль, сталъ подъ градомъ пуль предъ Малымъ редутомъ и приказалъ сопровождавшему его барабанщику Рындину бить атаку. Увлеченные примѣромъ Рындина, сбѣжались къ нему и другіе барабанщики. Въ одно мгновеніе почти всѣ были ранены или убиты; одинъ Рындинъ продолжалъ бить атаку, но тоже упалъ тяжело раненый!... Полковникъ Любовецкій надѣлъ на себя барабанъ и самъ ударилъ атаку. На зовъ барабана вскакивали на брустверъ не разъ и офицеры, и толпы солдатъ, но мгновенно пораженные пулями, они доказывали лишь невозможность дружной атаки массами на протяженіи отъ Малаго до Большаго редута...

Нечего дѣлать! До болѣе удобнаго момента, опять приходилось пробавляться перестрѣлкой, и, по мѣрѣ возможности, окапываться...

Ни у офицеровъ, ни у солдатъ не умялась твердая рѣшимость овладѣть „словно заколдованнымъ“ Большимъ редутомъ. И вотъ, безъ всякой команды, перекрестившись, вдругъ вскакиваютъ вмѣстѣ три-четыре молодца; съ одного прыжка, они на валу, другимъ прыжкомъ они уже впереди его, и въ запуски бѣгутъ они къ шоссе, съ размаху бросаются навзничь въ первую его канаву, и тутъ же начинаютъ стрѣлять. Одного изъ четырехъ, на пути уже сразила пуля. Но для русскаго солдата нѣтъ ничего увлекательнѣе отваги. Вотъ вскакиваетъ еще кучка, и быстро перебѣгаетъ къ передовымъ молодцамъ. А непріятельскій огонь не умолкаетъ: и изъ этой кучки тоже нѣсколько человѣкъ сражены на пути. Поднимаются уже двѣ, за тѣмъ три кучки. Вмѣстѣ съ солдатами перебѣгаютъ и офицеры. Съ Лейбъ-Гренадерами перебѣгаютъ и саперы... Не имѣя еще возможности, за неперевязанными ранами, перебѣжать самъ, шутникъ Ильченко становится организаторомъ этой вдохновленной „солдатской тактики“. Подтрунивая надъ болѣе нерѣшительными, возбуждая соревнованіе храбрыхъ, онъ

поименно назначаетъ людей для перебѣжки къ шосе. А между тѣмъ, на самомъ шосе, тоже начинается движеніе: изъ ближайшей его канавы, люди перебѣгаютъ въ болѣе отдаленную. „Солдатская тактика“ торжествуетъ: въ канавахъ уже становится тѣсно... Лежа въ нихъ, люди разглядѣли, впереди, какой-то домикъ съ бѣлою крышей. Разстояніе до него не велико: не будетъ и 40 шаговъ. Пробѣжать можно съ одного размаха. Разсчитали — порѣшили. Вотъ перебѣжала къ домику одна кучка, за нею другая, тамъ третья. Вскорѣ за домикомъ тоже зачернѣлась масса гвардейцевъ... А Большой редутъ все „дышетъ огнемъ“; неумолкаемо трещить и гремитъ по прежнему „адская шарманка“, „чортова трещотка“, какъ прозвали его солдаты, окаймленная непроницаемою тучею бѣлаго дыма. Артиллерія, правда, уже умолкла — ей „зажали ротъ“ наши батареи; за то ружейный огонь все будто усиливается. И въ самомъ дѣлѣ, все разстояніе отъ Малаго редута до шосе, самое шосе и пространство отъ него до домика испещрены убитыми и ранеными; послѣдніе, ползкомъ, стараются добраться до какого-нибудь закрытія отъ свинцоваго града. При перебѣжкахъ ранены Лейбъ-Гренадеры: капитанъ Гаммеръ, штабсъ-капитанъ Сероцинскій и поручикъ Моисеевъ. Послѣдній не можетъ двигаться безъ поддержки, но рядовой его роты, Чаплыгинъ, отводитъ его въ сторону и, продолжая стрѣлять, самъ ложится предъ нимъ, чтобы прикрыть его отъ огня собственнымъ тѣломъ...

Не дремлютъ и наши. Безъ отдыха, на огонь, отвѣчаютъ они огнемъ. Нѣтъ у нихъ, однако, съ собою, какъ у турокъ, запаса въ нѣсколько сотъ патроновъ на cadaго. Патронташи быстро опорожняются. Въ первой кучкѣ, подавшей примѣръ перебѣжекъ, отличился рядовой 9-й роты Тарговскій. Онъ же, изъ первыхъ, ухитрился найти средство замѣщать убыль патроновъ. Это средство — отбирать патроны и даже цѣлые патронташи у убитыхъ и раненыхъ. Правда, для этого надо снова выйти изъ-за закрытія: бѣжать назадъ,

туда, гдѣ сыплются пули „словно горохъ“; снять патронташъ съ окоченѣвшаго тѣла покойника и бѣжать обратно къ своимъ. Дѣло нелегкое! Авось удастся! И вотъ, Тарговскій приносить обрадованнымъ товарищамъ нѣсколько патронташей почти полныхъ... И этотъ примѣръ отваги также дѣйствуетъ увлекательно. За Тарговскимъ, татаринъ барабанщикъ 3-й роты, Бикчижъ-Барановъ, разсудивъ, что теперь не до барабановъ, оставилъ свой „инструментъ“ въ редутѣ и посвятилъ себя всецѣло страшной „игрѣ“ — доставлять патроны товарищамъ. И не мало жертвъ поплатилось жизнью за эту „игру“...

Эти послѣдовательныя перебѣжки впередъ, сначала отдѣльныхъ людей, потомъ незначительныхъ группъ, а въ послѣдствіи, съ прибытіемъ Измайловцевъ, и цѣлыхъ ротъ, въ продолженіи слишкомъ четырехъ часовъ и подъ ливнемъ свинца — безъ сомнѣнія, составляютъ самую своеобразную и самую блестящую черту штурма Большаго редута предъ Горнымъ Дубнякомъ...

Выступивъ съ бивака на лѣвомъ берегу р. Вида вслѣдъ за Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ, лѣвая колонна, генерала Розенбаха, направилась сначала по Свинарской балкѣ, потомъ вправо отъ нея, прямо къ шоссе. На пути, по голой и гористой мѣстности, пришлось ей переправляться чрезъ нѣсколько глубокихъ овраговъ, значительно замедлившихъ ея движеніе, — что и побудило начальника колонны послать къ барону Зедделеру казака, съ уже извѣстною запиской. Выйдя на Софійскую дорогу, лѣвая колонна оставила на ней, подъ прикрытіемъ полуроты съ каждаго полка, перевязочный пунктъ, у проселочной дороги, сворачивавшей влѣво отъ шоссе. Послѣ утомительнаго перехода по липкой грязи и овражистой мѣстности, надо было стянуть колонну, сдѣлать предварительныя къ бою распоряженія, вызвать санитаровъ и носильщиковъ. Для всего этого, колоннѣ былъ сдѣланъ привалъ, по окончаніи котораго люди зашли лѣвымъ плечомъ впередъ: Л.-Гв. Павловскій полкъ по правую, а Л.-Гв. Финляндскій — по лѣвую

сторону шоссе. Слѣдовавшія съ колонной 4-я и 5-я батареи Л.-Гв. 2-й артиллерійской бригады, на рысяхъ вынеслись впередъ, и, свернувъ вправо отъ шоссе, поднялись на холмъ и снялись съ передковъ на разстояніи до 900 сажень отъ Большаго редута — и тутъ же заговорилъ подъ Горнымъ Дубнякомъ громовой голосъ русской гвардейской пушки. Направляясь прямо къ сѣверо-востоку, параллельно съ шоссе, колонна, имѣя впереди 3-ьи и 4-ые баталіоны полковъ по-ротно въ двѣ линіи, также стала подниматься на холмы, поросшіе отдѣльными дубами. Взобравшись на холмы, Финляндцы увидѣли предъ собой обширный кругозоръ. Далеко впереди высились два темные кургана. У каждаго мелькнула мысль — это редуты. Отъ опушки мелкаго кустарника, по которому предстояло спускаться, до подножія кургана, окаймленнаго, повидимому, оврагомъ (притокъ рѣчки Дубнички), простиралась поляна на разстояніи отъ 400 до 600 сажень съ десятками двумя отдѣльныхъ деревьевъ: въ теченіи дѣла оказалось, что турками было въ точности измѣрено разстояніе отъ этихъ деревьевъ до Большаго редута, и потому Финляндцы, пытавшіеся укрыться за этими деревьями, были перебиты *всѣ до послѣдняго*. Отъ оврага до главнаго редута, сначала по довольно крутому скату, было еще отъ 400 до 450 шаговъ; на этомъ скатѣ, въ хорошій бинокль, можно было разглядѣть черныя полосы неправильной формы — то были турецкіе ложементы. Между Большимъ редутомъ и началомъ спуска въ оврагъ простиралось совершенно гладкое плато, безъ всякихъ закрытій, длиной шаговъ на 300—350, подъ которымъ находились, съ разныхъ сторонъ, три мертвые пространства. Влѣво, подъ тупымъ угломъ, этотъ оврагъ соединялся съ оврагомъ рѣчки Дубнички, за которымъ бѣлѣлись палатки.

Сами турки, впрочемъ, уже стрѣляютъ осмотрительнѣе. Они видимо поджидаютъ смѣльчаковъ нашихъ, выглядывающихъ изъ-за прикрытія. Это подмѣтили и наши. И вотъ, человѣкъ двадцать, тридцать сговариваются: съ громкимъ ура! разомъ, подни-

мають они на штыкахъ свои шапки, а турки, оторопѣвъ, обсыпають ихъ пулями. Опасаясь штурма и не замѣчая за дымомъ своей ошибки, турки, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, при громкомъ хохотѣ нашихъ гвардейцевъ, безъ умолку посылають цѣлую тучу пуль въ напугавшія ихъ шапки.

Приблизительно въ это же время Московцы тоже стали перебѣгать отъ шоссе къ оставленнымъ ложементамъ и къ разнымъ закрытіямъ: шалапамъ, кучамъ хвороста и прочее *).

И у Московцевъ тоже, подѣ сильнымъ огнемъ, происходили бѣготня за патронами и шутки надъ „туркой“, съ поднимаемыми на штыкахъ шапками.

Благодаря перебѣжкамъ, къ тремъ часамъ вечера, Лейбъ-Гренадеры стояли: у домика шагахъ въ 40, а на шоссе—шагахъ въ 100 отъ главнаго редута.

Вскорѣ затѣмъ, той же солдатской инициативой, началъ, по немногу, совершаться новый подвигъ. За домикомъ, за шалапами и за кучами хвороста столпились и Лейбъ-Гренадеры, и саперы, и Павловцы и нѣсколько Финляндцевъ, уклонившихся вправо вмѣсто того, чтобы отступить съ полкомъ послѣ неудавшейся атаки. Для всѣхъ этихъ людей уже не было мѣста за прикрытіями, а на такой близкой дистанціи отъ редута нечего было и думать окапываться. И вотъ, одиночные смѣльчаки, бѣгомъ, пустились къ редуту и соскочили въ ровъ лѣваго фаса; замѣтивъ, что, за отсутствіемъ фланговаго огня, во рву совершенно безопасно отъ пуль, эти „передовые“ позвали товарищей, и вскорѣ собралась во рву толпа офицеровъ и солдатъ всѣхъ полковъ средней и лѣвой колоннъ; — и всѣ эти люди, запыхавшись, молча, но съ лихорадочною поспѣшностью, почти съ ожесточеніемъ, принялись штыками, тесаками, котелками и руками царапать, ковырять и рыть землю эскарпа рва, чтобы устроить въ ней ступени для облегченія штурма.

---

*) Въ 11 часовъ утра четвертый баталіонъ Московскаго полка находился въ шоссеиной канавѣ.

Между тѣмъ товарищи, оставшіеся внѣ рва, за домикомъ, за шатрами, за шосе и за взятыми у врага окопами, мѣткимъ огнемъ своимъ не позволяли туркамъ взбираться на брустверъ, чтобы стрѣлять въ русскихъ, находившихся во рву.

Передъ Павловцами, напротивъ, вся мѣстность была гораздо ровнѣе, представляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, множество закрытій отъ непріятельскаго огня. Впереди ихъ простирался такой же высокій густой дубовый кустарникъ какъ тотъ, по которому пробирались Лейбъ-Гренадеры и саперы. На другомъ берегу рѣчки мѣстность поднималась тоже довольно круто; опушка кустарника, въ этомъ мѣстѣ, отстояла отъ главнаго редута не болѣе какъ шаговъ на 300, но и это разстояніе, съ южной стороны (къ Чирикову), было разрѣзано насыпью и канавами Софійскаго шосе на двѣ почти равныя части.

И такъ, подъ огнемъ главнаго редута и передовыхъ ложементовъ, по совершенно открытой мѣстности, Финляндцамъ предстояло пройти не менѣе 1800 шаговъ; въ оврагѣ они могли нѣсколько пріютиться въ мертвомъ пространствѣ, но затѣмъ, имъ опять приходилось двигаться совершенно открыто до ложементовъ, по довольно крутому подъему и до Большаго редута — по гладкому плато. Между тѣмъ, для Павловцевъ, подъ огнемъ непріятеля, по открытой мѣстности предстояло пройти всего шаговъ 250 — 350, съ возможностью отдохнуть въ канавахъ шосе.

Этими мѣстными условіями объясняются различныя участи, постигшія каждый изъ этихъ полковъ въ теченіи начинавшагося кроваваго дня.

Вскорѣ открылся пушечный огонь Большаго редута. Первые выстрѣлы были по Финляндцамъ. Оба полка двигались быстро, несмотря на кустарникъ. Лѣвая колонна рассыпала стрѣлковъ, но не въ кого было стрѣлять, хотя уже роемъ летали пули. Въ головѣ Финляндцевъ шелъ сначала одинъ 4-й баталіонъ; за тѣмъ, влѣво отъ него, развернулся 1-й баталіонъ; 3-й баталіонъ шелъ во второй линіи. Изъ вторыхъ баталіоновъ

обоихъ полковъ составили бригадный резервъ, подъ командой флигель-адъютанта полковника Рунова. Вскорѣ затрещалъ, вправо отъ 2-й бригады, частый ружейный и пушечный огонь и слышались крики *ура!* То были Гренадеры, штурмовавшие Малый редутъ. Замѣтивъ сосредоточеніе огня противъ Лейбъ-Гренадеръ, генералъ Розенбахъ повелъ Павловскій полкъ въ атаку, измѣнивъ его первоначальное направленіе: 3 и 4 баталіоны были подвинуты вправо и опять зашли правымъ плечомъ впередъ, дабы составить продолженіе линіи фронта Лейбъ-Гренадеръ, наступавшихъ отъ Чирикова; 1-й баталіонъ продолжалъ движеніе по направленію отъ Телиша. Турки встрѣтили наступающихъ Павловцевъ сильнымъ огнемъ. Остановившись у опушки, Павловцы, перебѣжками, дошли до шоссе и открыли частый огонь по Большому редуту, уже ясно открывшемуся предъ ними.

Одновременно съ этимъ, подошли къ опушкѣ и Финляндцы. Вслѣдъ за тѣмъ построился по-ротно бригадный резервъ и было отдано приказаніе бросить тяжелыя фашины, обременявшія людей въ продолженіи перехода по холмамъ и оврагамъ. Въ это время, занятіе Лейбъ-Гренадерами Малаго редута уже заставило турокъ покинуть всѣ ихъ позиціи по гребню холма, на лѣвомъ берегу оврага. Воодушевленные побѣдой Лейбъ-Гренадеръ, 1-й и 4-й баталіонъ Финляндцевъ, предводимые храбрыми командирами своими, полковниками Прокопе и Вейсомъ, перешли въ наступленіе, надѣясь разомъ пробѣжать открытое разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ Большаго редута, или найти на этомъ разстояніи какое нибудь закрытіе. Пользуясь болѣе удобною мѣстностью, 1-й баталіонъ успѣлъ добѣжать до мертваго пространства въ оврагѣ и скорѣе, и благополучнѣе 4-го баталіона, потерявшаго, до мертваго пространства, 5 офицеровъ и много нижнихъ чиновъ. Нѣсколько впередъ и правѣе передовыхъ финляндскихъ баталіоновъ были расположены ложементы, покинутые турками при приближеніи обоихъ баталіоновъ. Для занятія этихъ ложементовъ было

послано человекъ 30 охотниковъ, подъ начальствомъ поручика барона Функа, блистательно исполнившаго это порученіе, не смотря на адскій огонь непріятеля. Вскорѣ за тѣмъ подоспѣлъ въ то же мертвое пространство и 3 баталіонъ, полковника Кислинскаго.

Постоянно усиливавшаяся убыль людей, побудила генерала Розенбаха ввести въ боевую линію всѣ роты бригаднаго резерва, за исключеніемъ 5-ыхъ, оставленныхъ подъ командой полковника Борисова, по обѣ стороны и впереди батарей, производившихъ по Большому редуту учащенный огонь. Большое красное пламя, взвиваясь близъ турецкихъ позицій, свидѣтельствовало о дѣйствительности нашего огня.

Отдохнувъ у шоссе, Павловцы, съ крикомъ ура! устремились въ атаку на Большой редутъ, по совершенно открытому мѣсту, вправо отъ котораго былъ ясно видѣнъ Малый редутъ, занятый Лейбъ-Гренадерами. Но добѣжать сразу до Большаго редута подъ адскимъ огнемъ непріятеля было невозможно. Большая часть людей залегла за неровностями земли, между шоссе и редутомъ; многіе же, принявъ вправо, примкнули къ Лейбъ-Гренадерамъ и Саперамъ, лежавшимъ за насыпями Малаго редута, и участвовали съ ними въ перебѣжкахъ на шоссе и къ домику съ бѣлою крышей. Въ числѣ смертельно раненыхъ въ этой атакѣ былъ и полковникъ Руновъ, устремившійся во главѣ трехъ ротъ своего 2-го баталіона на Большой редутъ со стороны Телиша. Значительная убыль людей потребовала тогда введенія въ дѣло даже 5-й роты, оставшейся послѣдней въ резервѣ.

Было около двухъ часовъ, когда Финляндцы, дождавшись также прибытія резервовъ, имѣя во главѣ своего полковаго командира генерала Лаврова, словно лавина, съ громовымъ, протяжнымъ ура! бѣгомъ рванулись опять впередъ, по совершенно гладкой мѣстности, при свистѣ и визгѣ тысячей пуль. Хотя и со страшною потерей, полкъ пробѣжалъ безъ остановки слишкомъ 100 шаговъ. Но огромная убыль и непреодолимая потребность перевести духъ послѣ непостижимо бы-

страго бѣга, вслѣдъ за утомительнымъ переходомъ, принудили Финляндцевъ отойти къ прежнему мѣсту.

Около 12 часовъ, впереди дубоваго лѣска, лежавшаго сѣвернѣе шоссе, былъ раненъ генералъ Розенбахъ, находившійся до того времени при Павловскомъ полкѣ и только что прибывшій къ Финляндскому, чтобы распорядиться новою атакой. Колонной его лично распоряжался съ тѣхъ поръ начальникъ дивизіи графъ Шуваловъ. Далѣе прочихъ зашелъ при этой атакѣ 1-й баталіонъ, полковника Прокопе 3-го, но мѣсто, гдѣ прилегли Финляндцы, было совершенно открыто: въ первыя же секунды этой гибельной остановки было поражено разомъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, многіе нѣсколькими пулями; къ тому же, сюда стали попадать и наши 9-ти фунтовые шрапнели, перелетавшія чрезъ Большой редутъ. Полковникъ Прокопе былъ раненъ пулей; тутъ же были ранены поручикъ Пашковскій и многіе другіе офицеры. Оставаться на этомъ мѣстѣ—значило обречь *весь баталіонъ* скорой, неизбежной и бесполезной гибели; идти впередъ по открытой мѣстности — было невозможно. Баталіону буквально не оставалось инаго выбора, какъ отступить: надо было собраться съ силами, чтобы вновь пытаться пробѣжать эту настоящую „Долину Смерти“,—какъ прозвали ее наши Гвардейцы. Но для оставшейся послѣднею на этомъ ужасномъ мѣстѣ, роты поручика Пыхачева отступить можно было только ползкомъ. Такимъ образомъ, 1-й баталіонъ залегъ въ мертвомъ пространствѣ подъ плато, влѣво и почти къ сѣверо-западу отъ Большаго редута, тогда какъ остальные баталіоны залегли въ другомъ такомъ же пространствѣ, болѣе вправо, къ юго-западу отъ редута.

Несмотря на страшныя потери и безвыходно-тяжелое положеніе, и Финляндцы не упустили случая позабавиться надъ непріателемъ, поднимая разомъ, съ крикомъ ура! нѣсколько шапокъ на штыкахъ...

Нельзя не упомянуть здѣсь о подвигахъ беззавѣтной храбрости рядоваго 2-й роты Киселева, извѣстнаго въ полку подъ

прозваніемъ Кисель, за его вялость и сонливость въ мирное время. Его ротный командиръ, нынѣ штабсъ-капитанъ Пыхачевъ, рассказываетъ о немъ слѣдующее *). Когда рота стала отступать, ползкомъ, Кисель просился остаться „такъ какъ все равно пойдемъ опять на редуть, и отсюда ближе будетъ бѣжать“. Съ нимъ осталось еще шесть человѣкъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Кисель вернулся къ ротѣ одинъ—все товарищи были убиты. Тутъ узналъ онъ, что сабли поручика Пыхачева и раненаго полковника Прокопе 3-го, также какъ и бинокль послѣдняго, остались на позиціи. Вопреки запрещенію своего офицера, Кисель сбѣгалъ за этими вещами, но принесть бинокль и только одну саблю; вспомнивъ тогда о забытой имъ другой саблѣ, Кисель, не говоря ни кому ни слова, опять сбѣгалъ за нею въ самый сильный огонь и принесть ее. Въ первую побѣжку, Киселя только прострѣлили шапку, во вторую — пуля задѣла его въ голову. Перевязавшись, Кисель продолжалъ стрѣлять, безъ хвастовства ободряя товарищей разказами о своихъ „вылазкахъ“. На другой день послѣ взятія Большаго редута, тѣло Киселя было найдено у самой горжи, пробитое тремя ударами штыка...

Въ резервѣ всей бригады оставалась одна 5 рота Л.-Гв. Финляндскаго полка, подъ командой поручика Львова. О ней какъ будто забыли. Но едва прекратился ураганъ непріятельскаго огня, встрѣтившій штурмъ Финляндцевъ, какъ пробиравшійся на перевязочный пунктъ раненый штабсъ-капитанъ Плѣшко сказалъ командиру 5-й роты: „Что вы здѣсь стоите? Мало насъ тамъ!“. — Поручикъ Львовъ, не найдя ни полковника Борисова, ни 5 роты Павловцевъ, рѣшилъ собственной инициативой повести свою роту къ полку. Однако, дойдя до опушки лѣса, онъ былъ встрѣченъ такимъ сильнымъ огнемъ, что, во избѣжаніе огромной траты людей, направилъ ихъ поодиошно вправо, дабы перебѣжками достигнуть шоссе, вдоль котораго ему пред-

---

*) См. Сборникъ военныхъ разказовъ Т. IV.

стояла возможность пробраться къ полку почти незамѣтно. На пути встрѣтилъ онъ начальника 2 Гвардейской пѣхотной дивизіи, графа Шувалова, и доложилъ ему о своей рѣшимости. „Прекрасно“, отвѣтилъ графъ, „подвигайтесь осторожнѣе, берегите людей“. Графъ совѣтовалъ „осторожность“ относительно солдатъ, нисколько не заботясь о примѣненіи этаго совѣта къ самому себѣ. „Графъ сидѣлъ на лошади“, передано въ рассказѣ поручика Львова *), „спокойно, не обращая ни малѣйшаго вниманія на массу пуль, направленныхъ въ него; онъ смотрѣлъ на нашу бригаду, облѣпившую лѣвый флангъ турецкой позиціи“. Между тѣмъ, оставаясь верхомъ, графъ Шуваловъ не могъ пользоваться никакими закрытіями, которыми пользовались пѣхотинцы.

Хотя Финляндскому полку, несмѣтря на повторенныя атаки и страшныя потери, и не удалось приблизиться къ Большому редуту на такое разстояніе, какъ большая часть остальныхъ полковъ, но, нападаая какъ разъ противъ самаго слабого мѣста Большаго редута, то-есть противъ его горжи, онъ возбуждалъ сильнѣйшія опасенія непріятеля и сосредоточивалъ все время противъ себя самый сильный его огонь, — чѣмъ значительно облегчалось наступленіе остальныхъ частей на Большой редутъ. Но кромѣ привиллегіи стоять подъ самымъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, Финляндцамъ досталась самая трудная изо-всей окружающей Большой редутъ мѣстность.

Въ 6^{1/4} часовъ утра выступила и правая колонна съ привала послѣ переправы на лѣвый берегъ Вида. Во главѣ шель Императорскій Конвой, предводимый полковникомъ Жуковымъ. Направляясь прямо къ Софійской дорогѣ между обоими Дубняками, правой колоннѣ предстоялъ путь по кукурузнымъ полямъ, покрытымъ липкою грязью. Движеніе производилось

---

*) Сборникъ военныхъ рассказовъ.

съ возможною поспѣшностью; тѣмъ не менѣе, хотя люди выбились изъ силъ, стараясь ускорить движеніе, колонна все-таки опоздала минутъ на двадцать противъ рассчитаннаго начальникомъ отряда времени. Опасаясь, съ приближеніемъ къ шоссе, подвергнуться огню укрѣплений Горнаго Дубняка, начальникъ колонны генераль Эллисъ 1-й приказалъ держаться нѣсколько правѣе. Не доходя до шоссе, конвойцы были встрѣчены сначала черкесами, за тѣмъ и пѣхотою, расположенною въ ложементѣхъ, впереди шоссе. Въ одно мгновеніе, конвойцы погнавши черкесовъ и завязали перестрѣлку даже съ пѣхотою, при чемъ былъ раненъ пулей полковникъ Жуковъ; между тѣмъ со стороны Дольнаго Дубняка было получено извѣстіе о наступленіи оттуда одного табора. Для его отраженія, генераль Эллисъ 1-й послалъ 2-й баталіонъ Гвардейской Стрѣлковой бригады, подъ командой уже извѣстнаго по туркестанскимъ походамъ флигель-адъютанта полковника Гришпенберга. Сильнымъ огнемъ турки два раза пытались остановить натискъ гвардейскихъ стрѣлковъ, но въ безпорядкѣ бѣжали въ Дольный Дубнякъ.

Не доходя до шоссе, стрѣлковая колонна зашла правымъ плечомъ впередъ, съ цѣлью стать фронтомъ къ укрѣпленіямъ Горнаго Дубняка и построилась въ боевой порядокъ, имѣя въ первой линіи Л.-Гв. 1-й стрѣлковый Его Величества и 3-й стрѣлковый Финскій баталіоны, а во второй—Л.-Гв. 4-й Императорской Фамиліи баталіонъ, на высотѣ слѣдовавшихъ при немъ шести батарей 1 и 2 Л.-Гв. артиллерійскихъ бригадъ.

Было около 8^{1/2} часовъ, когда съ лѣвой стороны колонны слышались громъ орудій и быстро усиливавшійся трескъ ружейнаго огня. Вступали въ дѣло Лейбъ-Гренадеры. Такъ какъ тогда уже ясно было видно очертаніе Большаго редута, то на позиціи, выбранной полковникомъ Пузыревскимъ, батареи снялись съ передковъ, саженьхъ въ 1200 отъ непріятеля (а не въ 850, какъ по ошибкѣ сказано въ реляціи).

Быстро двигавшіеся впередъ баталіоны прошли мимо генерала

Гурко, остановившагося тутъ на высокомъ холмѣ для наблюденія за ходомъ дѣлъ. Туда же была передвинута наша артиллерія, по приказанію генерала Эллиса 1-го. По свидѣтельству нѣкоторыхъ офицеровъ Л.-Гв. 1-й артиллерійской бригады, сообщившихъ намъ интересную записку полковника Хитрово о дѣйствіяхъ ихъ батареи 12 октября, позиція эта была въ полномъ смыслѣ слова „идеальна“. „Курганъ, въ центрѣ ея возвышавшійся, представлялъ превосходный наблюдательный пунктъ. Впереди разстилалось, повидимому, открытое ровное поле, слегка склоняющееся и затѣмъ возвышающееся къ редуту. Съ вершины кавальера, высоко поднятаго надъ редутомъ, по временамъ вырывались клубы порохового дыма. Гребень бруствера окаймлялся сплошною бѣловатою лентою. Вскорѣ всѣ 16 орудій разразились оживленнымъ шрапнельнымъ огнемъ. Потрясающимъ было дѣйствіе артиллерійскаго огня изъ 16-ти орудій, имѣющихъ неограниченное количество боевыхъ припасовъ, да еще такихъ, какъ 9-ти фунтовая шрапнель съ разстоянія, представляющаго этому огню полнѣйшую дѣйствительность. Непріятельскій огонь, казавшійся по своей силѣ весьма серьезнымъ, ко всеобщему удивленію, во все время пребыванія двухъ батарей на позиціи у кургана, не поглотилъ ни единой жертвы. Между тѣмъ на батареяхъ работа кипѣла и безнаказанно совершалось истребленіе непріятели. Вотъ уже умолкли непріятельскія орудія. Казалось, все предвѣщало счастливый день“... Вскорѣ послѣдовало приказаніе генерала Гурко выдвинуть батареи ближе къ непріятелю. Стройно и хладнокровно, словно на ученіи, было исполнено это приказаніе. Спускаясь съ холма, батареи потеряли изъ виду сначала брустверъ редута, а за тѣмъ и кавальеръ. Пришлось подниматься по покатости, на вершинѣ которой стоялъ редутъ. Только въ 300 саженьяхъ отъ него (въ реляціи сказано въ 400) открылись опять и кавальеръ, и брустверъ. Батареи стали на позицію и открыли огонь шрапнелью, оставивъ передки и ящики въ 150 шагахъ назадъ, подъ закрытіемъ впадины. Но, тутъ турки устремили на батареи настоя-

щую тучу свинца *). Вскорѣ за тѣмъ, стали долетать на батареи и гранаты, не смотря на давно уже замолкнувшій огонь турецкихъ орудій: гранаты оказались своими, русскими, девятифунтовыми!

Послѣ полудня ординарецъ принесъ приказаніе прекратить огонь. Артиллеристы кое какъ стали укрываться за насыпями ложементовъ, оставленныхъ турками. „Лишь только батарея перестала дѣйствовать“, продолжаетъ авторъ рукописи, „замолкъ и непріятельскій редутъ. Все стихло. Непріятель проявлялъ величайшую чуткость. Стоило хоть одному приподняться изъ за насыпи — редутъ моментально разражался взрывомъ ружейнаго огня. Въ 6-мъ орудіи, отъ частой стрѣльбы, образовался прорывъ пороховыхъ газовъ. Въ то время, когда вся прислуга находилась за насыпью, канониръ Колесниковъ подошелъ къ своему орудію, неторопливо вычистилъ замокъ, подложилъ подъ плитку пластинку, и все это подъ сильнымъ огнемъ, направленнымъ противъ его одного... Въ началѣ двѣнадцатаго часа подъѣхалъ къ батарее генералъ Бревернъ, сопровождаемый своимъ адъютантомъ штабсъ-капитаномъ Ляпуновымъ. По приказанію командующаго батареею, прислуга была вызвана къ орудіямъ для встрѣчи начальника. Но и непріятель, замѣтивъ движеніе на батарею, оказалъ генералу своего рода встрѣчу, открывъ немедленно учащенный огонь по батарее. Генералъ приказалъ людямъ снова укрыться за насыпь. Капитанъ Андріановъ, подробно доложивъ генералу о настоящемъ положеніи батареи, предложилъ возвратитъ ее на прежнюю позицію, у кургана. Согласившись съ этимъ предложеніемъ, генералъ Бревернъ приказалъ батареямъ отступить на прежнюю позицію. Въ виду сбереженія лошадей, капитанъ Андріановъ приказалъ людямъ на рукахъ отвести орудія къ передкамъ“. — По возвращеніи на прежнюю свою позицію, батареи продолжали бездѣйствовать изъ опасенія поражать своихъ.

---

*) Въ это время былъ раненъ командиръ батареи 1-й бригады полковникъ Семеновъ и убитъ капитанъ батареи 2-й бригады Подгаецкій.

Здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о Лейбъ-Гвардіи 1-мъ Стрѣлковымъ Его Величества баталіонѣ, прикрывавшемъ батарею. Подойдя, подъ градомъ пуль, не дѣлая ни одного выстрѣла, на дистанцію 400 шаговъ къ непріятелю, цѣпь залегла частью за валикомъ шоссе, частью въ траншеяхъ, оставленныхъ непріателемъ. Попытка командира баталіона, флигель-адъютанта полковника Эбелинга атаковать редутъ кончилась неудачно: бросившіеся впередъ стрѣлки должны были уступить свинцовому граду со стороны врага, причемъ полковникъ Эбелингъ былъ смертельно раненъ въ ногу. Турецкіе выстрѣлы не давали стрѣлкамъ никакой возможности унести своего командира до конца боя и все это время раненый лежалъ между „своими“ и непріателемъ — лежалъ съ заряженнымъ револьверомъ въ рукѣ, приберегая послѣдній выстрѣлъ для рѣшительной минуты... Кромѣ того, въ 1-мъ баталіонѣ были ранены: командиръ роты Его Величества капитанъ Скарятинъ, адъютантъ поручикъ Совримовичъ и командиръ 2-й роты штабсъ-капитанъ Арсеньевъ. Получивъ вражью пулю въ руку, Арсеньевъ перевязался и остался во фронтѣ. Цѣпь легла — легъ и Арсеньевъ; какой-то солдатикъ сложилъ шинель и прикрылъ ею голову начальника.

— Убери шинель прочь, приказалъ Арсеньевъ.

То были послѣднія слова лихаго командира: едва убрали шинель — турецкая пуля ударила его въ голову и убила наповаль.

Между тѣмъ, первая линія стрѣлковъ наступала по-ротно подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, обратившаго свою артиллерію противъ батарей правой колонны. Во время движенія, 3-й баталіонъ и часть 1-го уклонились влѣво; большая же часть 1-го и весь 4-й приняли вправо, желая воспользоваться мѣстными прикрытіями. Благодаря этому уклоненію, почти три роты 1-го баталіона и весь 4-й укрылись въ лощинѣ отъ взоровъ непріятеля, хотя и подвергались еще навѣсно падавшимъ пулямъ. По свидѣтельству полковника Пу-

зыревскаго, турецкія пули уже имѣли значительную силу *даже на 2400 шаговъ*: на этомъ разстояніи, одна изъ нихъ погнула саблю, пробила толстое пальто, прострѣлила насквозь ногу, на четверть отъ паха, и еще разъ пробила пальто молодого офицера! *).

При такой неимовѣрной дальности турецкой пули, у стрѣлковъ постоянно возрастало число раненыхъ и убитыхъ, несмотря на закрытіе, по которому они двигались. Дойдя до оставленной турками траншеи, стрѣлки прилегли, и продолжали перестрѣливаться съ непріателемъ. Правѣе стрѣлковъ, отъ селенія Горный Дубнякъ, мимо редута, шагахъ въ 300 отъ него, круто спускалась лощина; на вершинѣ крутаго подъема отъ лощины къ редуту виднѣлись занятые непріателемъ ложементы; въ нѣкоторомъ отдаленіи, за лощиной, гремѣла по редуту казачья батарея.

Такъ какъ въ это время баталіонъ полковника Гриппенберга, прогнавъ турокъ, вышедшихъ изъ Дольняго Дубняка уже могъ служить резервомъ боевой линіи стрѣлковъ, наступающей противъ Большаго редута, то генераль Эллисъ 1-й приказалъ 4-ому Л.-Гв. Стрѣлковому баталіону Императорской Фамиліи войти въ первую линію. Исполняя это приказаніе, командиръ 4-го баталіона, флигель-адъютантъ, полковникъ графъ Клейнмихель, по совѣту полковника Пузыревскаго, продолжалъ движеніе по лощинѣ; причемъ стрѣлки увидели извѣстнаго подпоручика Финляндскаго полка барона Функа, стоявшаго съ 30 солдатами близь турецкаго люнета. Отважный баронъ Функъ навязалъ платокъ на штыкъ и дѣлалъ сигналы подходившимъ стрѣлкамъ. Дойдя до высоты люнета, графъ Клейнмихель быстро повернулъ баталіонъ фронтомъ къ непріятельскому укрѣпленію, занялъ его и лихо погналъ турокъ къ ложементамъ и Большому редуту.

---

*) Полковникъ Пузыревскій приписываетъ эту силу турецкой пули не однимъ качествамъ ружья и дѣйствию навѣсной стрѣльбы, но также и отличному качеству турецкаго пороха.

Занявъ люнетъ, графъ Клейнмихель вызвалъ лучшихъ стрѣлковъ, чтобы пристрѣляться къ редуту. Вскорѣ было замѣчено, что въ ложементѣ, шагахъ въ 70 отъ нашего расположенія, копошились турки; сзади вала была расположена линія шалашей, также служившая прикрытіемъ непріятелю. У стрѣлковъ мелькнула мысль занять ложементы. За дѣло взялись: командиръ 2-й роты капитанъ Фрезеръ, батальонный адъютантъ (нынѣ флигель-адъютантъ) штабсъ-капитанъ Сперанскій, исправлявшій должность квартирмистра извѣстный читателямъ прапорщикъ Климовъ, поручикъ Вильсонъ и подпоручики Адамовичъ и Арбузовъ. Дѣло предстояло жаркое: не даромъ промежутокъ между люнетомъ и ложементамъ солдаты звали „Чортовымъ пространствомъ“. Напомнивъ стрѣлкамъ данное Царю обѣщаніе заслужить Георгіевское знамя, офицеры кинулись впереди солдатъ и выбили непріятеля изъ ложементовъ *).

Исполнили стрѣлки свое солдатское слово. За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ: 25 ноября 1878 года 4-й стрѣлковый баталіонъ Императорской Фамиліи праздновалъ пожалованіе заслуженнаго знамени...

По занятіи ложементовъ и шалашей, нижнимъ чинамъ приказано было стрѣлять только по выдвигавшимся изъ-за прикрытія туркамъ. Скоро подвернулся и случай показать стрѣлковую удалъ. Близъ редута находился транспортъ съ боевыми припасами; истощивъ наличный запасъ патроновъ, турки стали выходить изъ редута къ транспорту, чтобы заpastись зарядами. Немногимъ, однако, удалось попользоваться запасными патронами: штуцеръ Императорскаго стрѣлка хваталъ мѣтко и сослужилъ хорошую службу удалому гарнизону ложемента.

Спустя часъ-другой времени, положеніе нашихъ стрѣлковъ, занявшихъ ложементъ и линію шалашей, осложнилось: къ пороховому дыму сталъ замѣтно примѣшиваться запахъ гари,

---

*) При этомъ были ранены подпоручики Адамовичъ и Арбузовъ.

обычной предвѣстницы пожара. Турецкіе снаряды зажгли сучья и хворостъ, въ шалашахъ показался огонь... Дѣло могло кончиться плохо, ради массы разсыпанныхъ турецкихъ патроновъ, но принятыми мѣрами пожаръ былъ скоро потушенъ.

Около 11^{1/2} часовъ, по личному приказанію генерала Гурко, былъ введенъ въ первую линію и только-что прибывшій изъ подъ Дольняго Дубняка 2-й Л.-Гв. Стрѣлковый баталіонъ, примкнувшій къ 4-му баталіону Императорской Фамиліи. Мало по малу, вся боевая линія стрѣлковъ, изъ ротныхъ колоннъ, развернулась въ одну цѣпь, мѣстами прерываемую значительными интервалами. Нѣкоторыя части правой колонны находились въ 600 шагахъ отъ Большаго редута, преимущественно на открытой мѣстности, занимаемой лѣвымъ флангомъ ея боевой линіи, уклонившись слишкомъ вправо отъ батарей; другія, пользуясь мертвымъ пространствомъ подъ крутизной праваго фланга и отбитыми у непріятеля ложемен-тами, подошли къ редуту шаговъ на 150. Хотя въ это время, мѣткимъ огнемъ нашей артиллеріи, непріятельскія орудія уже принуждены были молчать, но идти далѣе было невозможно, такъ какъ вся предстоявшая для атаки мѣстность была совершенно открыта, и стрѣлки неминуемо подверглись бы той же участи, какой подвергались Финляндцы. По свидѣтельству полковника Пузыревскаго, „какой-то инстинктъ говорилъ каждому, что еще не настала рѣшительная минута. Психологическій фактъ чрезвычайно замѣчательный! Выраженіе лицъ, отдѣльныя замѣчанія и прочіе признаки, часто, повидимому, неуловимые, почти безошибочно предсказываютъ результатъ критическаго, рѣшительнаго предпріятія!“

Между тѣмъ, отъ генерала Гурко, подъ самымъ огнемъ зорко слѣдившаго за ходомъ дѣла, не ускользнули значительные интервалы въ цѣпи Гвардейской Стрѣлковой бригады. Моментъ же для штурма, повидимому, необходимо было ускорить. Съ каждой минутой, можно было ожидать выступленія значительныхъ силъ изъ Плевны. Правда, для избѣжанія подобнаго

усложненія, генераль Гурко испросилъ у Главнокомандующаго, чтобы, одновременно съ атакой укрѣплений на Софійской дорогѣ, были произведены и усиленное бомбардированіе Плевны, и энергическія демонстраціи на правомъ берегу Вида. Великій Князь одобрилъ эти предположенія и предписалъ: генералу Скобелеву занять въ этотъ день „Рыжую Гору“, а Л.-Гв. Волынскому полку съ 1 баталіономъ Л.-Гв. Московскаго, изъ Медована, атаковать турецкіе верки у селенія Трнина. При всемъ томъ, зная силу Плевненскихъ позицій, генераль Гурко имѣлъ полный поводъ предполагать, что, даже отдѣливъ для защиты ихъ необходимое число войска, Османъ-паша могъ предпринять что-либо рѣшительное и на лѣвомъ берегу Вида, съ цѣлью выручить гарнизонъ Горнаго Дубняка. Для отраженія подобнаго предпріятія были оставлены противъ Дольнаго Дубняка три полка 1-й Гвардейской дивизіи и значительныя массы кавалеріи, въ надеждѣ, что остальныхъ войскъ будетъ достаточно для овладѣнія Горнымъ Дубнякомъ. Но къ 2 часамъ пополудни эта надежда еще не оправдывалась. Штурмъ лѣвой колонны былъ отбитъ. Средней колоннѣ хотя посчастливилось занять и Малый редутъ, и шоссе, и другія закрытія на самой близкой дистанціи отъ Большаго редута, но о завершеніи этого блестящаго успѣха новымъ штурмомъ, до получения подкрѣплений — было немыслимо. Въ обѣихъ этихъ колоннахъ страшная убыль и утомленіе людей тормозили всякое дальнѣйшее предпріятіе. Въ это же время было получено извѣстіе объ энергическомъ отпорѣ, встрѣченномъ Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ предъ Телишемъ. Тамъ, слѣдовательно, у непріятеля были силы, далеко превышавшія наши предположенія. Какъ велики были эти силы — никто этого знать не могъ. Но самый фактъ отступленія Лейбъ-Егерей, вопреки несомнѣнно оказанному ими геройству, указывалъ на возможность непріятеля выступить и съ этой стороны на выручку Горнаго Дубняка...

Такимъ образомъ, генералу Гурко прежде всего приходилось

обезпечить свой отрядъ отъ возможности стать между двумя огнями: изъ Дольняго Дубняка и изъ Телиша. Единственнымъ средствомъ исполнить эту задачу, было поспѣшить, во чтобы ни стало, овладѣніемъ Большаго редута. Но потери и утомленіе были уже чрезвычайно велики во всѣхъ трехъ колоннахъ. Полагаясь на 1 бригаду 1-й Гвардейской дивизіи и на многочисленную кавалерію для задержанія наступленія непріятеля со стороны Плевны, генераль Гурко, въ виду этихъ соображеній, приказалъ Л.-Гв. Измайловскому полку оставить свою первую позицію и войти въ боевую линію противъ Большаго редута.

Прибывъ на позицію позднѣе прочихъ колоннъ и ставъ фронтомъ къ Дольному Дубняку, воодушевленные напутственнымъ Царскимъ благословеніемъ и великими преданіями своего боеваго прошлаго, Л.-Гв. Преображенскій, Семеновскій и Измайловскій полки долго надѣялись, что Османъ-паша, изъ Плевны, дастъ и имъ случай пожать новые лавры. Но Османъ не оправдалъ въ этомъ случаѣ своей репутаціи: при тогдашнемъ блестящемъ состояніи его арміи, онъ могъ-бы предпринять многое для выручки Горнаго Дубняка, но не предпринялъ ровно ничего, такъ какъ былъ введенъ въ заблужденіе демонстраціями около Плевны и полагалъ, что мы будемъ опять штурмовать ее. Между тѣмъ, вдали слышались потрясающіе звуки пушечнаго и ружейнаго огня: предъ Горнымъ Дубнякомъ горѣла битва. Невольное чувство зависти къ участвовавшимъ въ ней товарищамъ по 2-й дивизіи, стрѣлкамъ и саперамъ, усиливало тягостное разочарованіе, томившее лихихъ Преображенцевъ, Семеновцевъ и Измайловцевъ, напрасно ожидавшихъ появленія войскъ Османа. Но вотъ прискакалъ адъютантъ начальника отряда съ радостнымъ извѣстіемъ: Измайловцамъ велѣно выступить на поддержку сражающихся товарищей! — „Живо и весело поднялись баталіоны“,

пишутъ по этому поводу въ *Сборникъ Военныхъ Разказовъ*, „и странное дѣло: тамъ, у Эски-Беркача, все шло спустя рукава, слово *впередъ* означало все, а здѣсь, подъ огнемъ, на глазахъ смерти, все воротилось къ старому, къ школьной выправкѣ“. Дѣйствительно, если вдали отъ непріятеля иногда и полезно не обременять людей излишнею формальностью, то подъ огнемъ все должно быть какъ на ученіи: по свидѣтельству всѣхъ бывавшихъ въ дѣлѣ офицеровъ и самихъ нижнихъ чиновъ — этимъ не только устанавливается порядокъ, но и устраняется то тяжелое чувство ожиданія „незнакомаго“, о которомъ упомянуто въ запискахъ Лейбъ-Гренадера, такъ какъ уставныя командныя слова, требованіе равенія и выправки разомъ переносятъ людей съ ожиданія „незнакомаго“ на вполне знакомую имъ почву практическаго ученія. Не даромъ указывалъ на это и опытный въ боевомъ дѣлѣ генералъ Гурко, въ приведенной уже рѣчи своей, обращенной къ гвардейскимъ солдатамъ.

Командиръ Л.-Гв. Измайловскаго полка, генералъ Эллисъ 2-й, лично повелъ первые два баталіона своего полка. На правомъ флангѣ шелъ 3-й баталіонъ, лѣвѣе его — 4-й; оба шли поротно въ двѣ линіи. Пройдя шоссе, Измайловцы слышали свистъ пуль. Вскорѣ понеслись онѣ цѣлымъ роемъ.... Но около 11³/₄ часовъ генералъ Гурко выѣхалъ впередъ, къ оставленному турками ложементу, дабы высмотрѣть вблизи расположеніе войскъ. Было 12³/₄ часовъ, когда 4-й баталіонъ Измайловцевъ сталъ проходить мимо генерала Гурко. „Лѣвой, лѣвой“, вполголоса повторяли ротныя командиры. Во главѣ баталіона, на конѣ, ѣхалъ командиръ его, полковникъ Ковалевскій. „Шапки долой!“ скомандовалъ онъ, „въ добрый часъ братцы! не посраимъ своихъ дѣдовъ—Бородинскихъ героев!“... Люди перекрестились, быстро и стройно продолжая движеніе. Лѣвымъ флангомъ баталіонъ упирался на шоссе, правымъ — примыкалъ онъ къ первому полубаталіону Л.-Гв. Стрѣлковаго баталіона. Полко-

вой командиръ шелъ при 16-й ротѣ. Но общаго управленія обоими баталіонами Измайловцевъ въ правой колоннѣ не было, такъ какъ они были разрознены отдѣльною частью стрѣлковъ. 3-й баталіонъ шелъ правѣ послѣднихъ, частью по ровному мѣсту, частью по покатости лоцины, спускавшейся въ Дубничку. Поровнявшись со стрѣлками, оба баталіона были остановлены и положены шагахъ въ 700 отъ Большого редута. Тутъ только открыли Измайловцы огонь, не по турецки обсыпая врага пулями, а прицѣльный, рѣдкій, какъ слѣдуетъ при наступленіи, когда невозможно запасаться такимъ количествомъ патроновъ, чтобы въ продолженіи многихъ часовъ дѣлать выстрѣловъ по десяти въ минуту.

Начальникъ колонны и вся его свита были восхищены замѣчательнымъ хладнокровіемъ и осмотрительностью, съ какими Измайловцы, словно на практической стрѣльбѣ, открыли этотъ первый огонь противъ турокъ. Дѣло, однако, не обошлось безъ несчастія. Не успѣвъ опознаться на только что занятой позиціи, люди 3-го баталіона приняли за врага—людей 4-го Л.-Гв. Стрѣлковаго Императорской Фамиліи баталіона, занимавшихъ турецкіе ложементы, на оконечности нашего праваго фланга, въ направленіи, почти вертикальномъ къ Измайловцамъ, но значительно впереди ихъ, и открыли по нимъ огонь. Порученіе остановить этотъ огонь было возложено графомъ Клейнмихелемъ на извѣстнаго уже поручика Климова. Въ 300 шагахъ отъ непріятеля, подъ адскимъ огнемъ, этотъ безстрашный офицеръ, верхомъ, проскакалъ отъ своего баталіона прямо къ Измайловцамъ и закричавъ: „Измайловцы, не стрѣляютъ! Свои, свои!“, преспокойно вернулся шагомъ, тѣмъ же путемъ, на свое мѣсто *).

Изъ двухъ остальныхъ Измайловскихъ баталіоновъ, второй былъ направленъ генераломъ Гурко на поддержаніе средней

---

*) При послѣднемъ штурмѣ, поручикъ Климовъ былъ раненъ и лишился руки. Обстоятельство это не помѣшало храброму офицеру возвратиться въ свой баталіонъ, гдѣ онъ и понынѣ находится въ строю.

колонны. Онъ двинулся прямо на саперъ, находившихся подъ командою штабсъ-капитана Чудовскаго, лѣвѣе Московцевъ. О необыкновенной силѣ огня противъ 2-го баталіона Измайловцевъ свидѣлствуютъ и Л.-Гв. Саперы 4-й роты, чрезъ которыхъ неся этотъ ураганъ свинца. Генералъ Брокъ приказалъ пропустить Измайловцевъ чрезъ линію саперъ. Пройдя нѣсколько впередъ, Измайловцы, по командѣ своихъ начальниковъ, остановились и залегли за ложементами, оставленными турками, правѣе и нѣсколько сзади Малаго редута. Одна лишь 8-я рота, при наступленіи, значительно уклонилась влѣво и попала за лѣвый флангъ Малаго редута.

Что касается 1-го баталіона Л.-Гв. Измайловскаго полка, то ему пришлось сдѣлать довольно большое обходное движеніе...

Спрошенные нами свидѣтели этого наступленія четырехъ баталіоновъ Измайловцевъ, отзывались съ восторгомъ о стройности, порядкѣ и воодушевленіи, съ какимъ этотъ славный полкъ 1-й Гвардейской дивизіи продолжалъ свое наступленіе, безъ малѣйшаго вниманія къ граду пуль, его обсыпавшему.

Измайловцы были введены въ боевую линію не съ тѣмъ, чтобы немедленно идти на штурмъ. Поэтому они и получили приказаніе прилечь въ ожиданіи общаго штурма всѣми войсками, обложившими Большой редутъ. Съ прибытіемъ Измайловцевъ, всѣ интервалы были пополнены, пострадавшая отъ убыли боевая линія была въ трехъ мѣстахъ подкрѣплена свѣжими силами. Атакующія войска, за исключеніемъ одного Л.-Гв. Финляндскаго полка, занимали послѣднія закрытія, отдѣлявшія ихъ отъ непріятеля; между этими закрытіями и редутомъ простиралось почти совершенно голое пространство, на которомъ, повидимому, не была возможна ни одна секунда остановки, даже для одной роты, въ полномъ составѣ. Какъ уже сказано, пространство это занимало: предъ находившимися на оконечности нашего праваго фланга 2-мъ и 4-мъ баталіонами стрѣлковъ — отъ 250 до 300 шаговъ; постепенно расширяясь, это пространство достигало предъ 3-мъ и 4-мъ баталіонами Измайловцевъ

и 1-мъ и 3-мъ баталіонами стрѣлковъ — отъ 500 до 800 шаговъ; предъ 2-мъ баталіономъ Измайловцевъ, 4-ю и Его Высочества ротами саперъ и Московскимъ полкомъ это пространство не превышало 300 до 400 шаговъ; Лейбъ-Гренадеры, 2-я рота саперъ, Павловцы, укрываясь за шоссе, за домикомъ, за шалашами и проч., лежали отъ Большаго редута не болѣе, какъ въ шагахъ отъ 40 до 100; резервы оставались въ Маломъ редутѣ, шагахъ въ 180 отъ Большаго. Л.-Гв. Финляндскій полкъ, на долю котораго выпала почти непреодолимо трудная задача, лежалъ шагахъ въ 400—450 отъ Большаго редута.

Пропустивъ впередъ 4-й баталіонъ Измайловцевъ, генералъ Гурко, въ сопровожденіи генерала Нагловскаго, двухъ ординарцевъ и двухъ казаковъ, направился къ батареѣ средней колонны, гдѣ лично передалъ генералу Броку приказаніе объ общемъ штурмѣ. Свиту же свою начальникъ отряда оставилъ на курганѣ за правой колонной, дабы не подвергать ее безплезной опасности. Было около половины втораго, когда генералъ Гурко, въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ и не выходя изъ раіона сильнаго ружейнаго огня, отправился къ колоннѣ графа Шувалова. Въ началѣ третьяго прибылъ онъ къ батареямъ лѣвой колонны. Эти батареи — къ которымъ въ то время присоединилась и отозванная отъ 1-й гвардейской кавалерійской бригады, съ половины дороги до Телиша, 2-я Л.-Гв. Конная батарея *) — уже были выдвинуты на высоту, въ 730 саженьяхъ отъ Большаго редута. На этой высотѣ, генералъ Гурко видѣлся съ графомъ Шуваловымъ, уже потерявшимъ, ранеными, своего начальника штаба, полковника Скалона, и трехъ ординарцевъ, и передалъ ему распоряженія, — общимъ натискомъ покончить немедленно съ Большимъ реду-

---

*) Намъ извѣстно за вѣрное, что только вслѣдствіе описки, вмѣсто 2-й конной батареи, въ реляціи упомянуто о 5-й Л.-Гв. конной батарее, которая, въ это время, дѣйствовала предъ Телишемъ. Описка эта не была исправлена и въ послѣдствіи, при помѣщеніи реляціи генерала Гурко въ *Сборникъ официальныхъ свѣдѣній о войнѣ 1877—78 годовъ*.

томъ. Чтобы слѣдить за ходомъ готовившейся атаки, генераль Гурко остался на курганѣ, съ вершины котораго, гремѣли 22 орудія лѣвой колонны, а графъ Шуваловъ поспѣшилъ къ своей колоннѣ, дабы лично принять всѣ мѣры къ предстоявшему штурму. Состояли же эти мѣры въ слѣдующемъ: окончательнымъ сигналомъ къ общей атакѣ должны были служить три залпа съ батарей правой колонны, которымъ должны были предшествовать, собственно для приготовленій къ общей атакѣ, сначала — три залпа батарей лѣвой колонны, затѣмъ — три залпа батарей средней колонны. Всего, слѣдовательно, *девять залповъ*. Часа, для начала залповъ, назначено не было. Первый залпъ, съ батарей лѣвой колонны, долженъ былъ состояться по приказанію графа Шувалова, когда *всѣ войска его колонны окажутся вполне готовыми къ штурму*. Также и генераль Брокъ, услышавъ залпы лѣвой колонны, только тогда долженъ приказать своимъ батареямъ повторить эти залпы, когда все, въ его колоннѣ, окажется готовымъ къ штурму. Войска должны идти на штурмъ по *девятому залпу*, съ батарей правой колонны. По свидѣтельству многихъ очевидцевъ, какъ разъ въ это время наступило нѣкоторое затишье въ перестрѣлкѣ: вмѣсто одного протяжнаго и раздирающаго треска, слышались лишь одиночные выстрѣлы. Обстоятельство это казалось особенно благопріятнымъ для такого исполненія общаго распоряженія генерала Гурко, такъ какъ этимъ, повидимому, устранялась возможность всякаго акустическаго обмана при залпахъ, сначала 22-ю орудіями, затѣмъ, два раза, 16-ю орудіями. Генераль Эллисъ 1-й поручилъ полковнику Пузыревскому написать приказаніе о залпахъ командиру 6-ыхъ батарей Л.-Гв. 1-й и 2-й артиллерійскихъ бригадъ. Полковникъ Пузыревскій написалъ слѣдующее: „По приказанію генерала Гурко, три батареи, а именно: отряда генерала Розенбаха, генерала Зедделера и моего, дадутъ каждая *по три залпа*, начиная съ батареи генерала Розенбаха и кончая вашей. Послѣдній вашъ залпъ долженъ служить

сигналомъ общей атаки. При стрѣльбѣ имѣйте въ виду, что ваши снаряды могутъ попасть въ 4-й стрѣлковый баталіонъ, находящійся на правомъ моемъ флангѣ“. Означенные курсивомъ слова были подчеркнуты. Записка была подписана генераломъ Эллисомъ 1-ымъ. Съѣздившій съ этой запиской казачій сотникъ возвратилъ записку обратно. „Ну что, прочелъ полковникъ?“ спросилъ генераль Эллисъ. — „Два раза прочелъ“, отвѣтилъ сотникъ, „сказалъ, что понялъ, и отдалъ мнѣ записку назадъ, говоря, что она болѣе ему не нужна“.

По примѣру полковыхъ и баталіонныхъ командировъ, всѣ офицеры объяснили людямъ значеніе предстоявшихъ залповъ.

Казалось, тутъ не могло быть мѣста для недоразумѣній.

Настало торжественное ожиданіе.

Вотъ — грянулъ залпъ, за нимъ другой, третій...

Приблизительно, это произошло около трехъ часовъ...

Но вмѣсто того, чтобы начаться съ лѣвой колонны, залпы были начаты батареей правой колонны, той самой, которая должна была дать роковой *девятый* залпъ, окончательный сигналъ общаго штурма. Что это значило? Не произошло ли перемѣны въ порядкѣ залповъ? Или послѣдній залпъ правой колонны, хотя и не *девятый*, а *третій*, все долженъ имѣть значеніе *девятого* залпа? Понятно, какую путаницу вызвала эта непостижимая ошибка *)! Турецкій огонь участился до

---

*) Вотъ что говорится по поводу этихъ залповъ въ рукописи полковника Хитрово:

„На позиціи у кургана“, сказано въ этой рукописи, „было 8 орудій 6-й бат. Л.-Гв. 1-й Арт. бриг. и 4 орудія 6-й бат. Л.-Гв. 2-й Арт. бриг.; всего 12 орудій. Командовалъ этою сводною батареей полковникъ Скворцовъ, который и получилъ отъ генерала Эллиса 1-го приказаніе *дать три залпа послѣ шести залповъ*, сдѣланныхъ батареями отрядовъ генераловъ Розенбаха и Зедделера. Вскорѣ съ правой стороны послышался отдаленный гулъ. Былъ ли то артиллерійскій залпъ, или взрывъ ружейнаго огня? Считать ли его однимъ изъ усиленныхъ залповъ, или же онъ являлся неожиданно, вслѣдствіе случайности? Всѣ замерли въ ожиданіи, и вдругъ, въ повтореніе сигнала съ правой стороны, отчетливо и ясно, раздался залпъ въ лѣвой сторонѣ. Затѣмъ, все смѣшалось. Съ обѣихъ сторонъ слышались и артиллерійскіе залпы, и усиленная ружейная трескотня по всей линіи, и на все это взрывъ отвѣтнаго огня изъ редута. Совершенно сбившись въ счетъ и боясь опоздать, полковникъ Скворцовъ принужденъ былъ, съ своей стороны, сдѣлать три залпа. Затѣмъ, произошла путаница и общей атаки не послѣдовало“.

крайности. Въ отвѣтъ на него поднялась и у насъ оглушающая стрѣльба; въ сливавшемся въ одинъ непрерывный громъ звукѣ слишкомъ десятка тысячъ выстрѣловъ уже нельзя было различить даже и залповъ цѣлыхъ батарей! Многимъ послышался рядъ залповъ послѣ трехъ первыхъ; другіе не слышали ни одного. „Вотъ девятый залпъ“; — „нѣтъ, это седьмой!“ „Вздоръ! Это не пушки, это—стрѣльба“, спорили и офицеры, и солдаты. Генералъ Эллисъ 1-й рѣшилъ дожидаться остальныхъ шести залповъ, предполагая, что теперь всѣ будутъ считать ихъ справа на лѣво. Въ этомъ смыслѣ отдавалъ онъ приказанія, обходя ближайшій участокъ цѣпи, давая наставленія и готовя горнистовъ къ одновременной подачѣ сигнала атаки. Вдругъ, правѣ Измайловцевъ, затрубили атаку. Измайловскіе горнисты переняли сигналъ съ права на лѣво, и вотъ раздается рядъ послѣдовательныхъ криковъ ура!—криковъ безсвязныхъ, отрывочныхъ, какъ и самыя кучки, однѣ за другими вскакивавшія изъ-за закрытій и бѣгомъ устремлявшіяся на непріятеля, подъ его учащеннымъ огнемъ... „Эхъ! изрѣшутъ насъ безъ толку!“ проговаривали солдаты, все-таки вскакивая и безъ оглядки бросаясь впередъ. 4-й баталіонъ Измайловцевъ, по командѣ начальниковъ, пошелъ на штурмъ дружно и стройно. Полковой, баталіонные и ротные командиры, сабли на голо, шли впереди цѣпи. „Стонъ стоялъ въ воздухѣ отъ грохота мартинокъ и шума летѣвшихъ пуль“, писалъ объ этой атакѣ очевидецъ „не градъ пуль, а стѣна свинца неслась на встрѣчу наступающимъ Измайловцамъ, но они шли ровнымъ, дружнымъ шагомъ. Невольно только головы у всѣхъ наклонились впередъ и, подавъ весь корпусъ на колѣна, словно протискиваясь сквозь густую массу чего-то, шли они въ гору. Оказалось, что предъ редутомъ стоялъ открыто на ногахъ одинъ 4 баталіонъ Измайловскаго полка; очевидно, атака не могла продолжаться при такихъ условіяхъ“... По командѣ ротныхъ командировъ, люди прилегли за сплошной ложементъ, продолжая

упираться лѣвымъ флангомъ на шоссе. До редута оставалось еще отъ 400 до 450 шаговъ. Ждали новыхъ залповъ...

Какъ силенъ былъ огонь, объ этомъ свидѣтельствовала участь поручика Головкова: пуля разбила ему ногу; не успѣлъ онъ проползти десяти шаговъ, какъ другая пуля перебила ему руку; три солдата подхватили его на носилки, но тутъ Головкову третья пуля перебила и другую ногу. Кромѣ Головкова, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ этой атаки, 4-й баталіонъ потерялъ слишкомъ 50 человекъ и поручика Шведова.

И, въ самомъ разгарѣ этого огня, по свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, не прекращалась ни на минуту самоотверженная работа санитаровъ, бережно подбиравшихъ, укладывавшихъ и уносившихъ раненыхъ...

Въ это время, замѣтивъ безпрестанныя перебѣжки отдѣльныхъ группъ частей, прежде вступившихъ въ бой, офицеры 4-го Измайловскаго баталіона первые подали своимъ солдатамъ примѣръ подобныхъ же маневровъ. Сначала перебѣжали стрѣлки, за ними, отдѣльными группами, послѣдовали и колонны. Перебѣжками, а не „ползкомъ“, люди 3-го баталіона Измайловцевъ, дошли до шалашей, шагахъ 100—150 отъ Большаго редута; 4-ый же баталіонъ достигъ до траншей, расположенныхъ лѣвѣе и шагахъ въ 100 сзади шалашей. До шалашей добѣжала прежде всѣхъ 12-я рота. Она рванулась было даже и впередъ шалашей, надѣясь разомъ добѣжать до редута. Но увидѣвъ, что остальные роты остановились, командиръ 12-й роты повернулъ и ее обратно, за шалаши. Вдругъ оказалось, что, всего шагахъ въ 70-ти отъ редута, оставленъ съ перебитою ногой рядовой Савостинъ. Замѣтивъ опасное положеніе раненаго, унтеръ-офицеръ Карюкинъ, отдавъ ружье товарищу, побѣжалъ за Савостинымъ, взвалилъ его себѣ на плечи — но принесъ къ ротѣ одинъ трупъ: стрѣляя по Карюкину, турки буквально изрѣшетили все тѣло несчастнаго Савостина. По свидѣтельству Измайловцевъ, подойти съ этой стороны на болѣе близкую дистанцію было рѣ-

нительно невозможно, хотя въ реляціи и сказано, что оба эти баталіона „проползли на колѣняхъ на 50 шаговъ“ отъ Большаго редута.

И у Измайловцевъ, и у стрѣлковъ повторялась надъ турками шутка съ поднятыми на штыкахъ шапками. Многіе начальники, какъ сказано въ донесеніи полковника Гриппенберга, условились между собою воспользоваться такимъ настроеніемъ людей, чтобы броситься на штурмъ при первомъ признакъ серьезной попытки такого рода на другихъ пунктахъ позиціи...

Между тѣмъ, въ средней колоннѣ происходило слѣдующее: приказаніе о залпахъ дошло только до 3 и 4 баталіоновъ Московцевъ. Генераль Брокъ написалъ о немъ слѣдующую записку на имя капитана Каничко, оставшагося старшимъ въ 4-мъ баталіонѣ: „Будетъ произведена общая атака. Сигналомъ для атаки слѣдуетъ принять три залпа, данные съ праваго вашего фланга. Сперва будетъ дано три залпа съ лѣвой стороны, отъ графа Шувалова, за тѣмъ три залпа батарей, сзади васъ находящихся, и наконецъ три залпа съ вашего праваго фланга. По первому сигналу начните перестрѣлку, по послѣднему начинать атаку. Вы будете поддержаны Московскими, Измайловскими и Финляндскими баталіонами“. Лишенный своего адъютанта, генераль Брокъ, для доставленія записки, вызвалъ охотника изъ 3-го баталіона, съ порученіемъ доставить записку прежде во 2-й баталіонъ. Но, не добѣжавъ до назначенія, охотникъ былъ тяжело раненъ и только успѣлъ передать записку офицеру 3-го Л.-Гв. Финскаго Стрѣлковаго баталіона, доставившаго ее командиру 3-го Московскаго баталіона, полковнику Аничкову. Такимъ образомъ, записка была доставлена въ 4-й баталіонъ лишь по окончаніи всѣхъ попытокъ общей атаки. Командиръ же 2-го баталіона, полковникъ Ляпуновъ, получилъ приказаніе во-время. Этотъ храбрый штабъ-офицеръ былъ впереди баталіона при занятіи шоссе и все время оставался со своими людьми, не разъ приподнимаясь съ канавы, чтобы лучше разсматривать

непріятеля и имѣть надзоръ за своимъ баталіономъ. И его также привела въ неизбѣжное недоумѣніе путаница залповъ; но, не долго думая, полковникъ Ляпуновъ приказалъ трубить „атаку“ и первый вскочилъ изъ-за канавы, чтобы броситься впередъ. Но его же солдаты стащили его за ноги, обратно въ канаву. „Будетъ вашему высокоблагородію быть все впереди — теперь наша очередь!“ разомъ вскричали солдаты и съ громкимъ ура! — бросились впередъ...

Въ 4-мъ баталіонѣ никто не зналъ въ чемъ дѣло; тѣмъ не менѣе, нѣсколько кучекъ рванулись было за 2-мъ баталіономъ.

Между тѣмъ 3-й баталіонъ, рассчитывая на общее движеніе впередъ, тоже бросился къ шоссе, но, прибывъ къ нему въ то время, когда возвращались послѣ страшныхъ потерь, оставшіеся одни предъ фронтомъ люди 2-го и нѣсколько кучекъ 4-го баталіоновъ, тоже прилегъ въ канавѣ и поддержалъ общую перестрѣлку...

Если было чрезвычайно трудно доставить приказаніе до 4-го баталіона Московцевъ, то не только до войскъ, расположенныхъ за домикомъ и другими передовыми закрытіями, но и до Малаго редута была безусловная невозможность передать какое бы то ни было приказаніе, — такъ силенъ былъ огонь, обстрѣливавшій всю открытую мѣстность кругомъ Малаго редута. Такимъ образомъ, тамъ ничего и не знали о девяти залпахъ; когда же слышали съ правой стороны крики ура, то приняли ихъ за признакъ болѣе сильной перебѣжки. Вдругъ, правѣе и нѣсколько позади Малаго редута, только что прибывшія на позицію три роты 2-го баталіона Измайловцевъ, предводимыя флигель-адъютантомъ полковникомъ Кршивицкимъ, устремились на Большой редутъ. Примѣромъ этимъ увлеклись и отдѣльныя группы Лейбъ-Гренадеръ и саперъ. Атаки эти производились одна за другою, безъ всякой общей связи; начались же онѣ почти въ то время, когда атаки правой колонны уже оказались неудачными. Все это не могло ускользнуть

отъ вѣрнаго взгляда генерала Гурко, — „съ замираніемъ сердца“, какъ сказано въ реляціи, слѣдившаго за исполненіемъ столь здраво обдуманной общей атаки. Какъ ни отваженъ и стремителенъ былъ рядъ атакъ, предпринятыхъ въ средней колоннѣ, но для начальника отряда было очевидно, что онѣ уже не могли отвратить неминуемой неудачи, причиненной непостижимой путаницей въ сигнальных залпахъ...

Что касается Павловцевъ, то, заботливостью графа Шувалова, какъ имъ, такъ и залегшей правѣ ихъ 8 ротъ Измайловцевъ, очевидно было передано общее распоряженіе о девяти залпахъ: когда командиръ 8 Измайловской роты, штабсъ-капитанъ Гейнриціусъ — увлеченный страшно усилившеюся стрѣльбой турокъ и криками ура! — самъ бросился впередъ со своею ротой, то одинъ офицеръ сказалъ ему: „Куда вы идете? Вѣдь атака *еще не началась!*“ — „Такъ надо же кому нибудь начать ее“, отвѣтилъ безстрашный Гейнриціусъ, и въ одну перебѣжку достигъ до домика съ бѣлой крышей и прилегъ за нимъ со всею своею ротой. Какъ разъ въ это же время, 1-й баталіонъ Измайловцевъ только что поспѣвалъ въ ложнину противъ юго-западнаго угла Большаго редута, между Павловцами и Финляндцами. Замѣтивъ приближеніе ожидаемаго подкрѣпленія, графъ Шуваловъ быстро выѣхалъ къ нему на встрѣчу, съ твердою рѣшимостью поддержать вслѣдствіе непостижимой путаницы, преждевременно начинавшуюся атаку. Подозвавъ къ себѣ командира 1-го баталіона, полковника Клевезаля, графъ Шуваловъ, справившись о числѣ ротъ подъ его командой и указывая въ сторону Большаго редута, сказалъ ему: „Идите по этому направленію на помощь Лейбъ-Гренадерамъ“. Баталіонъ продолжалъ движеніе ускореннымъ шагомъ; по тѣснотѣ мѣста, роты слѣдовали одна за другой, заднія догоняя переднія почти бѣгомъ и подвергаясь убійственному анфиладному огню Большаго редута. Баталіонъ вышелъ на опушку лѣса лѣвѣе Павловцевъ и правѣе Финляндцевъ. Въ то время, впереди и правѣе 1-го баталіона Измайловцевъ,

Павловцы, 8 рота Измайловцевъ, Лейбъ-Гренадеры и три остальные роты 2 баталіона Измайловцевъ, одни за другими, возобновляли свои геройскія, но пока безплодныя атаки. При видѣ этой потрясающей картины, весь 1-ый баталіонъ Измайловцевъ, какъ одинъ человекъ, безъ остановки и не дожидаясь команды, рванулся бѣгомъ впередъ. Не было, однако, никакой возможности достигнуть до рва въ одну перебѣжку. Двѣ первыя роты залегли за кучами хвороста, а потомъ и за незначительною насыпью, шагахъ въ 60—80 отъ Большаго редута. Особенно отличались при этомъ: оба ротные командира, флигель-адъютантъ капитанъ Божеряновъ и поручикъ Крузенштернъ, а также роты Его Величества унтеръ-офицеръ Смирновъ, до занятія насыпи, не разъ перебѣгавшій къ ней съ капитаномъ Божеряновымъ и кучкой солдатъ, чтобы не дать туркамъ безнаказанно высовываться изъ за бруствера и поражать выстрѣлами скученныхъ во рву людей всѣхъ полковъ и баталіоновъ, обложившихъ Большой редутъ. Что же касается 3-й роты Измайловцевъ, то она уклонилась вправо отъ своего баталіона и примкнула къ 8-й ротѣ, за домикомъ съ бѣлою крышей...

Въ это время и у Павловцевъ тоже произошло было нѣсколько отдѣльныхъ атакъ небольшими группами людей. Въ одной изъ нихъ, поручикъ Кучинскій, находясь въ цѣпи 14-й роты, встрѣтилъ турецкій ложементъ ближе къ Большому редуту, чѣмъ на половинѣ разстоянія отъ него до шоссе. Видя наступавшую горсть Павловцевъ, турки, полагаясь на превосходство своихъ силъ, пытались было выждать натискъ русскихъ, но были выбиты и прогнаны, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ, исколотыхъ русскими штыками...

Какъ ни неудачна оказалась по всей линіи эта общая атака, но результатомъ ея было одновременное приближеніе, на самую близкую дистанцію къ Большому редуту, не только всей нашей первоначальной боевой линіи, но и вновь прибывшихъ новыхъ четырехъ баталіоновъ, совершенно свѣжихъ и не-

утомленныхъ непрерывно продолжавшимся, слишкомъ восьми- часовымъ боемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленно по занятіи новыхъ позицій, со всѣхъ сторонъ устремились въ ровъ новыя отдѣльныя кучки, предводимыя своими офицерами...

Къ рѣшительной, одновременной атакѣ цѣлымъ полкомъ подали поводъ роковые три залпа только въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку. Графъ Шуваловъ *лично* прибылъ въ распоряженіе Финляндскаго полка, — „облѣпившаго какъ пьявки“, говоря словами донесенія генерала Лаврова, „весь поднимавшійся предъ нимъ скатъ холма“ — и обстоятельно передалъ приказаніе начальника отряда, уговаривая начальниковъ, насколько возможно, беречь людей, не подвергая ихъ бесполезной опасности. Получивъ приказанія о залпахъ, генераль Лавровъ поручилъ своимъ офицерамъ готовиться къ штурму. Загремѣли вдали какіе то три залпа; не вдаваясь ни въ какія толкованія, хотя и догадываясь что тутъ произошла какая-то путаница, безстрашный Лавровъ немедленно рѣшилъ снова вести своихъ Финляндцевъ на штурмъ. Но предварительно, генераль Лавровъ послалъ адъютантовъ къ сосѣднему съ его полкомъ 2-му Л.-Гв. Стрѣлковому баталіону и къ командиру Лейбъ-Гренадерскаго полка, съ просьбой поддержать предполагаемую имъ атаку. По возвращеніи же адъютантовъ, генераль Лавровъ предупредилъ всѣхъ идти за нимъ, когда онъ вынетъ саблю и крикнетъ ура! Сказано — сдѣлано. Поднявшись какъ одинъ человекъ, полкъ сразу вскочилъ на плато, хотя убитые и раненые падали уже не поодиночкѣ, а цѣлыми кучами, рядами. Самъ Лавровъ не сдѣлалъ и 50 шаговъ, какъ палъ, пораженный пулей въ животъ на вылетъ; кромѣ его были тяжело ранены полковники Кислинскій, капитанъ баронъ Функъ I, контуженъ поручикъ Пчельниковъ и убитъ подпоручикъ Гагманъ. Стараясь встать, Лавровъ все еще ободрялъ и воодушевлялъ людей, не позволяя ни кому отставать, но тутъ поразила его другая, не менѣе мучи-

тельная пуля... *). Бѣгая въ запуски, выбившіеся изъ силъ прежними атаками, люди растянулись по всей покатости; при всемъ томъ, передовые добѣжали шаговъ на десять отъ редута—но всѣ были перебиты. Съ молодымъ командиромъ 5-й роты, поручикомъ Львовымъ горсть храбрецовъ человекъ въ 50 залегла за шалаши, шагахъ въ 80 отъ редута. Но разорвавшаяся надъ ними *русская* шрапнелевая граната, осыпавъ пулями этихъ молодцевъ и перебивъ значительное число ихъ, ранивъ и самого Львова, принудила ихъ снова укрыться въ овражекъ, чтобы пробраться къ полку, расположившемуся частью влѣво, т. е. къ сѣверу отъ плато, частью на прежнюю позицію, къ юго-западу отъ редута. При этомъ, поручикъ Львовъ успѣлъ высмотрѣть важное обстоятельство: полкъ находился противъ совершенно открытой, широкой горжи Большаго редута! Принявшій послѣ Лаврова команду надъ полкомъ полковникъ Вейсъ, безъ особаго приказанія не призналъ возможнымъ немедленно возобновить атаку и приказалъ окапываться, такъ какъ наступали сумерки и приходилось ожидать новыхъ распоряженій. Впрочемъ полковникъ Вейсъ дозволилъ вызвать охотниковъ, и съ этими людьми, раненый Львовъ снова пробрался къ оставленнымъ имъ закрытіямъ: шалахамъ, палаткамъ, убитымъ лошадямъ, и, положивъ за ними своихъ охотниковъ, открылъ мѣткій огонь.

Возвращаясь къ полку, поручикъ Львовъ рассказалъ встрѣтившемуся ему Л.-Гв. Павловскаго полка штабсъ-капитану Бершову о замѣченной имъ широкой горжи Большаго редута. На основаніи этого разсказа, Бершовъ собралъ человекъ полтораста изъ разныхъ ротъ своего полка и бросился съ ними по указанному направленію. Дойдя шаговъ 60 отъ горжи, Бершовъ положилъ своихъ людей, приказавъ имъ окапываться чѣмъ попало, и открылъ мѣткій огонь въ ожиданіи новой атаки.

Какъ только полкъ возвратился подъ закрытіе мертвого

---

*) Генераль Лавровъ былъ раненъ между 3 и 3½ часами.

пространства, всѣ вспомнили, что раненый полковой командиръ, не позволявшій унести себя во время атаки, остался на плато подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля! Рядовой 3-й роты Колпаковъ немедленно вызвался, чтобы спасти всѣми любимаго командира. За нимъ вызвались и многіе другіе, но при чуткости, съ какой турки слѣдили за всѣми высовывавшимися изъ-за закрытія Финляндцами, одному человѣку скорѣе можно было надѣяться успѣть въ этомъ опасномъ предпріятіи, чѣмъ цѣлой кучѣ людей. Колпаковъ отправился одинъ. Пробравшись къ генералу Лаврову ползкомъ, Колпаковъ бережно уложилъ умиравшаго на свою шинель и, не смотря на учащенный огонь непріятеля, благополучно стащилъ съ горы несчастнаго страдальца и сдалъ его во 2-й Л.-Гв. Стрѣлковый баталіонъ, гдѣ генералу Лаврову была сдѣлана первая перевязка.

Прослѣдивъ „съ замираніемъ сердца“ за всѣми потрясающими фазами длинной вереницы геройскихъ попытокъ штурма и убѣдившись въ бесплодности ихъ, генераль Гурко замѣтилъ, что окончательнымъ результатомъ этихъ попытокъ было одновременное приближеніе, на самую незначительную дистанцію отъ Большаго редута, не однихъ цѣпей, но и массы штурмующихъ колоннъ. Обстоятельство это очевидно, подавало основаніе рассчитывать на близкую, окончательную побѣду при первомъ благопріятномъ случаѣ. На этомъ основаніи начальникъ отряда лично приказалъ графу Шувалову распорядиться возобновленіемъ штурма по наступленіи сумерекъ: въ случаѣ же, еслибы паче всякаго чаянія, было бы суждено и этому штурму не быть увѣнчаннымъ побѣдой, то отступить на линію батарей, привести ихъ въ порядокъ, дать имъ переночевать, а на разсвѣтѣ открыть усиленное бомбардированіе, съ тѣмъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, либо ограничиться дѣйствіемъ артиллеріи, либо приступить къ новому штурму. Въ началѣ пятаго часа, генераль Гурко оставилъ

батареи лѣвой колонны и опять направился къ батареямъ средней колонны, дабы лично передать приказаніе генералу Броку. Въ четверть шестаго, генераль Гурко вернулся на курганъ, находящійся за батареями колонны, гдѣ то же приказаніе о продолженіи боя было лично передано имъ генералу Эллису 1-му.

Шестой часъ вечера былъ въ исходѣ. Въ нѣсколько минутъ сумерки перешли въ ночь. Выступила на небосклонѣ красная, словно кровавая луна. Въмѣсто окаймлявшей Большой редутъ непрерывной тучи бѣлаго дыма, весь край бруствера и кавальера освѣтился такою же непрерывною линіей сверкавшихъ огненныхъ точекъ. Такая же линія засверкала, на нѣкоторомъ разстояніи, и кругомъ всего редута. Между тѣмъ, мгlistая даль безпрестанно разрывалась широкими огненными полосами молній нашихъ пушечныхъ выстрѣловъ...

Вдругъ, внутри редута, взвилось огромное пламя. Нашими гранатами были зажжены турецкіе шалаши и палатки. На фасѣ редута, противъ нашего лѣваго фланга, замѣтно стала рѣдѣть стрѣльба непріятеля. „Каково-то Туркамъ справляться съ пожаромъ внутри редута? У нихъ тамъ теперь суматоха... А чтобы тутъ грянуть на нихъ новымъ штурмомъ?“ „Чего тутъ думать?“ Такъ всюду затолковали гвардейцы—и вотъ, въ разныхъ мѣстахъ, раздались крики ура! сначала отдѣльные, но мгновенно подхваченные всею линіей и вдругъ, кругомъ всего редута, словно буря, заревѣло одно протяжное, оглушительное ура!

Нѣсколько минутъ спустя, уже въ самомъ редутѣ, при багровомъ освѣщеніи пожара, при безпрестанныхъ взрывахъ патроновъ и зарядовъ, пошла страшная рукопашная свалка. Чтò тутъ происходило — о томъ свидѣтельствовали на другой день не только цѣлыя груды убитыхъ солдатъ, но и десятки поломанныхъ штыковъ, въ дребезги разлетѣвшихся прикладовъ и даже погнутыхъ ружейныхъ стволовъ, и обгорѣвшія тѣла многочисленныхъ раненыхъ, забытыхъ Тур-

ками подъ пылавшими шалашами. Въ темнотѣ, двое Русскихъ, нечаянно, прокололи другъ друга штыками.

По всему видно, что ожесточеннѣе, упорнѣе всего должна была происходить работа штыками и прикладами у сѣверной оконечности западнаго фаса редута, въ самой горжѣ его, и у южнаго его фаса, ближе къ его восточной оконечности. Съ нашей же стороны большинство тѣлъ принадлежало въ этихъ мѣстахъ полкамъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскому и Измайловскому.

Кто первый подалъ сигналъ *этой* атаки, кто первый ворвался въ редутъ, это — вопросы, по всей вѣроятности, не разрѣшимые не только для современниковъ, но и для суда грядущихъ поколѣній. Свѣдѣнія, нами на этотъ счетъ полученные, состоятъ въ слѣдующемъ. Въ шестомъ часу командиръ 2-го баталіона Л.-Гв. Измайловскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ Кршивицкій, приказалъ ударить „атаку“ и сразу дойдя до рва съ тремя ротами, спустился въ него, далъ ротамъ минутъ десять отдыха, и за тѣмъ, по новому бою къ атакѣ, вскочилъ на брустверъ и ворвался въ редутъ. При этомъ, стоя на брустверѣ, полковникъ Кршивицкій, увидѣлъ, что турки толпою тѣсняются къ сѣверовосточному фасу редута, т. е. въ сторону Плевны; между тѣмъ какъ имъ гораздо естественнѣе было бы бѣжать въ противоположную сторону, т. е. къ горжѣ Большаго редута, *если бы эта горжа была свободна и еще не занята русскими*. Одновременно съ полковникомъ Кршивицкимъ поспѣли къ редуту и другія войска; разница тутъ могла быть развѣ въ трехъ-четырехъ минутахъ. Въ одно время съ полковникомъ Кршивицкимъ прибылъ на гласисъ и командиръ 8 роты Измайловцевъ, штабсъ-капитанъ Гейнриціусъ, и встрѣтилъ, *уже находившагося тамъ*, полковника Аспелунда 2-го, командира 2-го баталіона Л.-Гв. Гренадерскаго полка. Какъ видно изъ записки офицера Измайловскаго полка, командира роты Его Величества капитана Божерянова, въ это же время достигли рва Большаго редута

съ юго-западной стороны три роты 1-го баталіона, лежавшія въ это время за насыпями и шалашами, на самой близкой дистанціи ото рва. Еще въ болѣе благопріятномъ положеніи находился Л.-Гв. Павловскаго полка штабсъ-капитанъ Бершовъ съ горстью храбрецовъ, собранною имъ изъ разныхъ ротъ своего полка. Лежа всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ горжи редута, Бершовъ „раньше другихъ ворвался въ редутъ“.

Не менѣе благопріятно было, наконецъ, и положеніе того же полка подпоручика Иванченко, съ такою же горстью храбрецовъ успѣвшій залечь такъ близко отъ обращеннаго къ Телишу угла редута, что, разглядѣвъ въ этомъ мѣстѣ какъ будто перешеекъ во рву, въ родѣ мостика, дошелъ подъ самый валъ, взобрался на покатость его и оттуда стрѣлялъ по туркамъ изъ револьвера. Примѣру этому послѣдовали многіе, особенно унтеръ-офицеръ 3-й роты Алексѣевъ, вмѣстѣ съ нимъ вскочившій „первый на валъ“, какъ только обнаружили признаки общей атаки...

Въ это же время, замѣчая постепенное ослабленіе непріятельскаго огня и увидѣвъ запылавшіе шалашы, люди Л.-Гв. Финляндскаго полка, будто сговорившись, тоже бросились дружно впередъ и ворвались въ горжу редута... Ближе всѣхъ, отъ горжи, стояли финляндскіе охотники. Впереди всѣхъ, вихремъ неся безстрашный Кисель...

3-му баталіону Измайловцевъ, находившемуся на правомъ флангѣ, всего шагахъ въ 70-ти отъ бруствера, тоже было не далеко до рва. Впереди баталіона, первымъ вскочилъ на брустверъ командиръ 10-й роты штабсъ-капитанъ Кушелевъ. Но едва вымолвилъ онъ: „Ребята, за...“, какъ тутъ же свалился, убитый на повалъ. Его застрѣлилъ турецкій офицеръ, сидѣвшій за брустверомъ и уже положившій не одного изъ нашихъ передовыхъ смѣльчаковъ. Разъяренные Измайловцы мгновенно покончили съ нимъ своими штыками.

Увлеченные общимъ воодушевленіемъ, скоро поспѣли къ редуту и 4-й баталіонъ Измайловцевъ, и саперы, и стрѣлки...

Всего вѣроятнѣе, что прежде всѣхъ отдѣльныхъ частей, облагавшихъ Большой редутъ, ворвались въ него отдѣльныя группы, уже давно устраивавшія во рву, по скату эскарпа, ступени для подъема на берму и на брустверъ. Какъ оказывается нынѣ, огонь турокъ потому и становился слабѣе по всей мѣстности кругомъ редута, что турки, озабоченные людьми, находившимися во рву, старались избавиться отъ подкапывавшагося подъ нихъ непріятеля. Во рву же находились люди всѣхъ полковъ и баталіоновъ атакующаго отряда. Но, отстрѣливаясь уже такъ давно, люди во рву истощили свои патроны. Рядовые Л.-Гв. Павловскаго полка, Лизуновъ, Ершовъ и Демиденко первые стали бросать изо рва въ глаза туркамъ землю и камни. Примѣру ихъ послѣдовали и другіе. Скоро поднялась такая туча пыли, что многіе уже получили возможность почти безнаказанно выбираться изо рва, отбирать патроны у убитыхъ на гласисѣ и кругомъ рва, и возобновлять такимъ образомъ запасъ зарядовъ. Роты Его Величества Л.-Гв. Измайловскаго полка, унтеръ-офицеръ Морозовъ возбуждалъ общій восторгъ своими мѣткими выстрѣлами по высывавшимся на брустверѣ фескамъ, пока самому ему вражья пуля не разнесла черепъ. Тутъ же оказался, не смотря на свои двѣ раны, уже извѣстный герой-балагуръ унтеръ-офицеръ Ильченко, также ухитрившійся, съ прострѣленными ногами, взобраться одинъ изъ первыхъ въ редутъ. Легче всего оказалось ворваться въ редутъ тѣмъ изъ этихъ людей, которымъ посчастливилось выдти изо-рва противъ горжи редута...

Пораженные ужасомъ, турки выкинули бѣлый флагъ *на углу праваго фаса редута*, обращеннаго къ Плевнѣ.

Съ этого же фаса бросились они бѣжать по направленію къ шоссе. Тутъ встрѣтили они 2 и 3 баталіоны Л.-Гв. Московскаго полка и 4-й баталіонъ Л.-Гв. Измайловскаго. Набѣжавъ въ темнотѣ на русскихъ, турки сдѣлали по нимъ два залпа и тутъ же бросили оружіе съ крикомъ: „Аманъ“.

Замѣчательна тупая свирѣпость обезумѣвшихъ турокъ! Они даютъ два залпа въ тѣхъ, кого тутъ же умоляютъ о пощадѣ!

Еще отвратительнѣй образчикъ этой безумной свирѣпости турокъ: на кавальерѣ, внутри редута, найденъ изувѣченный турками солдатъ Московскаго полка, взобравшійся на кавальеръ, не замѣчая, что онъ одинъ...

Командиръ 2-го баталіона Л.-Гв. Московскаго полка, полковникъ Лапуновъ, принялъ выбѣжавшаго изъ Большаго редута турецкаго парламентаря и потребовалъ безусловной сдачи. Парламентаръ согласился на все...

Наступили сумерки. Выкинутый турками бѣлый флагъ никому не былъ замѣченъ. Къ тому же, засѣвшіе въ шалашахъ и землянкахъ турки отчаянно продолжали отстрѣливаться, также какъ и нѣкоторыя отдѣльныя группы, не думавшія бросать оружія. Такимъ образомъ, вопреки бѣлому флагу, внутри редута продолжалась неистовая штыковая работа. Спасаясь отъ нея, толпа турокъ, съ адъютантомъ наши во главѣ, пала на колѣни съ воплемъ „аманъ!“ предъ первымъ встрѣтившимся ей Русскимъ офицеромъ.

Другіе турки, хотъ и бросались на колѣни, но, будучи помилованы, тутъ же стрѣляли въ русскихъ.

При общемъ геройскомъ настроеніи всей гвардіи, начиная отъ старшихъ начальниковъ до послѣдняго рекрута, казалось бы немыслимымъ какое либо личное отличіе. При всемъ томъ, послѣдній, побѣдоносный штурмъ Большаго редута не обошелся безъ нѣкоторыхъ выдававшихся изъ ряду особенныхъ подвиговъ личной храбрости и смѣливости. Ограничимся приведеніемъ трехъ такихъ фактовъ. Замѣтивъ, что турки толпились у сѣверо-восточнаго угла редута, ворвавшійся съ юго-западнаго фаса его 1-й баталіонъ Измайловцевъ бросился на нихъ въ штыки и вытѣснилъ ихъ изъ редута. Послѣ этого натиска, рядовой 2-й роты Авчинниковъ, возвращаясь съ преслѣдованія, соскочилъ съ бруствера во внутренній ровикъ редута и, при свѣтѣ пожара, замѣтилъ одного турка, украдкой

пробиравшагося по этому ровику, вдоль бруствера. Нагнавъ его, Авчинниковъ поразилъ его штыкомъ, но увидѣлъ, что упавшій турокъ старался туловищемъ своимъ покрыть знамя, древко котораго выходило изъ подъ его ногъ. Авчинниковъ овладѣлъ знаменемъ и лично доставилъ его начальнику отряда. Того же полка ефрейторъ Брадинъ, окруженный, внутри редута, четырьмя турками, отдѣлался отъ одного изъ нихъ штыкомъ, а двумъ разбилъ головы, разлетѣвшимся при этомъ въ дребезги прикладомъ, при чемъ четвертый турокъ былъ взятъ въ плѣнъ подоспѣвшими товарищами Брадина. Того же полка унтеръ-офицеръ Ерофѣевъ, оставшись одинъ изъ четырехъ человекъ, избранныхъ въ прикрытіе ротнаго командира, капитана Божерянова, ограждалъ его собственнымъ тѣломъ отъ летѣвшихъ пуль и ловко прикололъ турка, набѣжавшаго со штыкомъ на флигель-адъютанта Божерянова.

Во время общаго вторженія въ Большой редутъ, вбѣжалъ въ него командующій Л.-Гв. Павловскимъ полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Шмитъ, имѣя при себѣ знаменщика 4-го баталіона. Такимъ образомъ, въ этотъ историческій моментъ боя, въ турецкомъ редутѣ уже развѣвалось одно *русское знамя*... Знаменщикъ, фельдфебель Митрофановъ, стоявшій рядомъ съ флигель-адъютантомъ Шмитомъ былъ вскорѣ убитъ и святыня полка тотчасъ была подхвачена унтеръ-офицеромъ Теремковымъ. На другой день оказалось, что это знамя, во время боя 12-го числа, было прострѣлено не только въ полотнѣ, но и въ древкѣ.

По свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, рѣзня прекратилась лишь съ пріѣздомъ графа Шувалова. Онъ приказалъ трубить отбой; лично унимая разсвирѣпѣвшихъ солдатъ, онъ положилъ конецъ кровопролитію. По мѣрѣ того, какъ прекращалась битва, графъ благодарилъ и поздравлялъ всѣхъ. „Ура! „Ура! отвѣчали офицеры и солдаты...

Наступало упоеніе восторга побѣды; въ сердце всякаго проникло сознаніе величія совершеннаго подвига, святости испол-

неннаго долга: и офицеры, и нижніе чины, поздравляли другъ друга, обнимались, цѣловались, благодарили Бога; у многихъ вырывались слезы. Офицеры стали собирать свои части: повсюду рожки затрубили сборъ.

Графъ Шуваловъ поручилъ сапернымъ офицерамъ осмотрѣть немедленно редутъ для приведенія его въ оборонительное положеніе.

Между тѣмъ, на курганѣ, за правой колонной, при свистѣ перелетавшихъ пуль, слезли съ лошадей генераль Гурко и его начальникъ штаба, и сюда же съѣхались многіе начальники частей для полученія новыхъ приказаній. Генераль готовился провести ночь на этомъ курганѣ. Освѣщенный простымъ фонаремъ, Гурко диктовалъ Нагловскому донесеніе о происходившемъ боѣ. Но вотъ—скачетъ во весь опоръ всадникъ. Онъ машетъ рукой, что-то кричитъ... Круто осаживаетъ коня предъ самымъ генераломъ Гурко: это его ординарецъ, ротмистръ Скалонъ.

„Редутъ въ нашихъ рукахъ!“

— „Что? Редутъ нашъ?“ спросилъ генераль.

— „Сію минуту войска ворвались и заняли редутъ; оставшіеся Турки сдались“.

„Ура!“, вырвалось у генерала; „ура!“ подхватили всѣ на курганчикѣ. Провидѣніе увѣнчало побѣдой геройство гвардіи Русскаго Царя!

Въ одно мгновеніе, всѣ были на конѣ и, вслѣдъ за начальникомъ отряда пустились маршъ-маршъ по направленію къ редуту, перескакивая чрезъ безчисленныя кучи убитыхъ. „Редутъ былъ озаренъ краснымъ широкимъ заревомъ, на которомъ рисовались темные силуэты нашихъ солдатъ“, писалъ на другой день князь Шаховской въ *Московскія Вѣдомости*, „собравшись кучами на редутѣ и вокругъ его, солдаты подхватили ура при видѣ мчавшагося къ нимъ генерала Гурко. Шапки полетѣли вверхъ; другіе надѣвали шапки на штыки.

Оглушительное, опьяняющее ура! стояло въ воздухѣ. Солдаты кинулись на встрѣчу генерала; словно живое море окружило генерала и его свиту со всѣхъ сторонъ. „Молодцы — дѣти!“ проговорилъ генераль взволнованно; „спасибо, молодцы!“ и въ суровомъ голосѣ генерала звучала трогательная нота. Ура! Ура! повторялось и разносилось вдаль. Плѣнные, положившіе оружіе на редутѣ, были уже выведены и стояли кучей, отдѣленные нашими солдатами. Къ генералу Гурко подвели взятаго въ плѣнъ турецкаго генерала Ахмедъ-Февзи-пашу. Лицо паши было грустно и убито. Онъ низко поклонился генералу Гурко и всталъ, опустивъ голову. Генераль Гурко протянулъ ему руку и сказалъ: „уважаю въ васъ храбраго противника“.

Битва кончилась. Красный Крестъ вступалъ въ свои права. Забѣгали санитары. Стали разбирать убитыхъ отъ раненыхъ. „Страшенъ и грозенъ Русскій солдатъ въ бою“, пишутъ по этому поводу въ *Сборникъ Военныхъ Разсказовъ*, „но надо посмотрѣть его за уборкою раненыхъ. Какъ нянька обращается съ малымъ дитятей, такъ онъ бережно перекладываетъ пострадавшаго на носилки; легко дѣйствуютъ его за-грубѣлыя руки и нѣжно укладываютъ и перевязываютъ раненаго“. Въ продолженіе десятичасоваго боя, санитары усердно и самоотверженно работали подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, подбирая и перевязывая раненыхъ.

Вдругъ ударили и затрубили тревогу. Разнесся слухъ о наступленіи Османъ-паши изъ Плевны. Всѣ снова бросились къ оружію.

Слава Богу! слухъ не оправдался.

Несмотря на ночь, генераль Гурко тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ укрѣпленіи Горнаго Дубняка, особенно со стороны Телиша, въ виду малочисленности выставленнаго противъ него заслона и полученныхъ извѣстій о значительныхъ подкрѣпленіяхъ, подоспѣвшихъ къ непріятелю.

Прямо съ боя, Л.-Гв. Измайловскій полкъ, вмѣстѣ съ батареями 1-й гвардейской артиллерійской бригады, выступилъ

обратно на свою первоначальную позицію, предъ Дольнимъ Дубнякомъ.

Начальникомъ отряда отправлены были отъ конвоя небольшіе отряды съ самыми широкими полномочіями, для прекращенія пожара, объявшаго Горный Дубнякъ.

Сочтены трофеи: одинъ паша, 53 офицера, 2,235 раненыхъ нижнихъ чиновъ, одно большое полковое знамя, четыре круповскихъ дальнобойныхъ орудія, съ многочисленными слѣдами, свидѣтельствовавшими о мѣткости выстрѣловъ нашей артиллеріи, и огромное число ружей и боевыхъ припасовъ. Хотя пожаромъ было взорвано нѣсколько тысячъ металлическихъ патроновъ, тѣмъ не менѣе, огромное число ихъ досталось въ руки побѣдителя.

Безсмертною славой, но и потоками русской крови ознаменовалось огненное крещеніе Гвардіи Русскаго Царя 12 октября 1877 года. Потеряла она убитыми: одного штабъ-офицера, 17 оберъ-офицеровъ, 790 нижнихъ чиновъ; ранеными—3 генераловъ, 96 штабъ и оберъ-офицеровъ, 2,384 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшихъ 20 нижнихъ чиновъ.

Кому же прежде всего принадлежитъ слава этой безсмертной побѣды?

Починъ славы, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Тому, Кто сердечною заботливостью о Своей Гвардіи, какъ о Своихъ родныхъ дѣтяхъ, внушилъ всѣмъ чинамъ ея безукоризненное знаніе дѣла и самоотверженную преданность долгу службы, благодаря которымъ для нея нѣтъ ничего невозможнаго. Затѣмъ, Великаго Князя Главнокомандующаго, и Наслѣдника Русскаго Престола, пять мѣсяцевъ удерживавшаго съ горстью богатырей Восточнаго отряда не разъ повторенные натиски главныхъ силъ непріятеля,—вотъ Кого долженъ благодарить и славить Русскій народъ за безсмертные подвиги Русской Гвардіи въ кровавый день 12 октября 1877 года.

Затѣмъ слава побѣды 12 октября принадлежитъ несомнѣнно генераль-адъютанту Гурко и начальнику 2-й Гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-адъютанту графу Шувалову.

Какъ бы ни были предусмотрительны, основательны и своевременны распоряженія главныхъ начальниковъ, а въ самомъ разгарѣ боя, управленіе дѣломъ становится достояніемъ болѣе близкихъ къ войскамъ начальниковъ отдѣльныхъ частей. Подъ Горнымъ Дубнякомъ эта часть управленія ходомъ сраженія, съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, была выполнена всѣми начальниками, начиная отъ начальниковъ колоннъ до полковыхъ, баталіонныхъ и ротныхъ командировъ. Блестящимъ подвигомъ, ознаменовавшимъ этотъ фазисъ сраженія при Горномъ Дубнякѣ, оказался, безъ сомнѣнія, штурмъ Малаго редута полковникомъ Любовицкимъ съ Лейбъ-Гренадерами, при своевременномъ поддержаніи ихъ генералами Зедделеромъ и Розенбахомъ съ Московцами, Павловцами и Финляндцами. Этотъ штурмъ былъ настоящимъ *починомъ побѣды*: успѣхомъ его обезпечился успѣхъ наступленія всѣхъ прочихъ войскъ...

Но съ этимъ подвигомъ почти и кончается въ сраженіи 12 октября дѣйствительность управленія командировъ главныхъ частей. И львиная храбрость, и хладнокровная распорядительность, оказанныя генераль-адъютантомъ графомъ Шуваловымъ, генералами: Лавровымъ, Розенбахомъ, Зедделеромъ, Эллисомъ 1-мъ и Эллисомъ 2-мъ; полковниками: Любовицкимъ, Руновымъ, графомъ Клейнмихелемъ, Прокопе, Эбелингомъ, Аспелундомъ и другими, въ этотъ періодъ боя уже не могли подвинуть дѣла ни на одну пядь впередъ. Тутъ, какъ уже сказано было, наступила совершенно своеобразная сторона сраженія при Горномъ Дубнякѣ: руководящая боемъ сила раздробилась до безконечности и все стало дѣлаться единственно по инициативѣ, по соображеніямъ „солдатской тактики“, т. е. личной храбрости и смѣливости отдѣльныхъ людей, при чемъ на долю офицеровъ выпала лестная задача

словомъ и примѣромъ ободрять и поощрять эту „солдатскую тактику“.

Взятіе редута было естественнымъ результатомъ постепеннаго наступленія нашихъ цѣпей мелкими группами до самаго подножія эскарпа рва Большаго редута. Какимъ образомъ производившаяся тамъ подземная работа привела къ окончательному торжеству русскаго оружія—неизвѣстно. Вѣрно одно: въ тотъ моментъ, когда предводимыя начальниками сплошныя массы войскъ, оцѣплявшія Большой редутъ, ворвались на его брустверъ—въ тотъ самый моментъ, внутри редута, уже шла неистовая работа штыками и прикладами. Что слѣдуетъ вывести изъ этого факта? Очевидно то, что до прибытія массъ, въ редутъ ворвались ближайшіе къ нему люди, работавшіе во рву и, найдя выходъ изъ редута, гдѣ прекращались и ровъ, и брустверъ, они воспользовались имъ, чтобы противъ этого мѣста выбраться изъ рва и броситься въ редутъ. Также естественно, что первыми послѣдовали за ними люди, стоявшіе и лежавшіе за „домикомъ“; за ними—люди, лежавшіе за кучами хвороста и въ ближайшихъ къ Большому редуту канавахъ шоссе, тянувшихся между обоими редутами. Такимъ образомъ окончательно выясняется рѣшающее вліяніе овладѣнія Малымъ редутомъ на исходъ боя: благодаря героизму Лейбъ-Гренадеръ, стали возможны тѣ перебѣжки, которыя завершились занятіемъ рва и вторженіемъ передовыхъ людей въ Большой редутъ. Такимъ же образомъ объясняется, что Турки бѣжали массами отъ входа въ редутъ (на его юго-западномъ фасѣ), къ противоположному ему сѣверо-восточному углу редута и пытались оттуда пробраться на шоссе, гдѣ ихъ передовые люди наткнулись на Московцевъ и на 4-ый баталіонъ Измайловцевъ, а главной массѣ ихъ преградилъ путь уже взбиравшійся на брустверъ 3-й баталіонъ Измайловцевъ. Этимъ же объясняется, наконецъ, и тотъ фактъ, что большая часть русскихъ тѣлъ оказалась именно у юго-западнаго фаса редута, гдѣ лежали тѣла Финляндцевъ, и у сѣверо-восточнаго угла редута,

гдѣ найдены такія-же груды Измайловцевъ. Но тутъ выдается и еще одна изъ самыхъ блестящихъ особенностей сраженія при Горномъ Дубнякѣ, состоявшая въ безпримѣрно внимательной и самоотверженной поддержкѣ, взаимно оказанной всѣми частями войскъ. Люди, занимавшіе ровъ и ближайшія къ редуту закрытія, по всей вѣроятности, рѣшились на послѣднюю, отчаянную попытку лишь тогда, когда раздавшееся позади ихъ громовое ура! возвѣстило, что предпринимаемый штурмъ будетъ немедленно поддержанъ общимъ натискомъ нашихъ войскъ; съ другой-же стороны, не менѣе вѣроятно, что самый успѣхъ этого натиска болѣе всего обезпечился рукопашнымъ боемъ, внутри редута и безумною паникой, наведенною имъ на Турокъ.

И такъ, если самымъ рѣшающимъ подвигомъ стройныхъ массъ, предводимыхъ безстрашными и искусными начальниками, оказывается подъ Горнымъ Дубнякомъ завладѣніе Малымъ редутомъ; если эти самыя массы, но уже съ одновременнымъ участіемъ всѣхъ войскъ, облагавшихъ Большой редутъ, своимъ дружнымъ натискомъ дали передовымъ смѣльчакамъ сигналъ къ окончательному штурму,— то главная честь и слава подвига все-таки принадлежитъ этимъ передовымъ смѣльчакамъ, простымъ рядовымъ, унтеръ-офицерамъ и офицерамъ,—а эти смѣльчаки, какъ уже не разъ было сказано, принадлежали ко всѣмъ частямъ войскъ, участвовавшимъ въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Артиллерія наша тоже блестящимъ образомъ исполнила долгъ службы. Перебивъ всю прислугу непріятельскихъ орудій, она заставила ихъ молчать и на всѣхъ ихъ оставила слѣды нашихъ снарядовъ; большая часть убитыхъ Турокъ оказалась пораженною нашими артиллерійскими снарядами; наконецъ, своими мѣткими выстрѣлами, наши батареи зажгли внутри редута пожаръ, отвлекшій турокъ отъ бруствера и послужившій сигналомъ единодушному, неудержимому натиску. Что же касается пораженія нѣкоторыхъ штурмовавшихъ Большой ре-

дуть частей выстрѣлами нашей же артиллеріи, то, при незначительности поверхности редута, это несчастіе было неизбежно, по мѣрѣ того, какъ стягивалось кругомъ Большаго редута желѣзное кольцо штурмовавшихъ колоннъ...

Генеральный Штабъ съ неменьшею гордостью имѣетъ право записать Горный Дубнякъ въ свою боевую лѣтопись. Руководимые поучительнымъ примѣромъ начальника штаба отряда, генерала Нагловскаго, всѣ прочіе начальники штабовъ, равно какъ и ихъ товарищи по эксельбанту, показали себя 12 октября 1877 года достойными представителями славныхъ преданій Генеральнаго Штаба Русской арміи.

Какъ велика честь и слава, выпадающая на долю нашихъ гвардейскихъ офицеровъ, подъ Горнымъ Дубнякомъ, объ этомъ (какъ видно изъ разсказа, переданнаго намъ очевидцемъ) раненые солдаты имѣли счастіе засвидѣтельствовать лично Государю Императору, при посѣщеніи Его Величествомъ, 15 октября, въ Боготѣ, раненыхъ Гвардейцевъ, привезенныхъ изъ подъ Горнаго Дубняка и Телиша.

— „Какіе-же вы молодцы!“ произнесъ Государь съ особеннымъ чувствомъ, обратившись къ раненымъ нижнимъ чинамъ.

— „Какъ намъ не быть молодцами съ такими господами офицерами, какъ наши“, отвѣтилъ Государю одинъ изъ раненыхъ.

— „Эти слова должны быть Вамъ очень пріятны“ изволилъ сказать Государь, милостиво обратившись къ раненымъ офицерамъ, окружавшимъ Его Величество...

Исторія должна занести эти слова въ свои скрижали какъ лучшее доказательство тѣхъ отношеній между офицерами и нижними чинами, коими сплочивается православное воинство Русскаго Царя въ одно несокрушимое цѣлое...

IV.

Бой при Телишѣ.—Истинное значеніе такъ называемыхъ „противорѣчій“ между диспозиціей и предначертаніями начальника отряда.—Услуга, оказанная Лейбъ-Егерями войскамъ, штурмовавшимъ Горный Дубнякъ.—Дѣло подъ Тринуей.—„Волынская гора“.

Занятіе Софійской дороги гвардіей Русскаго Царя, въ тылу арміи Османа-паши, ознаменовалось не однимъ штурмомъ турецкихъ укрѣпленій при селеніи Горный Дубнякъ. Если эти укрѣпленія сосредоточили къ себѣ главныя усилія отборнаго русскаго войска, ввѣреннаго генераль-адъютанту Гурко, то не только на лѣвомъ берегу Вида успѣхъ атаки 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Л.-Гв. Стрѣлковой бригады и Л.-Гв. Сапернаго баталіона долженъ былъ облегчиться одновременными съ нею дѣйствіями другихъ частей гвардіи съ многочисленною кавалеріей противъ Дольняго Дубняка и Телиша и наблюденіемъ за долиною Искера, но и на правомъ берегу Вида должны были производиться наступательныя движенія, въ которыхъ видная роль также была предоставлена Царской гвардіи.

Что касается Дольняго Дубняка, то, какъ извѣстно изъ диспозиціи, противъ него, кромѣ трехъ полковъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ 32-мя орудіями, 2-мя эскадронами Конвоя и 1-ю Донскою сотнею, были сосредоточены дѣйствія отрядовъ генераль-маіоровъ Чернозубова, Арнольди и полковника барона Корфа, всего съ 7-ю баталіонами пѣхоты, 31-мъ эскадрономъ и 19-ю сотнями кавалеріи, при 46-ти орудіяхъ; въ резервъ у нихъ была оставлена 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ 8-ю эскадронами и 12-ю конными орудіями. Войска эти, направляясь концентрически

съ сѣвера—отъ Трестеника, и съ юга — отъ Чирикова и Медована, образовали непрерывное желѣзное кольцо кругомъ Дольняго Дубняка. До сосредоточенія этихъ силъ, турки сдѣлали попытку выслать одинъ таборъ изъ Дольняго Дубняка; читателю уже извѣстно какъ блистательно была отражена эта попытка стремительнымъ натискомъ Л.-Гв. 2-го Стрѣлковаго баталіона. На пути своемъ, колонна генерала Арнольди должна была выставить на позицію противъ Дольняго Дубняка одну русскую и одну румынскую конныя батареи, завязавшія съ непріятелемъ сильную канонаду; 4-й драгунскій Екатеринославскій полкъ, въ пѣшемъ строю, выбилъ непріятельскихъ стрѣлковъ; Харьковскій уланскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Эртеля, имѣлъ жаркую стычку съ турецкою пѣхотой. До самаго вечера всѣ войска, облагавшія Дольній Дубнякъ, вели неумолкаемую перестрѣлку.

Самое рѣшительное и кровопролитное изъ всѣхъ этихъ вспомогательныхъ военныхъ дѣйствій выпало на долю Л.-Гв. Егерскаго полка, при содѣйствіи Л.-Гв. Гусарскаго Его Величества и Л.-Гв. Драгунскаго полковъ, противъ Телиша. По мнѣнію многихъ, этотъ кровопролитный исходъ диверсіи, противъ Телиша направленной, вовсе не соотвѣтствовалъ основнымъ предназначеніямъ общаго плана атаки Софійской дороги и былъ результатомъ недоразумѣнія, созданнаго будто бы противорѣчіемъ диспозиціи этимъ предназначеніямъ. Въ происходившемъ вечеромъ 10-го октября совѣщаніи, какъ уже извѣстно читателямъ, генераль Гурко высказалъ какъ нельзя болѣе ясно и опредѣлительно, что Дольній Дубнякъ и Телишъ „слѣдуетъ *держатъ въ желѣзныхъ объятіяхъ*“, т. е. не допускать ихъ гарнизоновъ до оказанія какой-либо помощи атакованному гарнизону Горнаго Дубняка; въ этомъ же смыслѣ генераль Гурко выразился и въ офиціальномъ донесеніи, объясняя, что какъ противъ Дольняго Дубняка, такъ и противъ Телиша выставляются отдѣльные отряды единственно „для заслона“ отъ нихъ отряда, атаковавшаго Горный Дубнякъ. Между тѣмъ, въ диспозиціи было

полною буквой предписано отряду флигель-адъютанта, полковника Челищева — „атаковать Телишъ“.

И вотъ, на основаніи этого мнимаго „противорѣчія“ между диспозиціей и предначертаніями начальника отряда, не только за границей, но и у насъ, общественное мнѣніе возлагаетъ всю отвѣтственность за Телишское кровопролитіе на диспозицію, т. е. на штабъ генерала Гурко, будто бы не передавшій въ точности виды и цѣли начальника войскъ гвардіи и всей кавалеріи Западнаго отряда.

Но, какъ гласить Евангеліе: „нѣтъ ничего тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ“. Все дѣло тутъ, дѣйствительно, въ „недоразумѣніи“, но не со стороны авторовъ диспозиціи на 12-ое октября или отряда полковника Челищева, а со стороны общественнаго мнѣнія, высказавшаго строгій приговоръ по предмету, для обсужденія котораго у него неоставало научной подготовки. Другими словами: въ этомъ приговорѣ высказывается не что иное, какъ совершенное незнаніе основныхъ законовъ военной науки.

Пресловутое „противорѣчіе“, служащее основаніемъ этому приговору — совершенно призрачно. Военная наука признаетъ за аксіому, что для успѣха демонстраціи, когда она должна сопровождаться ложною атакой, необходимо, „чтобы она была ведена настолько же рѣшительно и энергично, какъ и главная атака“, и чтобы ни войска, ни даже ихъ начальники „не знали, что атака, имъ порученная, есть атака ложная“ *). И эта аксіома не есть изобрѣтеніе однихъ

---

*) Вотъ что пишутъ объ этомъ наши авторитетные военные писатели: „Ложныя атаки, демонстраціи, имѣютъ ближайшею цѣлію отвлечь вниманіе непріятеля отъ пункта главной атаки и заставить его дать фальшивое направленіе своимъ резервамъ. Для успѣха ложной атаки необходимо, *чтобы она была ведена настолько же рѣшительно, какъ и главная атака*, иначе непріятеля нельзя вовлечь въ обманъ, и вѣрнѣйшимъ средствомъ въ этомъ отношеніи служить то, *чтобы ни войска, ни ихъ начальники не знали, что атака, имъ порученная, есть ложная атака*. Всѣ эти условія получили самое широкое примѣненіе въ ложной атакѣ, веденной въ Бауценскомъ сраженіи французами. Какъ примѣры ложныхъ атакъ, поучительные въ отрицательномъ смыслѣ, служатъ Дрезденское и Инкер-

теоретиковъ военнаго дѣла. Она установилась въ цѣлой Европѣ со временъ Наполеона I-го; она создана имъ самимъ на основаніи геніальныхъ выводовъ, имъ извлеченныхъ изъ самой обширной военной практики, которую когда либо имѣлъ полководецъ. Эта аксіома, усвоенная съ тѣхъ поръ военными писателями цѣлаго міра, составляетъ нынѣ азбуку военнаго дѣла. Именно для того, чтобы не провиниться противъ этой азбуки, предписаніе „атаковать“ было дано диспозиціями на 12-ое октября не только отряду для дѣйствій противъ Телиша, но и другому гвардейскому отряду, на правомъ берегу Вида, для дѣйствій противъ Трнина, и послѣдствіями этого предписанія были, по всей вѣроятности, предотвращены самыя грозныя усложненія для отряда, атакующаго Горный Дубнякъ. Особенно же опаснымъ могло оказаться для этого отряда упоминаніе въ диспозиціи, что атака, предписанная противъ Телиша, должна быть ложная. Дѣйствительно, такъ какъ самыя грозныя силы, ожидаемыя на выручку гарнизона Горнаго Дубняка, могли выступить только изъ Плевны, то генераль Гурко долженъ былъ сосредоточить противъ Дольняго Дубняка главные изъ остававшихся у него въ распоряженіи, за назначенными для штурма Горнаго Дубняка, силы своего отряда. Для этой цѣли едва казалось достаточно назначенныхъ диспозиціей, для дѣйствія противъ Дольняго Дубняка, трехъ полковъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и всѣхъ численнѣйшихъ, въ началѣ этой главы, разныхъ другихъ русскихъ и румынскихъ войскъ; для дѣйствій же противъ Телиша въ распоряженіи генерала Гурко оставался, слѣдо-

---

манское сраженія“ (*Записки Тактики*, полковника Лера).—„Конечно, эта подготовительная (ложная) атака должна быть ведена достаточными силами и съ такою же рѣшительностью, какъ и главная: иначе непріятель догадается, что это только демонстрація. Для того, чтобы атака была ведена рѣшительно, начальнику, на котораго она возложена, не должно быть извѣстно, что это демонстрація“. (*Учебникъ Тактики*. Составилъ М. Драгомировъ).—Въ этомъ же смыслѣ, со временъ Наполеона, высказываются о ложной атакѣ всѣ французскіе и прусскіе военные писатели.

вательно, только одинъ Л.-Гв. Егерскій полкъ. Но одному полку нечего было и думать объ обложеніи Телиша съ тѣмъ, чтобы не выпустить изъ него ни одного баталіона на помощь гарнизону Горнаго Дубняка, а между тѣмъ вся мѣстность кругомъ Телиша въ высшей степени способствовала незамѣтному, для отряда полковника Челищева, движенію нѣсколькихъ турецкихъ баталіоновъ изъ Телиша къ Горному Дубняку. Такимъ образомъ полковнику Челищеву, для исполненія возложеннаго на него порученія, не оставалось ничего инаго, какъ *атаковать* Телишъ настолько рѣшительно и энергично, чтобы не дать непріятелю ни времени, ни возможности предпринять что либо для выручки Горнаго Дубняка. Другими словами: командовавшему въ Телишѣ пашѣ слѣдовало внушить убѣжденіе, что ему грозитъ не меньшая опасность, чѣмъ его начальнику въ Горномъ Дубнякѣ; единственное же средство *на-вѣрное* обезпечить успѣхъ такой атаки состояло въ томъ, чтобы не подать нашему отряду предъ Телишемъ никакого повода полагать, что предпринятая атака должна быть только ложною.

Къ чему же сводятся обвиненія, взведенныя по поводу этой атаки? Всякому случалось слышать вопросъ: „какъ можно было атаковать Телишъ съ такими ничтожными силами, какъ одинъ полкъ?“ — Отвѣтъ очень простъ: другихъ свободныхъ силъ не было; съ остававшимися же для дѣйствій противъ Телиша силами его слѣдовало атаковать именно потому, *что эти силы были незначительны*: если бы ихъ было больше, тогда, *вмѣсто атаки Телиша*, можно было бы ограничиться его обложеніемъ!

Что сталося бы, однако, если бы гарнизонъ Телиша имѣлъ во главѣ своей предприимчиваго и даровитаго пашу, замѣтившаго, что противъ него направлена атака ложная, имѣющая цѣлью лишь отвлеченіе его вниманія отъ Горнаго Дубняка? — Онъ могъ бы, незамѣтно для полковника Челищева, отрядить нѣсколько баталіоновъ въ тылъ лѣвому крылу на-

шего отряда, атаковавшего Горный Дубнякъ. Тогда на этомъ крылѣ находился Л.-Гв. Финляндскій полкъ, уже лишившійся и своего полковаго, и многихъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, и нѣсколькихъ сотъ нижнихъ чиновъ, вызвавшій въ боевую линію свои послѣдніе резервы и оставившій — также, какъ и Л.-Гв. Павловскій полкъ, — безъ прикрытія даже артиллерію лѣвой колонны. Правда, для прикрытія лѣваго фланга и тыла этой колонны была оставлена, между ею и Телишемъ, 1-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Но эта бригада уже отрядила свою конную батарею для поддержанія огня батарей лѣвой колонны; могли ли составлявшіе ее 8 эскадроновъ, безъ артиллеріи, преградить путь наступающимъ пяти или шести турецкимъ баталіонамъ съ артиллеріей? Эта пѣхота могла наступать отъ Телиша и не по шосе, а въ нѣкоторомъ отдаленіи по мѣстности настолько лѣсистой, что на ней наша кавалерія была бы обречена на совершенное бездѣйствіе. Словомъ: не смотря на присутствіе нашихъ 8-ми эскадроновъ, атака турокъ со стороны Телиша была положительно возможна. Между тѣмъ, при томъ положеніи, въ какомъ находились войска нашей лѣвой колонны со второй половины боя предъ Горнымъ Дубнякомъ, нечаянная на нихъ атака съ тыла могла имѣть для нихъ бѣдственныя послѣдствія. Конечно, ничего этого нельзя было бы опасаться, если бы генералу Гурко была извѣстна личность паши, командовавшего въ Телишѣ; но у насъ не знали даже имени этого паши; о числѣ же войскъ, находившихся подъ его командой, имѣлись самыя смутныя и разнорѣчивыя свѣдѣнія.

И такъ, ни на совѣщаніи 10-го октября, ни при свиданіи 11-го числа, генераль-адъютантъ Гурко не предупредилъ и *былъ обязанъ не предупреждать* флигель-адъютанта полковника Челищева, что атака, которая будетъ предписана ему диспозиціей на 12-ое октября, будетъ ложною атакой. Послѣдствія такого непредупрежденія вышли самыя благопріятныя.

Гвардейскіе егеря атаковали Телишъ съ такою энергіей, что паша, командовавшій его гарнизономъ, не только не подумалъ о поданіи помощи гарнизону Горнаго Дубняка, но счелъ за счастіе, что самъ отдѣлался благополучно отъ этой атаки, съ ужасомъ ожидая ея возобновленія и не смѣя помышлять ни о выручкѣ Горнаго Дубняка, ни о серьезномъ преслѣдованіи грозной атаки, имъ отраженной. Конечно, атака эта стоила намъ дорого, но достигнутые ею результаты были вполне блистательны, и съ этой точки зрѣнія сраженіе предъ Телишемъ оказывается достойнымъ дополненіемъ безсмертнаго подвига гвардіи Русскаго Царя предъ Горнымъ Дубнякомъ.

Подробности этой первой атаки Телиша состояли въ слѣдующемъ:

Мѣстность кругомъ Телиша состоитъ изъ очень отлогихъ холмовъ, поросшихъ, вплоть до самыхъ укрѣпленій, высокою, густою, засохшею кукурузой; кончалась кукуруза — начинался густой кустарникъ. По свидѣтельству очевидцевъ, даже за версту невозможно было разглядѣть не только передовыхъ ложементовъ, но и главнаго укрѣпленія въ Телишѣ. Южнѣе его, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, простирались большіе лѣса, по направленію къ Дубняку; шоссе тянется версты на двѣ по совершенно открытому мѣсту. Укрѣпленія состояли изъ двухъ группъ, изъ коихъ первая, отдѣленная отъ другой группы глубокимъ оврагомъ, представляла укрѣпленный лагерь, въ $\frac{3}{4}$ версты къ сѣверо-западу отъ с. Телишъ. Во вторую группу входили укрѣпленія на крутомъ, восточномъ краю оврага, у самаго селенія. Командовавшая всѣми укрѣпленіями сѣверная часть ихъ служила какъ бы редюитомъ остальнымъ. Впереди юго-восточнаго фаса тянулся рядъ ложементовъ, отлично фланкируемый орудіемъ въ исходящемъ углу редута. Кромѣ того, были еще два полукруглые ложементы, также доставлявшіе фланговую оборону главному ложементу.

Отличительныя черты Телишскихъ укрѣпленій: 1) благодаря отсутствію сильныхъ покатостей, окружающая мѣстность

не представляла мертвыхъ пространствъ, въ которыхъ наступающій могъ бы укрыться отъ огня; 2) всѣ части ихъ имѣли фланговую оборону, которой недоставало въ Горномъ Дубнякѣ; 3) при лучшемъ, чѣмъ въ Горномъ Дубнякѣ расчетѣ линій огня, передовые окопы Телиша до такой степени обстрѣливались его главнымъ укрѣпленіемъ, что, по занятіи ихъ, наступающему не представлялось возможности найти за ними закрытіе.

Выступивъ съ лѣваго берега Вида, колонна полковника Челищева потянулась по Свинарской балкѣ, имѣя впереди свою блестящую кавалерію съ Л.-Гв. 5-ю конною батареей. Между артиллеристами шелъ разговоръ о турецкой артиллеріи, о свистѣ ея гранатъ и проч.

— „Ни за что не поклонюсь, вѣрное слово не поклонюсь“, говорилъ наводчикъ.

— „Смотри не ручайся“, возразилъ офицеръ, „старики говорятъ, что первой гранатѣ рѣдко кто не поклонится“.

— „Кому угодно поклонюсь, а до такой пасквили себя не доведу, чтобы туркѣ поклониться“.

Пройдя версты двѣ по балкѣ, войска остановились верстахъ въ пяти до Телишскихъ укрѣпленій, чтобы дать стянуться колоннѣ и выждать часъ, назначенный для атаки.

Послѣ кратковременнаго привала, колонна двинулась впередъ. Л.-Гв. Драгунскій полкъ, съ двумя конными орудіями капитана Мартынова, выдвинулся влѣво на холмъ противъ селенія Ракита, для прикрытія лѣваго фланга и съ тыла колонны отъ врага, который могъ наступать съ юга, по шоссе, на помощь Телишу. *) Л.-Гв. Гусарскій полкъ и четыре

---

*) Считаемо не лишнимъ привести прекрасно характеризующій Лейбъ-Гвардіи Драгунскихъ офицеровъ эпизодъ, относящійся ко времени ихъ пребыванія въ районѣ безсмертныхъ событій 12-го октября 1877 года. Послѣ взятія Горнаго Дубняка и боя у Телиша, 2-й эскадронъ Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка, занимая позицію на Софійскомъ шоссе, къ югу отъ Телиша, прибылъ въ разоренную турками болгарскую деревню Ракиту. Штабсъ-капитанъ Свищевскій съ товарищами, прежде всего, бросился въ церковь и удостовѣрился въ звѣрскомъ поруганіи православной святыни:

орудія Л.-Гв. 5-й конной батареи, флигель-адъютанта полковника Безака, направились прямо на шоссе, чтобы дать возможность начальнику отряда, полковнику Челищеву, съ его начальникомъ штаба подполковникомъ барономъ Криднеромъ, осмотрѣть мѣстность и выбрать пунктъ, на который будетъ направлена атака. Лихая конница понеслась размашистою рысью; выѣхавъ на кукурузное поле, она была встрѣчена первыми пулями. Головной лейбъ-эскадронъ гусаръ рассыпался и въ карьеръ вынесся впередъ, но тутъ же скрылись красные доломаны и сѣрые аргамаки въ непроницаемой тучѣ бѣлаго дыма, летѣвшей имъ на встрѣчу съ оглушительнымъ трескомъ... Чрезъ нѣсколько минутъ, гусары принуждены были вернуться: они наткнулись на турецкій ложементъ, совершенно скрытый за кукурузой. Турки подпустили гусаръ на самую близкую дистанцію и дали залпъ. Повалилось нѣсколько гусаръ и лошадей. Эскадронъ долженъ былъ отойти... За нимъ стали выбираться изъ-за окоповъ и турецкіе стрѣлки; гусарамъ, оставшимся подъ убитыми лошадьми, грозила мученицкая смерть. Но лихіе поручики Снѣжковъ и Крупенскій, подъ сильнѣйшимъ огнемъ, взяли своихъ солдатъ на крупы лошадей и вывезли ихъ изъ огня...

Замѣтивъ движеніе гусаръ, 4 орудія Л.-Гв. 5-й конной батареи открыли огонь *).

иконы были изрублены, у многихъ образовъ выколоты глаза, священныя книги изорваны, церковная утварь похищена. Среди этихъ остатковъ оскверненнаго врагомъ храма, русскіе воины наткнулись на лежавшее среди грязи, на полу, изображеніе Спасителя, оказавшееся изорванною плащаницею! Штабсъ-капитанъ Свищевскій сберегъ эту святыню, во всю компанію не разставался съ нею, а по пріѣздѣ въ Петербургъ сдалъ старостѣ Исаакіевского Каѳедрального Собора. Усердіемъ одной жертвовательницы, извѣстной своимъ христіанскимъ настроеніемъ на добрыя дѣла, плащаница эта обновлена съ изяществомъ, но безъ нарушенія мѣстнаго характера живописи. 17-го марта 1879 года, съ благословенія его высокопреосвященства митрополита Исидора, плащаница эта была освящена соборне въ Исаакіевскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, и въ тотъ же день отправлена по принадлежности въ церковь сел. Ракиты.

*) Первому взводу ея, по свидѣтельству его командира (см. *Сборникъ Военныхъ Разказовъ* т. III), принадлежала 12-го октября честь перваго выстрѣла всей гвардейской артиллеріи въ походѣ 1877 года.

Для атаки былъ избранъ исходящій уголъ между восточнымъ и южнымъ фасадами главнаго укрѣпленія. По словамъ подпоручика Крейтера, баронъ Криденеръ настаивалъ на необходимости начать атаку немедленно, дабы воспользоваться неожиданностью, но полковникъ Челищевъ, имѣя въ виду, что послѣ рекогносцировки гусаръ уже не могло быть рѣчи о „неожиданности“, предпочелъ подготовить атаку артиллерійскимъ огнемъ.

Вслѣдствіе этого, баронъ Криденеръ поставилъ 3-ю батарею Л.-Гв. 1-й артиллерійской бригады на позицію, менѣе, чѣмъ въ 400-хъ саженьяхъ отъ непріятеля. Но съ этой позиціи не было видно непріятеля. На спросъ командира батареи, полковника Кокорева— „по какой цѣли должна стрѣлять батарея“, баронъ Криденеръ отвѣчалъ: „стрѣляйте на дымъ“. Едва батарея успѣла сдѣлать *по одной очереди*, какъ, лишившись 17-ти нумеровъ и 15-ти лошадей, она принуждена была взять на задки и отойти, пока представлялась къ тому возможность. Движеніе батареи, при значительной убыли людей и лошадей, потребовало не мало времени. До расположенія батареи на новой позиціи въ 800-хъ саженьяхъ отъ укрѣпленій наступленіе егерей не могло быть поддержано огнемъ артиллеріи. Въ это время дѣйствовали по ложементамъ, фланговымъ огнемъ, однѣ четыре орудія Л.-Гв. 5-й конной батареи.

Между тѣмъ Лейбъ-Егеря вышли изъ балки на поле, и, построившись въ боевой порядокъ, стали наступать, имѣя въ первой линіи 3-й и 4-й баталіоны, сначала въ ротныхъ колоннахъ, за тѣмъ густою цѣпью, съ развернутыми резервами. На дистанціи 2000 шаговъ они были встрѣчены градомъ пуль. Тогда наступленіе продолжалось перебѣжками. Роты скрылись въ высокой кукурузѣ. Общее управленіе ими затруднилось. Стрѣлять они тоже не могли, не видя не только турокъ, но даже и ихъ укрѣпленій. 4-й баталіонъ могъ открыть огонь лишь въ 300-хъ шагахъ.

Вотъ какъ описываетъ этотъ интересный моментъ боя одинъ изъ участниковъ:

Въ началѣ девятого часа прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что большая колонна турокъ стоитъ вправо отъ отряда, за укрѣпленіемъ. Немедленно одному баталіону Л.-Гв. Егерскаго полка было приказано выступить противъ непріятеля. Выбравшись изъ оврага, баталіонъ полковника Савицкаго (нынѣ командиръ 11-го Гренадерскаго Фанагорійскаго полка) перестроился въ ротныя колонны: 2-я и 3-я рота впереди, 1-я и 4-я во второй линіи. Мѣстность слегка склонялась къ сторонѣ непріятеля и была засѣяна кукурузою, которая мѣшала высмотрѣть и опредѣлить форму непріятельскаго укрѣпленія. Какъ только баталіонъ двинулся впередъ, онъ сразу очутился въ огнѣ. Тотчасъ же была разсыпана цѣпь и роты были остановлены, чтобъ дать возможность артиллеріи приготовить атаку. Роты боеваго порядка обѣихъ линій были открыты страшному огню турокъ. Тотчасъ же былъ раненъ, однимъ изъ первыхъ, подпоручикъ Крейтеръ, въ лѣвую руку, выше локтя, на вылетъ; за нимъ, во второй линіи—командиръ 4-й роты, капитанъ Базилевскій 3-й въ ногу, и въ 1-й ротѣ подпоручикъ Шильдбахъ въ руку.

Когда Шильдбахъ былъ раненъ, къ нему бросились перевязывать, но не успѣли разорвать рукавъ мундира, какъ онъ получилъ вторую рану — въ ногу; спустя минуту— третью, въ животъ, осколкомъ гранаты. Шильдбахъ успѣлъ только сказать: „Ну, копайте мнѣ яму“ и впалъ въ безчувственное состояніе. И что же? Сверхъ этихъ трехъ ранъ, онъ получилъ еще четвертую, въ голову, и эта четвертая покончила юную жизнь отличнаго офицера!.. Тотъ, кто перевязывалъ раны Шильдбаха, былъ самъ раненъ, а полковникъ Столица, присутствовавшій при перевязкѣ, раненъ пулею въ правый глазъ...

Изъ числа нижнихъ чиновъ первымъ раненымъ былъ унтеръ-офицеръ 15-й роты Пугачевъ, пулей въ руку. Онъ остался въ

строю, ободряя и забавляя товарищей своими шутками. Не оставил онъ мѣста и послѣ второй раны, но вскорѣ затѣмъ получилъ третью, очень опасную. Въ 16-й ротѣ одна пуля поразила разомъ рядовыхъ Карпова и Сидорова: Карповъ шелъ впереди, ему пуля пробила носъ; въ затылокъ за нимъ шелъ Сидоровъ—та же пуля ударила его въ плечо. Карповъ упалъ съ крикомъ: „Ахъ Господи!“—и вся рота, словно по командѣ, сняла шапки и перекрестилась, продолжая движеніе быстро, стройно и твердо, хотя и въ мертвомъ молчаніи...

— „Разомкнись ребята!“ скомандовалъ командиръ 16-й роты, капитанъ Базилевскій 3-й, идя въ 15 шагахъ впереди роты, „пуля виноватаго найдетъ! Если кому суждено, тотъ и дома, на печкѣ, умеръ бы сегодня!“

Но вотъ — и самъ Базилевскій 3-й падаетъ тяжело раненый. „Куда ты раненъ?“ спрашиваетъ подбѣжавшій къ нему подпоручикъ его роты Лундъ.— „Не твое дѣло“, отвѣчалъ раненый, „веди роту впередъ и держись лѣвѣе! Смѣлѣй ребята, впередъ!“ обратился онъ къ солдатамъ...

Мѣстность, на которой стояли егеря, была, по ихъ словамъ, „скверная“: изъ-за кукурузы ничего не было видно, между тѣмъ турки видѣли ихъ какъ на блюдѣ, и могли пронизывать свинцомъ сколько угодно. Оставаться въ такомъ положеніи было невозможно и полковникъ Савицкій рѣшился пойти въ штыки, на „ура“, въ турецкій ложементъ. Цѣпь 3-й роты, съ капитаномъ Подвальнюкомъ во главѣ, бросилась на ложементъ; въ догонку за нею пристроился подпоручикъ Тигерштедтъ со взводомъ 4-й роты и они одновременно выбили турокъ изъ ложемента съ лѣваго фланга; 2-я же рота поддержала атаку на правомъ флангѣ. Ложементъ былъ взятъ, а турки прогнаны въ люнетъ.

Вмѣстѣ съ этимъ должно было прекратиться дѣйствіе нашей конной артиллеріи, изъ опасенія поражать своихъ.

Первыми ворвались въ ложементы: капитаны Подвальнюкъ и Ольдерогге и подпоручикъ Тигерштедтъ. Капитанъ Короб-

ка 1-й взобрался въ ложементъ даже не замѣтивъ, что онъ раненъ въ бедро.

Для поддержанія этой атаки была выдвинута изъ резерва въ первую линію всего одна рота 1-го баталіона. Ее повелъ командиръ баталіона, полковникъ Мебесъ, со своимъ адъютантомъ, подпоручикомъ Смиттомъ. Предъ серединой цѣпи, первый былъ убитъ на повалъ, а второй смертельно раненъ.

Крайнее утомленіе людей, имѣвшихъ на себѣ на одиннадцать дней провіанта и значительный запасъ патроновъ, при невыносимой жарѣ, сдѣлало невозможнымъ немедленное продолженіе атаки. Пришлось ограничиться сильнѣйшимъ огнемъ по бѣгущему непріятелю. За дѣйствительность этого огня ручались груды убитыхъ враговъ.

Между тѣмъ, вторая линія, подвигаясь на установленной дистанціи, тоже стала подвергаться смертоносному огню. Въ числѣ раненыхъ оказался поручикъ Кинарѣвъ; его сдали ефрейтору Бѣлозерскому для отвода на перевязочное мѣсто. Бѣлозерскій вернулся къ ротѣ предъ общимъ отступленіемъ. Не обращая вниманія на „пульный дождь“, Бѣлозерскій, взявъ на плечо и вытянувшись въ струнку, словно въ Петербургѣ, во внутреннемъ караулѣ, хладнокровно отрапортовалъ начальнику о благополучномъ исполненіи возложеннаго на него порученія...

Не видя въ кукурузѣ ни первой линіи, ни укрѣпленій, роты второй линіи сбились съ пути и попали подъ фланговый огонь непріятеля. Направляясь по 7-й ротѣ и опасаясь потерять ее изъ виду, командиръ 8-й роты, штабсъ-капитанъ Перепелицынъ 1-й, не обратилъ вниманія на дистанцію, предписанную уставомъ. Замѣтивъ упущеніе, полковникъ Челищевъ, находившійся на конѣ въ ста шагахъ правѣе 8-й роты, приказалъ солдатамъ остановиться и возстановить дистанцію.

Такимъ образомъ, вскорѣ по занятіи ложементовъ, роты обѣихъ линій Лейбъ-Егерей оказались въ огнѣ, стараясь прикрыться отъ него за ложементами, въ канавахъ и въ оврагахъ.

Знамена баталіоновъ 1-й линіи были отправлены во 2-ю. Нигдѣ не было надежнаго закрытія, при всемъ томъ, штабсъ-капитаны Подвальнюкъ и Поппе, осыпаемые пулями, обходили роты и повѣряли прицѣлы. Въ 11-й ротѣ все время отличался хладнокровіемъ и безстрашіемъ молодой солдатъ Забенкинъ. „Ваше высокоблагородіе“ — лежа за ложементомъ сказалъ онъ своему ротному, капитану Коробкѣ 1-му, — „рядомъ съ вами лежитъ мой убитый дядька Березинъ; у него въ сухарномъ мѣшкѣ есть патроны; потрудитесь передать ихъ мнѣ“.

Нѣкоторые ложементы обстрѣливались продольно изъ главнаго укрѣпленія; въ другихъ же, съ фронта, были поражаемы по большей части одни смѣльчаки, поднимавшіеся на ноги или на колѣни, чтобы лучше прицѣлиться. Изъ-за своихъ бойницъ турецкіе стрѣлки били на выборъ нашихъ храбровъ...

Между тѣмъ, люди перевели духъ и собрались съ новыми силами. Надо же было покончить съ турками! При томительномъ лежаніи съ безпрестанными новыми потерями напрасно терялись и люди, и время, и патроны. Объ отступленіи никто и не думалъ — объ этомъ свидѣлствуютъ рукописи подпоручика Крейтера и лично опрошенные нами очевидцы. И вотъ — какъ первая, такъ и вторая линія, по примѣру командировъ 15-й роты штабсъ-капитана Подвальнюка и 2-й роты, поручика Перепелицына 2-го, рванулись на штурмъ главнаго укрѣпленія...

„Что произошло въ эту минуту“, пишетъ подпоручикъ Крейтеръ, „это недоступно описанію; ясное представленіе о томъ могутъ имѣть одни участники этого дѣла! Это былъ самый ужасный моментъ боя: напряженіе непріятельскаго огня достигло высшей степени; пули, какъ градъ, осыпали со всѣхъ сторонъ наступающихъ егерей; въ отвѣтъ на раздирающіе звуки стрѣльбы неслось могучее русское ура! — а на встрѣчу егерямъ вихремъ неслась всеистребляющая свинцовая туча. Страшно увеличивались потери, быстро рѣдѣли

ряды, а разстояніе отъ ложементовъ до укрѣпленія было еще такъ велико, что истомленные люди, выбившись изъ силъ, залегли, не добѣжавъ до рва всего шаговъ на 50! Въ это время были убиты: капитанъ Базилевскій 2-й, подпоручикъ Романовъ, поручикъ Каширениновъ и прапорщикъ Гресбекъ. Поручикъ Перепелицынъ 2-й, опередившій всѣхъ остальныхъ, былъ пораженъ девятю пулями, изъ которыхъ пять были безусловно смертельны. Онъ былъ убитъ въ пяти шагахъ отъ главнаго рва!

„Лежа подъ самымъ укрѣпленіемъ, роты, не смотря на страшныя потери, продолжали отстрѣливаться. Въ это время наша артиллерія открыла огонь шрапнелью. Роты были такъ близко отъ непріятеля, что имъ ясно было видно дѣйствіе нашей артиллеріи: послѣ cadaго удачнаго выстрѣла мгновенно замолкала непрерывная трескотня непріятельскаго огня. Не обошлось, конечно, и безъ нѣкоторыхъ несчастныхъ случаевъ. Иногда гранаты, разрываясь надъ нашей цѣпью, поражали своихъ. Что оставалось дѣлать?—Мысль объ отступленіи никому не приходила въ голову! Приходилось лежать, выжидая удобнаго случая для возобновленія атаки, лежать и умирать спокойно, съ полнымъ хладнокровіемъ и самоотверженіемъ. Такое положеніе длилось нѣсколько часовъ, и ни одинъ егеръ не оставилъ строя *безъ причины*; оставляли его только тѣ, кто, будучи раненъ, отправлялся на перевязочный пунктъ либо при помощи санитаровъ, либо собственными силами; нѣкоторые падали на пути, получая новую рану, иногда болѣе тяжелую прежней, иногда и смертельную. Были люди, получившіе *по десяти и болѣе ранъ!*..“

Не взирая на неумолкаемый непріятельскій огонь, многіе офицеры, какъ штабсъ-капитанъ Подвальнюкъ, подпоручикъ Тигерштедтъ и поручикъ Мачихинъ, хотя и раненые или контуженные, бодро и весело обходили свои роты, повѣряя прицѣлы, ободряя людей и проч. У Мачихина одна пуля разбила бинокль, другая исковеркала револьверъ, третья

пробила фуражку, четвертая оторвала саблю, а многія другія буквально изрѣштили его мундиръ.... Подъ такимъ же огнемъ баталіонный адъютантъ, поручикъ баронъ Ребиндеръ, преспокойно разсѣдлалъ убитую подъ нимъ лошадь, чтобы не лишиться сѣдла. Не менѣе безстрашія оказывали и нижніе чины, ефрейторъ Поздняковъ, рядовые Анпилоговъ и Соколовъ, ободряя людей и шутками, и примѣромъ, стрѣляя *съ колѣна*, чтобы лучше прицѣлиться, хотя даже многіе изъ *лежавшихъ* были поражаемы пулями въ голову, едва приподнимали ее для лучшаго прицѣла. Ефрейторъ Никифоровъ, съ кавказскимъ крестомъ, прикрывалъ своимъ тѣломъ ротнаго командира, ложась или становясь предъ нимъ, когда онъ ложился или поднимался... Изъ рва укрѣпленія показалась голова коннаго турецкаго офицера; по приказанію командира, ефрейторъ Лагуновъ и рядовой Сорватко взяли его на мушку—офицеръ свалился съ лошади. Рядовые Рудоминъ и Евлахинъ устроили себѣ закрытіе изъ тѣла убитаго товарища, и мѣткими выстрѣлами поражали высывавшихся изъ-за бруствера Турокъ, въ отвѣтъ на это яростно сыпавшихъ пули въ тѣло покойника, служившее заслономъ. „Обидно, право, оставлять такую позицію!“ воскликнулъ Рудоминъ, когда приказано было отступать, „позвольте, ваше благородіе, поджечь имъ на прощаніе хоть эти стоги—авось деревня загорится!“ Но до стоговъ было шаговъ 200, и разрѣшенія не дали. Деревню берегли, считая ее болгарскою; оказалась же она турецкимъ выселкомъ.

Большая часть офицеровъ первой линіи была перебита; многими ротами командовали унтеръ-офицеры. Чѣмъ болѣе длилось это положеніе, тѣмъ менѣе оказывалось надежды на успѣхъ. Сообразивъ это, штабсъ-капитанъ Подвальнюкъ, „положительно возбуждавшій въ людяхъ восторгъ“ (какъ пишетъ подпоручикъ Крейтеръ), снова бросился, въ главѣ остатковъ своей роты, на штурмъ главнаго укрѣпленія, съ крикомъ ура! подхваченнымъ подпоручиками Тигерштедтомъ и Лундомъ. Вско-

чило нѣсколько егерей: большинство лежавшихъ уже было убито и ранено... Не видя поддержки, горсть храбрецовъ остановилась и прилегла шагахъ въ 20-ти отъ укрѣпленія!..

Турки пытались сдѣлать вылазку, но не имѣли никакого успѣха. Хотя вылазка была направлена на 2-ю роту, оставшуюся безъ офицеровъ, тѣмъ не менѣе врагъ былъ мгновенно отбитъ...

Между тѣмъ Л.-Гв. Драгунскій полкъ открылъ на шоссе турецкія колонны, тянувшіяся съ юго-запада къ Телишу. По нимъ открыли огонь два конныя орудія капитана Мартынова. Турки выставили противъ нихъ цѣлую батарею. Хотя взводъ нашъ и принудилъ непріятельскую батарею отступить въ лѣсъ, но, пользуясь средоточіемъ на нее огня нашихъ двухъ орудій, четыре турецкіе баталіона стали быстро подвигаться къ Телишу. Тогда остававшіеся въ бездѣйствіи 4 орудія 5-й конной батареи, по командѣ полковника Безака, перемѣнили фронтъ, и тремя залпами принудили турокъ бѣжать въ безпорядкѣ по лѣвую сторону шоссе. Отойдя на версту въ гору, турки снова собрались и продолжали движеніе къ Телишу, уже внѣ выстрѣловъ нашей артиллеріи.

Огнемъ 5-й гвардейской конной батареи была отвращена для Лейбъ-Егерей опасность атаки на нихъ съ фланга и съ тыла. Тѣмъ не менѣе, къ семибаталіонному гарнизону Телиша поспѣвало значительное подкрѣпленіе; сверхъ того, отступление турецкой батареи въ лѣсъ, по направленію къ Радомірцамъ, указывало, что съ этой стороны можно ожидать появленія новыхъ турецкихъ силъ. Къ тому же, хотя непріятельскія вылазки и были каждый разъ блистательно отбиваемы, но на овладѣніе укрѣпленіемъ уже не было никакой надежды. Въ виду всего этого, полковникъ Челищевъ приказалъ своему полку отступить, а кавалеріи и артиллеріи, по возможности, прикрывать это движеніе. При крайней затруднительности дѣйствовать на этой мѣстности въ конномъ строю, командо-

вавший 2-ю гвардейской кавалерійской бригадой и Л.-Гв. гусарскимъ полкомъ флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Мейендорфъ, спѣшилъ часть своей бригады, а вся артиллерія приготовилась встрѣтить огнемъ непріятеля, если бы онъ осмѣлился двинуться впередъ...

Послѣ молодецки выдержаннаго 4-хъ часоваго боя, Лейбъ-Егеря начали геройское отступление *).

Во главѣ колонны потянулись раненые. За ними показались четыре знамени полка, подъ прикрытіемъ музыкантовъ и человекъ 20-ти окровавленныхъ нижнихъ чиновъ. Имъ протрубили „походъ“ кавалерія и артиллерія, проникнутыя чувствомъ глубокаго уваженія къ доблестному полку, геройски исполнившему свою обязанность...

Медленно тянулась длинная вереница раненыхъ, подъ при-

---

*) Одинъ изъ участниковъ въ Телишскомъ боѣ передаетъ слѣдующія подробности: „Егеря лежали въ ложементѣ съ 9-ти часовъ утра до 2-хъ часовъ пополудни, причемъ градъ пуль не прекращался ни на минуту. Къ довершенію всего, на лѣвомъ флангѣ, вдали, показались башибузуки. Пришлось оставить ложементы. Отступление было сдѣлано въ разсыпную, чтобъ не подвергать людей огню непріятеля, и подъ личнымъ присмотромъ баталіоннаго командира полковника Савицкаго. Очень много помогъ отступленію, говорятъ, командиръ 1-й роты, капитанъ Цеттерманъ: онъ остался въ ложементѣ и открылъ по люнету залпы, чѣмъ привлекъ къ себѣ вниманіе турокъ и обратилъ на себя весь ихъ огонь, освободивъ отступавшихъ отъ свинцоваго дождя. Вскорѣ на ближайшей возвышенности собралось 160—170 человекъ. Изъ нихъ штабсъ-капитаномъ Перепелицынымъ 1-мъ была выслана цѣпь для уборки раненыхъ, причемъ было приказано встрѣтить башибузуковъ залпомъ. Но башибузуки занялись преимущественно горстью людей, бывшихъ на лѣвомъ флангѣ, подъ командою подпоручика Лунда. Угрожаемый кавалеріей и выстрѣлами въ тылъ изъ Телиша, Лундъ началъ отступать, причемъ два раза былъ окружаемъ башибузуками, но молодецки отбросилъ ихъ и съ небольшими потерями присоединился къ ротѣ, устроенной Перепелицынымъ. Вскорѣ за Лундомъ прибыли Подвальнюкъ и Тигерштедтъ, возбуждшіе общій восторгъ въ людяхъ: они были положительно оборваны непріятельскими пулями: у Подвальнюка пробита шинель на груди, лѣвый рукавъ мундира, сапогъ и слегка контужена ляшка; у Тигерштедта—три пули въ свернутой солдатской шинели, рукавъ на вылетъ черезъ рубашку съ легкою контузіей, въ колѣнѣ легкая контузія съ опухолью, легкая рана въ колѣнѣ и на плечѣ оборванъ мундиръ осколкомъ гранаты! Послѣднимъ вернулся съ ротою капитанъ Цеттерманъ, совершивъ отступление въ полномъ порядкѣ, разсыпнымъ строемъ, и потерявъ менѣе всѣхъ людей. Честь этимъ героямъ и слава“!

крытіемъ отстрѣливавшихся товарищей. Вотъ раненый егеръ ложится, едва добравшись до конной батареи. — „Куда ты раненъ?“ спрашиваетъ офицеръ. — „Во всѣ мѣста, ваше благородіе“. — „Какъ во всѣ мѣста?“ — „Такъ точно-съ, обѣ руки прострѣлены; ноги—вотъ въ этомъ мѣстѣ; за шею задѣло, да въ боку двѣ дырки“. — „Какъ же ты доберешься сюда?“ — „Еще идти возможно!“ — „Чего тутъ возможно! Санитары! Подать носилки!“ крикнулъ офицеръ. — „Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, до дохтуровъ я и такъ доберусь, а тамъ еще много такихъ раненыхъ, что не могутъ идти—тѣмъ пригодятся носилки. Однихъ офицеровъ что побито...“, продолжалъ егеръ, приподнимаясь.

Не доходя до перевязочнаго мѣста, раненый прилегъ опять—и навсегда...

Приказаніе отступить тяжело отозвалось въ сердцахъ егерей! До послѣдней минуты, у всякаго еще была надежда на счастливый поворотъ дѣла — приходилось разставаться съ этой надеждой! Движеніе началось съ праваго фланга, какъ болѣе пострадавшаго. Люди двигались замедленнымъ шагомъ, посылая врагу прощальныя пули. Ободренные турки вскочили на брустверъ и открыли яростный огонь, но однимъ залпомъ егеря принудили ихъ стремглавъ укрыться за брустверъ... Пропустивъ первую линію, вторая тоже начала двигаться, подбирая раненыхъ, остававшихся незамѣченными въ высокой кукурузѣ! Одинъ изъ тяжело раненыхъ сообщилъ товарищамъ, что онъ видѣлъ тѣло убитаго полковника Мебеса, пытался взять его съ собою, но, обезсилѣвъ отъ потери крови, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Немедленно вызвалось 12 охотниковъ отыскать тѣло полковника, руководствуясь словесными указаніями раненыхъ. Въ ожиданіи возвращенія охотниковъ, флигель-адъютантъ, капитанъ Богаевскій, „положилъ“ свою

роту и приказалъ ей окапываться. Быстро сталъ выростать изъ земли импровизованный ложементъ, изъ-за котораго егеря отстрѣливались уже съ меньшею потерей. Наконецъ вернулись и охотники. Всѣ поиски ихъ оказались напрасными. Многіе возвратились ранеными; въ числѣ послѣднихъ былъ и ефрейторъ Миньковскій. Усѣвшись на ложементъ, Миньковскій самъ перевязался, возбуждая своими прибаутками смѣхъ товарищей. Опираясь на палку отъ палатки, Миньковскій оставался въ строю, пока ротный командиръ не выслалъ его на перевязочный пунктъ, гдѣ рана его оказалась очень серіозною.

Отступавшимъ егерямъ не разъ грозили, съ лѣваго ихъ фланга, кавалерійскія атаки черкесовъ и баши-бузуковъ. Первая толпа этихъ кровожадныхъ дикарей была блистательно опрокинута Лейбъ-гусарами. Отъ остальныхъ, егеря отдѣлались нѣсколькими залпами.

Выѣхали было баши-бузуки для ограбленія убитыхъ егерей. Съ искреннимъ наслажденіемъ привѣтствовали егеря этихъ вороновъ дружнымъ и мѣткимъ залпомъ: многіе грабители заплатились жизнію за свою алчность, остальные ускакали...

Движеніе уже близилось къ концу, когда подполковникъ баронъ Криденеръ донесъ начальнику отряда, что, вслѣдствіе новой рекогносцировки, оказалось возможно, обходомъ вправо, найти мѣсто укрѣпленій, болѣе доступное атакѣ. Полковникъ Челищевъ немедленно приказалъ остановить отступленіе. Нѣкоторыя роты, уже вышедшія изъ-подъ пуль, вновь вошли въ районъ непріятельскаго огня, начиная обходное движеніе, когда письменное сообщеніе полковника барона Мейендорфа о наступленіи, по дорогѣ изъ Радомірцъ въ Софію, еще 12-ти турецкихъ баталіоновъ съ артиллеріей, окончательно побудило полковника Челищева отказаться отъ новыхъ штурмовъ.

Бой умолкъ. Великую искупительную жертву принесли герои Лейбъ-Егеря безсмертному подвигу, совершавшемуся въ то время предъ Горнымъ Дубнякомъ. Своимъ безстрашнымъ самоотверженіемъ, Л.-Гв. Егерскій полкъ избавилъ атаковавшія Горный Дубнякъ войска Императорской гвардіи, особенно же ихъ лѣвую колонну, отъ весьма серьезнаго усложненія ихъ тяжкаго положенія. Но дорого же обошлась Лейбъ-Егерямъ эта огромная заслуга! Они потеряли 26 штабъ и оберъ-офицеровъ и 906 нижнихъ чиновъ, изъ 2,400 человѣкъ, состоявшихъ утромъ въ строю!

И не смотря на эту огромную потерю, ни одному егерю до послѣдней минуты не приходила въ голову мысль идти назадъ; самое приказаніе объ отступленіи вызвало единодушныя выраженія разочарованія, досады и даже злобы, а когда ротамъ, вышедшимъ изъ-подъ пуль, было приказано вернуться въ сферу огня—этого приказанія оказалось достаточно, чтобы мгновенно изгладить всѣ тягостныя впечатлѣнія дня: всѣ повеселѣли и вновь разыгрался неистощимый солдатскій юморъ...

А все-таки—штурмъ былъ отбитъ! Это мучительное сознание глубоко потрясало душу всѣхъ участниковъ этого геройскаго боя! „Какъ эта неудача должна огорчить Государя, всю Россію, и какъ злорадствовать будутъ наши враги!“ со сжатымъ сердцемъ думали всѣ, по свидѣтельству *Дневника Конно-артиллериста*...

Одно осталось егерямъ утѣшеніе — это сознание свято исполненнаго долга, сознание, что съ ихъ стороны было сдѣлано все доступное человѣческой силѣ. Вскорѣ пошли толки, будто на успѣшный штурмъ никто и не рассчитывалъ, что назначеніе полка, 12-го октября, состояло лишь въ недопущеніи Телишскаго гарнизона идти на выручку гарнизона Горнаго Дубняка, и что съ этой точки зрѣнія егеря блистательно выполнили геройскую задачу, на нихъ возложенную.

Велико было для Лейбъ-Егерей утѣшеніе, когда 14-го октября

къ полку подѣхалъ генераль-адъютантъ Гурко и, снявъ шапку съ низкимъ поклономъ, вымолвилъ: „Спасибо вамъ, Егеря! Вы мнѣ сослужили большую службу: *если бы не ваша атака на Телишъ, я не взялъ бы Горнаго Дубняка!*“

До какой степени были мучительны сомнѣнія на счетъ исполненія своего долга, лежавшія на сердцахъ героевъ Телиша — объ этомъ лучше всего можно судить по слѣдующему разсказу, лично переданному очевидцемъ незабвеннаго посѣщенія Государемъ Императоромъ, въ Боготѣ, раненыхъ подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ.

— „Ваше Величество!“ съ глубокимъ волненіемъ обратился къ Государю раненый офицеръ Л.-Гв. Егерскаго полка.

— „Что, другъ Мой, что такое?“ спросилъ вполголоса и подходя къ нему Государь Императоръ, въ ожиданіи какой-либо просьбы, желая дать возможность просителю объясниться въ сторонѣ отъ постороннихъ.

— „Что егеря?.. Чтò, должны они были взять Телишъ? Или... или это была только...“

Государь угадалъ мысль и чувство, которыми былъ проникнутъ офицеръ, — угадалъ, какъ беспокоился раненый герой за честь своего полка...

— „Да, да!“ громко перебилъ Государь, „Егеря свое дѣло сдѣлали. Это была только демонстрація!..“

При этихъ словахъ, лицо офицера просіяло. Онъ сдѣлалъ крестное знаменіе лѣвою рукою, такъ какъ правая была подвязана. — „Слава Богу!“ проговорилъ онъ, „а то я ужасно боялся за полкъ!“

Военные авторитеты уже отдали справедливость Лейбъ-Егерямъ: ихъ подвигъ подъ Телишемъ признанъ однимъ изъ самыхъ блистательныхъ дѣлъ, столь обильнаго геройскими подвигами, безсмертнаго дня 12-го октября 1877 года!

Огненное крещеніе 12-го октября 1877 года приняли не однѣ двѣ первыя дивизіи гвардейской пѣхоты. Пока на разстояніи 16-ти верстъ, отъ Дольняго Дубняка до Телиша, сливались въ одинъ неумолкавшій перекалъ громъ канонады и трескъ перестрѣлки,—на правомъ берегу Вида, одинъ полкъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Л.-Гв. Волынскій, съ 1-мъ баталіономъ Московскаго полка, тоже праздновалъ побѣдой свою первую встрѣчу съ турками. Подъ командой генераль-маіора Бремзена, этотъ пяти-баталіонный отрядъ, изъ селенія Медованъ, на оконечности лѣваго фланга позиціи Западнаго отряда предъ Плевной, также долженъ былъ поддерживать, наступленіемъ на Трнину, занятіе Софійской дороги. Такъ какъ этому отряду предстояло глубоко врѣзаться въ расположеніе турецкихъ войскъ, на мѣстности чрезвычайно благоприятной для обороны, то ожидалось сильное сопротивленіе. Истинною цѣлю этого движенія было не овладѣніе Трниной, а диверсія для отвлеченія резервовъ турецкой арміи въ Плевнѣ отъ Софійской дороги; при всемъ томъ и этому отряду, какъ и Л.-Гв. Егерскому полку относительно Телиша, было предписано диспозиціей „атаковать“ селеніе Трнина, на правомъ берегу Вида, у впаденія въ него рѣчки Чернявки. Но мрачныя ожиданія Полеваго Штаба не оправдались. Между тѣмъ, какъ защитники Софійскаго шоссе были увѣдомлены Османомъ о предстоявшей имъ грозѣ,—лежащее на пути изъ Медована къ Трнинѣ Иртожабинское ущеліе оказалось вовсе не занятымъ турками: они такъ мало ожидали нападенія съ этой стороны, что даже устроенные ими ложементы, на горѣ, господствующей надъ Трниной, не были заняты отрядомъ, назначеннымъ для ихъ защиты. Получивъ объ этомъ точныя свѣдѣнія отъ Л.-Гв. Волынскаго полка поручика Алексина, съ нѣсколькими охотниками высмотрѣвшаго всю мѣстность въ ночь на 12-е октября, командиръ полка, генераль-маіоръ Мирковичъ, съ шести часовъ утра произвелъ порученное ему наступленіе такъ незамѣтно для врага, такъ

быстро и рѣшительно, что занялъ прежде турокъ и селеніе Трнино, и ложементы, господствующіе надъ нимъ. Порученіе, казавшееся столь опаснымъ, было выполнено съ незначительными потерями, не взирая на сильный ружейный огонь, которымъ опоздавшіе турки пытались изгнать нашихъ гвардейцевъ изъ позиціи, ими блистательно взятой.

Занятіе Трнина и господствовавшей надъ нимъ горы, было признано настолько важнымъ, что, на другой же день, Великій Князь Главнокомандующій лично прибылъ въ Трнину, дабы благодарить какъ генераловъ Бремзена и Мирковича, такъ и ввѣренныя имъ войска и, въ ознаменованіе ихъ подвига, изволилъ назвать завоеванную ими высоту—„Волынскою горой...“

V.

Геройская кончина Ею Высочества Сергія Максимиліановича герцога Лейхтенбергскаго.— Прибытіе Г о с у д а р я И м п е р а т о р а въ Боготу для посѣщенія раненыхъ гвардейцевъ.— Ближайшія послѣдствія разгрома турецкой арміи подъ Горнымъ Дубнякомъ.— Свиданіе Г о с у д а р я со своей гвардіею въ Дольнемъ Дубнякѣ. — Новый планъ дѣйствій, составленный генераломъ Гурко. — Обсужденіе этого плана Ею Величествомъ въ Порадимѣ. — Паденіе Плевны. — Отъѣздъ Г о с у д а р я изъ арміи.— Прощаніе съ войсками.

Едва занялась заря 12-го октября 1877 года, какъ и на правомъ берегу Вида тоже загремѣли всѣ батареи западнаго отряда, облагавшаго Плевну. И тамъ простая диверсія неустрашимаго генерала Скобелева на „Рыжую Гору“ превратилась въ горячую битву.

Въ Главной квартирѣ, съ животрепещущимъ нетерпѣніемъ и теплыми молитвами, ждали извѣстій объ отрядѣ генераль-адъютанта Гурко, и вотъ — вмѣсто ожидаемой радости — первымъ извѣстіемъ, принесеннымъ въ тотъ день телеграфомъ, оказалась тяжелая для всей Россіи семейная скорбь ея Царя. Прибѣжала вѣсть о геройской кончинѣ Герцога Сергія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, на-смерть пораженнаго вражескою пулей! Подъ непосредственнымъ начальствомъ Старшаго Сына Царя Русскаго, пролилась за святое дѣло и Царская кровь!...

Благодаря предусмотрительности, съ какою было устроено постоянное движеніе извѣстій отъ поля сраженія до Штаба Западнаго отряда—въ Горномъ Студнѣ слѣдили шагъ за шагомъ за ходомъ сраженія при Горномъ Дубнякѣ. Наконецъ, вечеромъ, получена отрадная вѣсть о побѣдѣ, одержанной Императорскою Гвардіею. И такъ: желѣзное кольцо, окружав-

шее Плевну, было, наконецъ, окончательно спаено завоеваніемъ Горнаго Дубняка. У Османа-паши были отрѣзаны всякія сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Начавшійся тяжкимъ горемъ, день 12 октября торжественно завершился побѣдой, съ необъятно важными послѣдствіями...

Только на другой день дошло до войскъ, облагавшихъ Плевну, радостное извѣстіе о взятіи Горнаго Дубняка. И у нихъ тоже, какъ и у всей Россіи, сокрушалось сердце при извѣстіи о горѣ, поразившемъ Царское Семейство. Тѣмъ сильнѣе почувствовали войска извѣстіе о пораженіи турокъ: на долю Гвардіи какъ бы выпала завидная честь быстро отомстить врагу за Царскую кровь Августѣйшаго Гвардейца, сраженнаго подъ Рущукомъ!...

15 октября произошло, въ Боготѣ, уже извѣстное читателю посѣщеніе Государя Императора раненыхъ въ битвахъ 12 октября. Прежде всего, Государь направился къ шатру, гдѣ лежали два тяжело раненые генерала Свиты Его Величества: Розенбахъ и баронъ Зедделеръ. Государь милостиво благодарилъ обоихъ генераловъ за доблестную службу. Затѣмъ, Его Величество изволилъ посѣтить санитарный отдѣлъ Государыни Цесаревны, а потомъ палатки и кибитки военнаго госпиталя. Едва пронеслось между ранеными извѣстіе объ ожидающемъ ихъ счастіи, какъ, по свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, произошло что-то такое, чего не въ состояніи описать никакое перо. Вмѣсто господствующаго въ госпиталяхъ унылаго молчанія, прерываемаго страдальческими стонами, все вдругъ зашевелилось, всѣ радостно заговорили, всѣ лица просіяли, со всѣхъ сторонъ слышались возгласы умиленія и восторга; всѣ хотѣли бѣжать на встрѣчу обожаемому „батюшкѣ-Царю“; даже трудно раненые пытались встать, не внимая просьбамъ и настояніямъ сестеръ милосердія... Государь, какъ передалъ намъ очевидецъ, шелъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, ожидая встрѣтить общую картину страданій и горя. Его Величество былъ

отрадно изумленъ и успокоенъ, увидѣвъ, что одного присутствія Его было достаточно, чтобы изгладить у самыхъ удрученныхъ страдальцевъ всякій слѣдъ ихъ физическихъ мученій и нравственныхъ тревоженій: воодушевленная, восторженная толпа, съ перевязанными головами, подвязанными руками, многіе на костыляхъ—но всѣ съ сіяющими лицами и сверкающими глазами—мгновенно окружила Государя. У всѣхъ текли слезы умиленія, всѣ цѣловали Его одежду, всѣ благословляли священное Имя Царя-Освободителя...

Мы уже приводили нѣсколько трогательныхъ фактовъ, характеризовавшихъ это посѣщеніе, незабвенное для всѣхъ присутствовавшихъ. Такихъ фактовъ было много. Почти всѣхъ офицеровъ Государь называлъ по фамиліи, милостиво обращаясь къ каждому со словами утѣшенія и благоволенія. Между прочимъ, Государь остановился у страдальческаго изголовья молодого офицера Л.-Гв. Павловскаго полка, Гинглата. Тяжело поднималась прострѣленная грудь несчастнаго. Тутъ же стоялъ раненый родной братъ его, заливаясь слезами при видѣ мученій страдальца, казавшихся ему предсмертными. Отвѣчая на вопросъ Государя, менѣе тяжело раненый Гинглатъ старался объяснить рану своего брата. Рыданія, часто, прерывали его слова. Увидѣвъ, однако, черный флеръ на рукавѣ Государя: „извините, Ваше Величество“, вымолвилъ юноша покраснѣвши, „что я осмѣлился беспокоить Васъ моимъ горемъ, тогда когда и у Васъ есть Свое семейное горе“...

Успокоить Государя, утѣшить Его—это, видимо, было цѣлюю каждого, безъ вниманія къ собственнымъ страданіямъ. Въ палаткѣ тяжело раненыхъ, Его Величество взялъ за руку одного изъ лежавшихъ офицеровъ и голосомъ, изобличавшимъ глубокое состраданіе, сталъ его успокоивать.

Офицеръ, до глубины души тронутый участіемъ Государя и видимыми страданіями Его за каждого раненаго, голоднаго, необутаго, старался, въ свою очередь, успокоить Его Вели-

чество, и, собравъ послѣднія силы, чтобы казаться бодрымъ, вымолвилъ въ полголоса:

— Не извольте беспокоиться, Ваше Величество, мнѣ хорошо, всѣмъ намъ хорошо. Я вовсе не страдаю...

Едва Государь изволилъ выйти изъ палатки—офицеръ былъ уже мертвымъ...

— Ваше Величество, обратился къ Государю, въ солдатскомъ шатрѣ, раненый гвардеецъ, „прикажите выписать, я совсѣмъ здоровъ, а меня держать“...

— Какая рана? спросилъ Государь у сопровождавшаго Его доктора.

— Въ ногу, Ваше Величество.

— Пулю вынули?

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ самъ раненый, меня штыкомъ, да совсѣмъ не больно...

— Воображаю, замѣтилъ шутя Государь, ты сколько ихъ перекололъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Что же ты такъ стоялъ, не трогалъ ихъ?

— Я, Ваше Величество, прикладовъ шесть на ихъ башкахъ переломалъ...

Государь велѣлъ дать ему Георгіевскій крестъ. Заботливо освѣдомляясь о состояніи и свойствѣ всякой раны и объ обстоятельствахъ, при которыхъ она получена, Государь тутъ же осчастливилъ многихъ страждущихъ героевъ, лично награждая оказанную ими доблесть не только милостивымъ словомъ, но и знакомъ отличія Военнаго Ордена Св. Георгія Побѣдоносца 4-й степени.

Въ числѣ награжденныхъ, оказался и рядовой Пугачевъ, первый раненый 12 октября Гвардейскій егеръ, который *даже и послѣ третьей раны*, оказавшейся весьма опасною, рѣшился идти на перевязочный пунктъ только послѣ повторенныхъ, настоятельныхъ приказаній своего ротнаго командира...

Вырвавъ изъ середины оборонительной линіи турокъ по Софійской дорогѣ самое сердце этой обороны, Горный Дубнякъ, генераль Гурко, тѣмъ не менѣе, находился между двухъ огней. Съ одной стороны—Дольній Дубнякъ, съ другой—Телишъ все еще оставались въ рукахъ непріятеля. Поэтому, едва замолкъ въ Горномъ Дубнякѣ грозный голосъ битвы, какъ гвардія уже принялась за работу, чтобы привести завоеванные укрѣпленія въ оборонительное положеніе. Особенное вниманіе было обращено на сторону къ Телишу, такъ какъ оттуда, съ часу на часъ, ожидалось наступленіе Шефкета-паши. Для этого была выдвинута противъ Телиша, съ праваго берега Вида, 3-я гвардейская пѣхотная дивизія; съ этою же цѣлію было немедленно приступлено къ сооруженію линіи окоповъ въ сторону Телиша. Изучая мѣстность для расположенія этихъ окоповъ, полковникъ Пузыревскій удивлялся необыкновенной быстротѣ развитія у нашихъ солдатъ, подъ огнемъ непріятеля, того умѣнія примѣняться къ мѣстности, которое такъ трудно и медленно пріобрѣтается на ученіяхъ, въ мирное время. „Здѣсь хорошо для ложементовъ“, замѣчали солдаты,—и почти всякій разъ безошибочно.

Съ занятіемъ Горнаго Дубняка и непрерывнымъ оцѣпленіемъ тыла арміи Османа, каждый день стали попадаться въ плѣнъ турки, пытавшіеся пробраться изъ Плевны, съвозъ наши аванпосты, съ цѣлію доставить Шефкету-пашѣ то письма, то словесныя порученія Османа-паши. Изъ полученныхъ этимъ путемъ свѣдѣній оказалось, что Османъ вполне оцѣнялъ—какое грозное для него значеніе имѣло паденіе Горнаго Дубняка.

Надо было спѣшить воспользоваться этимъ первымъ результатомъ побѣды...

Къ тому же, въ отношеніи тактическомъ, тяжело было тогда положеніе гвардіи въ Горномъ Дубнякѣ. „Воздуху здѣсь мало“, картинно резюмировалъ генераль Гурко всѣ неудобства этого положенія. И вотъ — 15 октября, какъ самъ генераль,

такъ офицеры генеральнаго штаба и артиллеріи, подъ огнемъ непріятельскихъ аванпостовъ, уже стали дѣлать рекогносцировки кругомъ Телиша. И съ этою твердыней рѣшено было покончить однимъ ударомъ. Во избѣжаніе напрасной траты людей, исполненіе задачи предполагалось возложить на артиллерію. Что было немыслимо съ Горнымъ Дубнякомъ, то легко могло удасться съ Телишемъ, какъ по особенностямъ окружающей его мѣстности, такъ и вслѣдствіе нравственного вліянія на турокъ послѣ побѣды подъ Горнымъ Дубнякомъ.

16 октября, съ утра, вся мѣстность кругомъ Телиша, на разстояніи хорошаго пушечнаго выстрѣла, была занята шестью батареями Л.-Гв. 1-й и 3-й гренадерской артиллерійскихъ бригадъ и двумя батареями гвардейской конной артиллеріи, подъ прикрытіемъ 4-хъ полковъ 2-й и 3-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій. Выставленные на болѣе открытыхъ мѣстахъ батареи были на-скоро обнесены окопами. По свидѣтельству конно-артиллеристовъ, не малую услугу для ускоренія огня оказала имъ помощь кавалерійскихъ солдатъ, пріученныхъ въ мирное время къ службѣ при орудіяхъ. Канонада 66 орудій началась въ 11 часовъ утра—и уже въ 2¹/₂ часа пополудни, когда съ нашей стороны была потеря всего 30 убитыхъ и раненыхъ — телишскій комендантъ, Гаки-паша, положилъ оружіе. Сто офицеровъ, 3,000 не раненыхъ нижнихъ чиновъ, 4 орудія и безчисленное количество патроновъ были трофеями этой блистательной артиллерійской побѣды. На первое предложеніе турокъ вступить въ переговоры о капитуляціи, генераль Гурко сурово отвѣтилъ, что турецкій гарнизонъ можетъ искупить себѣ пощаду лишь безусловною сдачей на великодушіе побѣдителя. Бѣжало изъ Телиша всего нѣсколько сотъ баши-бузуковъ, почти половина которыхъ была изрублена Л.-Гв. Уланскимъ полкомъ. „Если мой начальникъ сдался, то почему и мнѣ не капитулировать?“ оправдывался Гаки-паша, ссылаясь на примѣръ Дубнякскаго паши.

Нравственный погромъ, нанесенный всей турецкой арміи геройскимъ штурмомъ Горнаго Дубняка, былъ въ Телишѣ такъ великъ, что — какъ оказалось со словъ плѣнныхъ офицеровъ — никто не имѣлъ тамъ ни малѣйшей надежды на успѣшное сопротивленіе грозному „Гяурко-пашѣ“, — какъ прозвали турки побѣдителя Горнаго Дубняка.

Внутри укрѣпленій Телиша найдены опустошительные слѣды бомбардированія. Вся мѣстность была изрыта нашими снарядами и усѣяна трупами непріятелей.

Еще болѣе потрясающая картина представилась побѣдителю предъ южнымъ фасомъ Телиша. Тамъ лежали голыя и страшно изуродованныя тѣла нашихъ убитыхъ и за-живо замученныхъ раненыхъ — героевъ штурма 12 октября, не отысканныхъ ихъ товарищами въ высокой, густой кукурузѣ. Въ числѣ нашихъ плѣнныхъ оказались и четверо англичанъ-санитаровъ, съ краснымъ полумѣсяцемъ на лѣвомъ рукавѣ. Въ качествѣ свидѣтелей этого гнуснаго избіенія раненыхъ, и они тоже подписались подъ протоколомъ объ этихъ ужасахъ, составленнымъ нашими офицерами и медиками. Они же объяснили, что обгорѣвшіе человѣческіе черепа и другія кости, найденные въ самомъ укрѣпленіи, принадлежали двумъ раненымъ офицерамъ, на груди и животѣ которыхъ были разложены и зажжены цѣлыя костры...

Увѣряя, что онъ не былъ въ состояніи препятствовать своимъ арнаутамъ совершать эти злодѣйства, паша клялся, что съ самаго начала войны онъ не получалъ никакого приказанія относительно человѣколюбиваго обращенія съ плѣнными...

Новымъ, радостнымъ трофеемъ побѣды подъ Горнымъ Дубнякомъ оказалось, утромъ 20 октября, поспѣшное оставленіе турками своихъ укрѣпленій при Дольнемъ Дубнякѣ. Укрѣпленія эти были несравненно грознѣе и прочнѣе всѣхъ завоеванныхъ нами 12 и 16 октября. Кромѣ передовыхъ ложементовъ, тамъ были четыре, взаимно обстрѣливавшіе другъ друга редута, съ очень глубокими и широкими рвами, эскар-

пы которыхъ, выложенные дерномъ, были почти отвѣсны; сверхъ того и самая деревня — черкесскій выселокъ — составляла настоящую крѣпость, обнесенную высокимъ валомъ. Каждый отдѣльный домъ ея былъ также обнесенъ насыпью. Сынамъ Кавказа тамъ представлялась полная возможность помянуть кровавою тризной подвиги отчаянной стойкости, столько разъ ознаменовавшіе ихъ родные аулы! „И такая-то позиція очищена безъ боя! Это можетъ быть объяснено крайней деморализаціей!“, — невольно воскликнулъ при видѣ этихъ грозныхъ окоповъ офицеръ Л.-Гв. Семеновскаго полка, сообщившій свои впечатлѣнія въ *Сборникъ Военныхъ Разказовъ*.

Убѣдившись, что какъ бы ни были сильны окопы Дольнаго Дубняка, но, при видимомъ упадкѣ духа его защитниковъ, и этой позиціи также {не^{мо} устоятъ^{тъ}} противъ всеокрушающаго натиска русской Гвардіи, — Османъ-паша рассчиталъ весьма вѣрно, что ему остается только беречь свое войско на случай новаго штурма или попытки выступленія изъ Плевны, и сосредоточить въ ней всѣ свои силы...

Еще сильнѣе, чѣмъ на Османъ-пашу, подѣйствовало извѣстіе о побѣдѣ Царской Гвардіи на Шефкетъ-пашу, поспѣшно выступившаго, съ главными силами своей арміи, на выручку Горнаго Дубняка. Громова вѣсть о паденіи этой твердыни застала его въ Радомірцѣ. Впечатлѣніе, произведенное этой вѣстью, было такъ сильно, что, не думая болѣе о спасеніи хотя бы Телиша, Шефкетъ остановилъ свое наступленіе. Въ Радомірцѣ, благодаря естественно - сильной позиціи съ нѣкоторыми уже готовыми окопами, Шефкетъ, имѣя свободное сообщеніе съ Орханіэ и Софіей, гдѣ быстро формировалась новая армія, легко могъ создать новую Плевну. Но, съ паденіемъ Телиша, уныніе такъ усилилось, что онъ поспѣшно стянулъ къ себѣ всѣ гарнизоны укрѣпленныхъ этаповъ, на протяженіи отъ Радомірца до Телиша. Достаточно было паники, наведенной на его аванпосты появленіемъ простаго разѣзда Л.-Гв. Конно-Гренадерскаго полка,

чтобы побудить этого героя болгарскихъ кровопролитій 1876 года поспѣшно вернуться въ Орханіэ...

23 октября, въ воскресенье, настало незабвенное событіе, послужившее Гвардіи Русскаго Царя лучшею наградой за ея безсмертные подвиги на Софійской дорогѣ. Въ полдень, словно электрическая искра, пронеслась по войскамъ радостная вѣсть о предстоявшемъ прибытіи Государя Императора въ Долюній Дубнякъ. Войска построились для встрѣчи Его Величества. По дорогѣ къ Медовану, не доѣзжая деревни Долюній Дубнякъ, была выстроена Стрѣлковая бригада; ближе къ деревнѣ — полки 2-й дивизіи; впереди деревни — 1-я дивизія, Л.-Гв. Саперный баталіонъ, 1-я и 2-я гвардейскія артиллерійскія бригады. Въ исходѣ третьяго часа генераль-адъютантъ Гурко, встрѣтивъ Его Величество на значительномъ разстояніи отъ войскъ, по дорогѣ въ Медованъ, снялъ шапку и припалъ головой къ груди Императора. Его Величество обнялъ генерала. Блестящая кавалькада приблизилась къ войскамъ. Впереди, на гнѣдомъ конѣ, ѣхалъ Государь. За Его Величествомъ слѣдовалъ Великій Князь Сергій Александровичъ. За свитою скакали эскадронъ Лейбъ-Гусаръ, эскадронъ Лейбъ-Уланъ и Собственный Его Величества конвой. Грянуло потрясающее, отъ души у каждого вырвавшееся ура! и долго, долго сливался этотъ задушевный, торжественный русскій привѣтъ съ величавыми звуками народнаго гимна... Государь объѣзжалъ каждую часть, останавливался предъ нею, благодарилъ солдатъ, милостиво привѣтствуя офицеровъ и разговаривая со многими изъ нихъ. Въ строю виднѣлось не мало перевязанныхъ головъ и подвязанныхъ рукъ: заботливо спрашивалъ Его Величество этихъ раненыхъ о состояніи ихъ здоровья. Въ голосѣ Государя звучало глубокое волненіе. Послѣдній разъ видѣлъ Его Величество Свою Гвардію въ Горномъ Студнѣ. Времени протекло съ тѣхъ поръ не много — а сколько памятныхъ Государю лицъ уже не находилъ Его взоръ на прежнихъ мѣстахъ!... Его Величество

изволилъ вспоминать о выбывшихъ изъ строя, бесѣдовать о посѣщенныхъ имъ въ Боготѣ раненыхъ, обращаться къ многимъ съ милостивымъ, ласковымъ словомъ. На правыхъ флангахъ полковъ были выстроены Георгіевскіе кавалеры. Государь Императоръ изволилъ говорить со многими изъ нихъ; Л.-Гв. Измайловскаго полка рядоваго Авчинникова, овладѣвшаго турецкимъ знаменемъ, Его Величество осчастливилъ поцѣлуемъ въ лобъ и Всемилоостивѣйше пожаловалъ Военнымъ Орденомъ Св. Георгія Побѣдоносца 4-й степени. Умиленію, восторгу войскъ не было предѣла...

„Надѣюсь, ты доволенъ моею старою командой!“ сказалъ Государь, обращаясь къ командиру 1-ю Гвардейскою пѣхотною дивизіею, генералу Рауху.

Подѣхавъ къ лѣвому флангу Л.-Гв. Измайловскаго полка, Государь приказалъ служить молебенъ. Немедленно былъ поставленъ напой. Служилъ священникъ Л.-Гв. Измайловскаго полка. Когда священникъ провозгласилъ „вѣчную память убіеннымъ на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество“, Государь преклонилъ колѣни и остался въ этомъ положеніи, пока продолжалось поминовеніе: сердце Царя вдругъ сказалось слезами, брызнувшими изъ Его очей... Плакали какъ дѣти и Гвардейцы, преисполненные безпредѣльною любовью, преданностью и благодарностью къ своему обожаемому Отцу-Государю...

Предъ отѣздомъ, Государь Императоръ изволилъ посѣтить раненыхъ, лежавшихъ въ мѣстномъ лазаретѣ, при своихъ частяхъ. Въ числѣ ихъ, Его Величество осчастливилъ Своимъ посѣщеніемъ и командира Л.-Гв. Сапернаго баталіона, флигель-адъютанта полковника Скалона.

Чтобы повидаться со Своею Гвардіею и поблагодарить ее за побѣду, Государь Императоръ, въ коляскѣ, выѣхалъ въ 8 часовъ утра изъ Богота и пробылъ на пути, до Своего возвращенія, цѣлыя сутки. На обратномъ пути, Его Величество ночевалъ въ бѣдной хижинѣ, въ Медованѣ...

Между тѣмъ, генераль Гурко, съ каждымъ днемъ, получалъ новыя доказательства потрясающаго впечатлѣнія, произведеннаго на турокъ завладѣніемъ нами главными опорами на Софійской дорогѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ усвоивалось имъ убѣжденіе въ необходимости немедленно воспользоваться этимъ впечатлѣніемъ для рѣшительнаго дѣйствія противъ врага и прежде всего противъ арміи Шефкетъ-паши. Обсуждая этотъ вопросъ, генераль Гурко пришелъ къ увѣренности, что даже не дожидаясь сдачи Плевны, онъ, смѣлымъ, быстрымъ движеніемъ въ Орханію, разгромить армію Шефкета, пока она не будетъ окончательно образована; воспользовавшись же ея заготовленіями, онъ овладѣетъ твердынями на Балканахъ, получитъ возможность перевалиться чрезъ горы, занять Софію съ ея огромными складами припасовъ, и, зайдя въ тылъ турецкой арміи, преграждавшей нашимъ войскамъ выходъ изъ Шипкинскаго прохода—открыть и имъ безпрепятственный доступъ въ долину Тунджи. Ни слышіе непроходимыми зимою Балканы, ни почти невозможное доставленіе отъ нашей операціонной базы жизненныхъ и боевыхъ припасовъ войскамъ, наступающимъ къ Орханію, ни, наконецъ, опасность выдвинуть нашу операціонную линію на нѣсколько сотъ верстъ впередъ, оставляя въ тылу ея хотя и обложенную, но все еще державшуюся непріятельскую твердыню, — ничто не было въ состояніи остановить отважную предприимчивость безстрашнаго героя Горнаго Дубняка! Однако, при всей своей отвагѣ, генераль Гурко дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ безъ опрометчивости, на основаніи положительныхъ *разсчетовъ*—а вовсе не *мечтаній*, какъ утверждали многіе при началѣ задуманнаго имъ похода. Разсчетъ оказался вѣрнымъ...

Составленный въ этомъ смыслѣ проектъ былъ ввѣренъ полковнику Пузыревскому, для представленія его Великому Князю Главнокомандующему.

Въ Боготѣ, прервавъ только что начатое чтеніе представ-

ленного полковникомъ Пузыревскимъ проекта, Его Высочество Главнокомандующій изволилъ замѣтить:

— „А знаешь, мнѣ мысль Гурко очень нравится, потому что она сходится въ основаніи съ моими предположеніями. Я самъ думаю, послѣ паденія Плевны, послать за Балканы 12 дивизій пѣхоты и 4 кавалеріи, двинувши часть войскъ по Софійскому шоссе къ Орханіэ“...

— „Я совершенно согласенъ съ проектомъ Гурко“, продолжалъ Великій Князь по окончаніи чтенія, „но, во-первыхъ, надо будетъ съѣздить къ Государю—знаешь, это вѣдь большое дѣло; а во вторыхъ, я посоветуюсь еще съ начальникомъ штаба“.

Начальникъ штаба, генераль-адъютантъ Непокойчицкій молчаливо выслушалъ чтеніе проекта, а генераль Левицкій, отъ времени до времени, отрицательно вздрагивалъ головой...

— „Эта идея хорошая, надо ее внимательно обдумать. Мысль хорошая, очень хорошая“, сказалъ начальникъ штаба по окончаніи чтенія.

Великій Князь перевелъ глаза на генерала Левицкаго.

— „Ваше Высочество“, началъ генераль, „мнѣ кажется, что проектъ генераль-адъютанта Гурко не осуществимъ. Мы все время хлопочемъ о томъ, чтобы не удлиннять нашей операціонной линіи, а между тѣмъ новое предложеніе неизбежно ведетъ къ этому. Удлинненіе операціонной линіи для насъ крайне невыгодно. Кромѣ того, я не знаю—какъ удастся генералу Гурко обезпечить себя продовольствіемъ, патронами и зарядами“.

Главнокомандующій, внимательно выслушавъ всѣ объясненія, замѣтилъ, обращаясь къ генералу Левицкому:

— „Все, что ты говоришь, вообще вѣрно, но къ настоящему случаю не вполне примѣнимо. Нѣтъ! Идея похода сходится съ моими предположеніями. Завтра ѣдемъ въ Порадимъ!“

Въ Порадимѣ, полковникъ Пузыревскій имѣлъ счастье быть введеннымъ въ кабинетъ Государя Императора, гдѣ уже нахо-

дились Главнокомандующій, Военный Министръ и генераль-адъютантъ Непокойчицкій.

Передъ чтеніемъ проекта, Его Величество обратился къ Великому Князю Николаю Николаевичу: *)

— „Виновать, что прерву“, изволилъ сказать Государь Императоръ, „знаешь, Я получилъ отъ Шувалова, изъ Лондона, любопытное письмо; правда, оно писано еще до нашей кавказской побѣды. Англичане предлагаютъ мирное посредничество на условіи ограниченія правъ Румыніи и содержанія турецкаго гарнизона въ Бѣлградѣ!“

Таковы были въ то время предложенія англичанъ! Въ своемъ слѣпомъ пристрастіи къ туркамъ, они не предвидѣли, что, съ паденіемъ Горнаго Дубняка, была рѣшена и участь Плевны, на которой сосредоточивались всѣ ихъ надежды...

При чтеніи того мѣста проекта, гдѣ говорилось о формированіи арміи въ Софіи и объ угрожающемъ для насъ ея значеніи, Его Величество изволилъ снова обратиться къ Великому Князю.

— „Я очень радъ“, замѣтилъ Государь, „что Гурко такъ серьезно смотритъ на эту армію. Изъ тѣхъ немногихъ словъ, которыя онъ Мнѣ сказалъ при свиданіи, Я думалъ, что онъ легко къ ней относится“.

— „Мнѣ казалось“, отвѣтилъ Главнокомандующій, „что онъ всегда оцѣнялъ ее серьезно. Онъ только говорилъ, что послѣ Горнаго Дубняка и Телиша турки въ паникѣ, и Шефкетъ-паша бѣжалъ въ Орханію съ 12-ю баталіонами передъ нашимъ конно-гренадерскимъ разѣздомъ“.

— „Во всякомъ случаѣ“, замѣтилъ Государь, „Я очень радъ, очень радъ, что онъ *такъ* смотритъ на дѣло“.

По разностороннемъ обсужденіи подробностей проекта ге-

---

*) *Военный Сборникъ* 1879 г. № 3.

нерала Гурко, Великій Князь обратился къ Его Величеству: „Пузыревскаго можно отпустить?“

— „Да, ты можешь ѣхать“, сказалъ Государь „Кланяйся отъ Меня Гурко и скажи, что Я его благословляю. Желаю вамъ всякаго успѣха“.

Государь благословилъ отважное предпріятіе побѣдителя Горнаго Дубняка и Провидѣніе увѣнчало блистательнымъ успѣхомъ великое дѣло, побѣдоносно начатое геройскимъ занятіемъ Софійской дороги и завершенное на берегахъ Мраморнаго моря...

Началась безпримѣрная, по своимъ трудамъ и опасностямъ, величавая эпопея зимняго похода въ Балканахъ. Гвардія двинулась по завоеванной ею Софійской дорогѣ, къ Орханію, Врацѣ и Софіи, и воодушевленіе, вынесенное ею отъ свиданія съ ея обожаемымъ Отцомъ-Государемъ, не было поколеблено ни балканскими мятелями, ни безчисленными опасностями и лишеніями, встрѣченными войсками на пути...

Вскорѣ затѣмъ—пала и Плевна.

Въ продолженіи почти семи мѣсяцевъ раздѣляя труды и опасности Своей арміи, Государь Императоръ, обезпечивъ Своимъ пребываніемъ въ ней побѣдоносный исходъ всего похода, вернулся въ Петербургъ, гдѣ ожидали Его Величество новыя заботы, новые труды...

Среди занесенныхъ безвыходными снѣгами Балканскихъ громадъ, Гвардія снова возликовала и воодушевилась неудержимымъ восторгомъ, когда изъ отдаленнаго Бухареста дошелъ до нея прощальный привѣтъ ея Державнаго Вождя. Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и съ теплыми молитвами за Царя, выслушала Его доблестная Гвардія торжественное чтеніе слѣдующихъ незабвенныхъ строкъ Его Величества:

„Возвращаясь въ Свою столицу послѣ болѣе шестимѣсячнаго пребыванія среди войскъ Дѣйствующей арміи, Я обращаюсь съ чувствомъ естественной гордости и благоговѣнія къ воспоминаніямъ о высокихъ доблестяхъ

русскихъ войскъ, являющихся и въ нынѣшнюю кампанію тѣми же героями, коими всегда славилось Наше оружіе. Безпредѣльная преданность къ Престолу и къ долгу чести и службы, неустрашимость и стойкость въ бою, примѣрное самоотверженіе въ тяжелыхъ испытаніяхъ, неизбѣжныхъ въ военное время, искони отличавшія русскаго солдата, постоянно ему присущи и нынѣ. Мнѣ отрадно было быть личнымъ свидѣтелемъ неоднократно доказательствъ таковыхъ достоинствъ горячо Мнѣ ою любимыхъ войскъ Моихъ. Разставаясь съ ними нынѣ, въ твердомъ упованіи на милосердіе Всевышняго, Его благословеніе на дарованіе новыхъ и окончательныхъ побѣдъ надъ врагомъ, Я твердо убѣжденъ, что для достиженія ихъ подъ симъ благословеніемъ, войска Мои не знаютъ преградъ. Не сомнѣваюсь, что и впредъ, какъ и нынѣ, они постоянно будутъ приобрѣтать права на ту искреннюю признательность, которую сердцу Моему пріятно выразить нынѣ всѣмъ войскамъ Дѣйствующей арміи, начиная съ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, начальникамъ частей, генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Военная лѣтопись наша украсилась въ нынѣшнемъ году блестящими страницами и незабвенными памятниками славы русскаго оружія, таковы: переправа чрезъ Дунай подъ Систовымъ, взятіе Тырнова, экспедиція за Балканы, безпримѣрная и удивленія достойная защита Шипкинскаго перевала, взятіе Ловчи, Горнаго Дубняка, Телиша, Врацы и Этрополя и наконецъ овладѣніе Плевною, потребовавшей столькихъ жертвъ и усилій, и покореніе значительной турецкой арміи, ея защищавшей. Не менѣе славы и признательности заслуживаютъ войска Рушукскаго отряда, подъ личнымъ начальствомъ

Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, на коихъ выпала трудная и тяжелая задача охраненія лѣваго фланга занятаго нами съ начала кампаніи огромнаго пространства. Задача эта выполнена блистательнѣйшимъ образомъ, не смотря на всѣ трудности удержанія значительно сильнѣйшаго непріятеля на большомъ протяженіи, при безпрестанныхъ, постоянно отражаемыхъ, попыткахъ сего послѣдняго прорвать наши линіи.

„Повторяю Мою искреннѣйшую признательность Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему Дѣйствующею арміею, Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Начальнику Руцукскаго отряда, всѣмъ начальствующимъ и служащимъ въ арміи лицамъ; благодарю всю армію отъ всего сердца и молю Бога о ниспосланіи намъ новыхъ побѣдъ и успѣховъ“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложенія.

*Донесеніе генералъ-адъютанта Гурко Помощнику Начальника
Западнаго отряда генералъ-адъютанту Тотлебену *).*

Выходъ гвардейскаго корпуса на Софійское шоссе назначень
былъ 12-го октября, одновременно съ занятіемъ „Рыжей Горы“
отрядомъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го. Горный Дуб-
някъ былъ выбранъ пунктомъ выхода, потому что мѣстность
возлѣ этой деревни представляла наиболѣе выгодныя тактическія
условія и лежала ближе всего къ коммуникаціонной линіи корпуса.
Позиція турокъ у Горнаго Дубняка была сильно укрѣплена и со-
ставляла одно изъ звеньевъ длинной цѣпи укрѣпленныхъ пунктовъ,
защищавшихъ коммуникаціонную линію плевненской арміи.

Предварительныя рекогносцировки выяснили слѣдующее: на
самомъ возвышенномъ мѣстѣ позиціи турки построили довольно

---

*) Какъ въ этомъ донесеніи, такъ и въ диспозиціи на 12-е октября 1877 года,
вкралась весьма легко объяснимая погрѣшность въ общемъ ориентированіи мѣстности.
Такъ, говоря о фасѣ Большаго редута, обращенномъ къ Плевнѣ, донесеніе назы-
ваетъ его „Сѣвернымъ“ фасомъ, хотя онъ оказывался почти совершенно *восточ-
нымъ*, съ незначительнымъ уклоненіемъ къ сѣверу; фасъ, обращенный къ шоссе, наз-
ванъ въ донесеніи „Восточнымъ“, когда онъ былъ *южнымъ*, а фасъ, обращенный
къ Телишу, названъ „южнымъ“, когда онъ былъ *западнымъ*. Также объ отрядѣ
флигель-адъютанта, полковника Черевина, донесеніе говоритъ, что онъ дѣйствовалъ
къ „западу“ отъ Большаго редута, когда онъ дѣйствовалъ прямо къ *сѣверу* отъ
него.

Подобныя погрѣшности встрѣчаются весьма часто въ этого рода донесеніяхъ
(реляціяхъ). Онѣ объясняются тѣмъ, что реляціи пишутся на самомъ полѣ сраженія
немедленно по окончаніи боя, весьма часто при отсутствіи карты, по которой мож-
но было бы провѣрить ориентированіе мѣстности. Само собою разумѣется, что въ
помѣщенное въ III-й и IV-й главахъ настоящей брошюры описаніе сраженій 12-го
октября 1877 года, эта погрѣшность исправлена и настоящее ориентированіе воз-
становлено согласно съ картой и планомъ.

обширный редутъ съ высокимъ кавальеромъ внутри. Къ востоку отъ этого редута они возвели другой. Оба редута были окружены цѣлымъ рядомъ передовыхъ ложементовъ, вынесенныхъ довольно далеко впередъ. Къ сѣверу отъ укрѣплений, мѣстность совершенно ровная, открытая и понижающаяся едва замѣтнымъ склономъ къ сторонѣ Д о л ь н я г о Д у б н я к а. Къ востоку мѣстность тоже понижается легкимъ склономъ и вся заросла молодымъ, очень густымъ лѣскомъ; между его опушкою и восточнымъ редутомъ около 200 сажень. Къ югу и западу позиція турецкая спадаетъ крутымъ склономъ въ узкую лощину, не болѣе 250 шаговъ шириною. Въ разстояніи сажень около 800 отъ восточнаго редута, по направленію къ Чирикову, въ лѣску находится довольно обширная поляна, которую турки тоже укрѣпили.

Эти результаты предварительныхъ рекогносцировокъ ясно свидѣтельствовали, что турки придавали позиціи у Горнаго Дубняка весьма большое значеніе и готовили на ней упорное сопротивленіе. Впослѣдствіи оказалось, что здѣсь находился дивизіонный генералъ А х м е д ѣ - Х и в з и - п а ш а, командовавшій войсками въ обоихъ Д у б н я к а х ѣ и въ Т е л и ш ѣ.

Но, кромѣ сопротивленія, котораго слѣдовало ожидать на самой позиціи, операція выхода гвардейскаго корпуса на софійское шоссе усложнялась еще тѣмъ, что въ весьма близкомъ разстояніи отъ Горнаго Дубняка, въ укрѣпленныхъ позиціяхъ при Телишѣ и Дольнемъ Дубнякѣ были другіе турецкіе отряды, которые могли подать руку помощи горно-дубнякскому гарнизону. Хотя въ вышеупомянутыхъ пунктахъ отряды были и не столь многочисленны, но въ весьма близкомъ разстояніи за ними были: съ одной стороны, вся армія Османа, а съ другой стороны, къ югу отъ Телиша, собиралась армія Шефкета-паши, силы котораго опредѣлялись около 25 баталіоновъ.

Подобная обстановка дѣлала необходимымъ выставленіе въ обѣ стороны болѣе или менѣе сильныхъ заслоновъ и быстрое веденіе атаки горно-дубнякской позиціи.

Въ виду этого, планъ атаки былъ слѣдующій: для непосредственной атаки позиціи я назначилъ 16 баталіоновъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, четыре баталіона гвардейской стрѣлковой бригады, 40 орудій 2-й гвардейской артилерійской бригады и восемь орудій Лейбъ-Гвардіи 1-й артилерійской бригады, два эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя и четыре сотни донскаго № 4-го полка; всего же 20 баталіоновъ, шесть эскадроновъ

и сотень и 48 орудій. Войска эти должны были окружить позицію съ трехъ сторонъ и вести атаку съ сѣверной, восточной и южной сторонъ. Для того же, чтобы гарнизонъ не могъ нѣкуда уйти, съ западной стороны позиціи была двинута Кавказская казачья бригада, съ двумя румынскими кавалерійскими полками каларашей и съ шестью конными орудіями.

Для заслона со стороны Дольняго Дубняка предназначались 12 баталіоновъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ 32 орудіями Лейбъ-Гвардіи 1-й артилерійской бригады, два эскадрона Собственного Его Величества конвоя и одна сотня Донскаго № 4-го полка. Сверхъ того, для заслона съ этой стороны предназначалась и 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ двумя конными батареями. Всего къ сторонѣ Дольняго Дубняка а слѣдовательно и къ сторонѣ Плевны—12 баталіоновъ, 11 эскадроновъ и 44 орудія.

Для заслона съ южной стороны я назначилъ: четыре баталіона Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка, съ восемью орудіями Лейбъ-Гвардіи 1-й артилерійской бригады; 1-ю и 2-ю бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ 12-ю конными орудіями и одну сотню Донскаго № 4-го полка. Всего: четыре баталіона, 16 эскадроновъ и 20 орудій.

Сверхъ того, такъ какъ со стороны Плевны предстояла довольно большая опасность, то я произвелъ противъ Дольняго Дубняка большую кавалерійскую демонстрацію, съ цѣлію удержать на мѣстѣ гарнизонъ этого укрѣпленнаго пункта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ ваше высокопревосходительство произвести бомбардировку гор. Плевны со всѣхъ осадныхъ батарей, съ цѣлію удержать въ Плевнѣ всю армію Османа-паши.

Въ кавалерійской демонстраціи противъ Дольняго Дубняка принимали участіе 33 эскадрона, три конныхъ орудія и семь баталіоновъ румынской пѣхоты.

Послѣ взятія позиціи у Горнаго Дубняка я предполагалъ немедленно приступить къ укрѣпленію позиціи фронтомъ къ Плевнѣ войсками 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, подъ прикрытіемъ войскъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Вслѣдствіе этого, ко 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи былъ приданъ Лейбъ-Гвардіи Саперный баталіонъ.

Такимъ образомъ, выходъ гвардейскаго корпуса на Софійское шоссе сопровождался цѣлымъ рядомъ дѣйствій, начиная отъ Телиша и кончая Плевной.

А) Атака укрѣпленной позиціи у Горнаго Дубняка.

Войска, назначенныя для атаки позиціи у Горнаго Дубняка, были раздѣлены на три колонны; въ теченіе ночи они переведены черезъ р. Видъ и размѣщены слѣдующимъ образомъ.

Правая колонна, свиты Его Величества генераль-маіора *Эллиса 1-го*, состоявшая изъ гвардейской стрѣлковой бригады, 6-й батареи Лейбъ-Гвардіи 1-й артилерійской бригады, 6-й батареи Лейбъ-Гвардіи 2-й артилерійской бригады, двухъ эскадроновъ Собственнаго Его Величества конвоя и одной сотни Донскаго № 4-го полка (всего четыре баталіона, три эскадрона и сотень и 16 орудій), была поставлена на дорогѣ изъ Чирикова въ Крушевицу, въ двухъ верстахъ отъ Чирикова.

Средняя колонна, свиты Его Величества генераль-маіора *барона Зедделера*, состоявшая изъ 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго баталіона, 1-й и 2-й батарей Лейбъ-Гвардіи 2-й артилерійской бригады и одной сотни Донскаго № 4-го полка (всего восемь баталіоновъ ¹⁾ одна сотня и 16 орудій), тоже въ теченіе ночи была переведена на лѣвый берегъ Вида и поставлена недалеко отъ дороги изъ Чирикова въ Чумаковцы, въ разстояніи около полуверсты отъ Чирикова.

Лѣвая колонна, свиты Его Величества генераль-маіора *Розенбаха*, состоявшая изъ 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и 4-й и 5-й батарей Лейбъ-Гвардіи 2-й артилерійской бригады (восемь баталіоновъ и 16 орудій), въ пятомъ часу пополудни, пройдя р. Видъ, расположилась около 2½ верстъ отъ нея, въ такъ называемой Свинарской балкѣ.

Отдѣльный кавалерійскій отрядъ полковника *Черевина*, состоявшій изъ 12-ти сотень Кубанскаго и Владикавказскаго полковъ и двухъ полковъ каларашей, при шести конныхъ орудіяхъ, собрался въ теченіе ночи къ дер. Абаскіой.

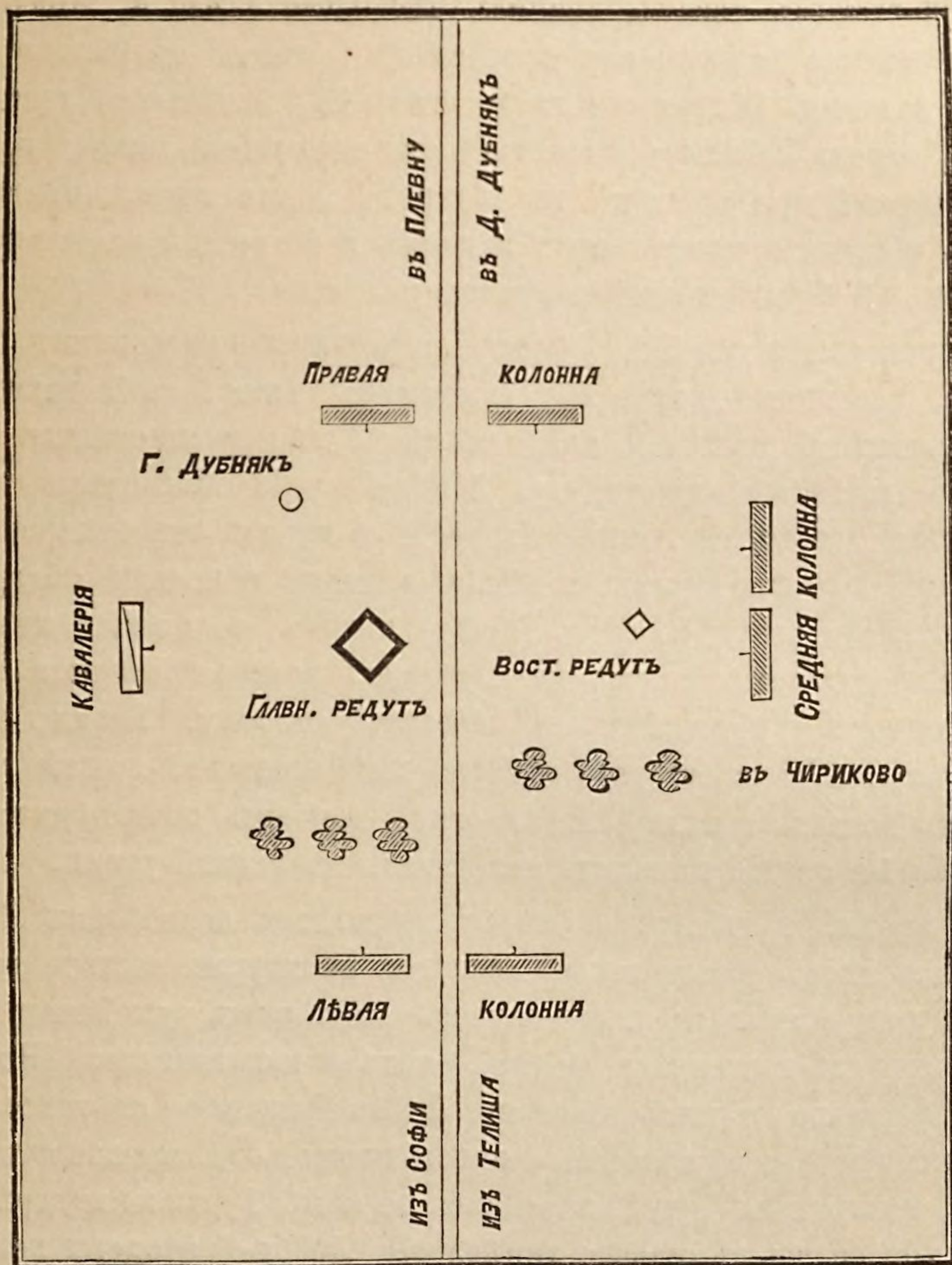
Всѣ эти колонны выступили изъ мѣстъ своего предварительнаго расположенія въ 6¼ часовъ утра, за исключеніемъ средней, двинувшейся получасомъ позже, такъ какъ ей предстоялъ самый кратчайшій путь. Правая и лѣвая колонны нѣсколько опоздали въ своемъ движеніи и подошли къ позиціи у Горнаго Дубняка почти получасомъ позже средней колонны, завязавшей дѣло съ непріателемъ около 8½ часовъ утра.

---

¹⁾ Первый баталіонъ Л.-Г. Московскаго полка былъ оставленъ на Медованской позиціи.

Схематическій чертежъ атаки позиціи у Горнаго
Дубняка 12-го октября.

Расположеніе войскъ въ средней колоннѣ было слѣдующее: въ центрѣ двѣ батареи, на лѣво отъ нихъ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскій полкъ, имѣвшій 4-й баталіонъ въ первой линіи, а 3-й и 2-й баталіоны—во второй; Лейбъ-Гвардіи Московскій полкъ, вправо отъ батареи, въ такомъ же порядкѣ; наконецъ, въ резервѣ—1-й баталіонъ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка и Лейбъ-Гвардіи Саперный баталіонъ.

Около 8^{1/2} часовъ утра обѣ батареи средней колонны заняли позицію на полянѣ, о которой уже упоминалось выше, и открыли весьма удачную стрѣльбу по непріятельской позиціи, съ разстоянія около 800 саж. Въ это время, Лейбъ-Гвардіи Гренадерскій полкъ, шедшій густымъ лѣсомъ, принялъ нѣсколько влѣво и, отойдя отъ первоначально даннаго ему направленія, зашелъ въ расположеніе лѣвой колонны. Вслѣдствіе этого, свиты Его Величества генераль-маіоръ *баронъ Зедделеръ* приказалъ ему вернуться назадъ и, принявъ вправо, приблизиться къ батарее, а для заполнения промежутка, образовавшагося между полкомъ и батареею, вдвинулъ изъ резерва 1-й баталіонъ лейбъ-гренадеръ.

Командующій полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ *Любовицкій*, исполняя данное ему приказаніе, отвелъ свой полкъ нѣсколько назадъ, и затѣмъ, войдя въ лѣсъ, вышелъ на опушку, обращенную къ восточному редуту. Лейбъ-Гвардіи Московскій полкъ оставался все время немного впереди и вправо отъ батареи. Въ это время подошли правая и лѣвая колонны и начали обстрѣливать непріятельскую позицію. Вслѣдъ затѣмъ, подошла и колонна флигель-адъютанта полковника *Черевина*, которая открыла огонь по турецкимъ укрѣпленіямъ съ четвертой стороны. Такимъ образомъ, около 9^{1/2} часовъ утра вокругъ непріятельской позиціи образовалось кольцо артилерійскаго огня, причемъ концентрическая стрѣльба 54 орудій наносила непріятелю страшный уронъ.

Въ началѣ 11 часа утра флигель-адъютантъ полковникъ *Любовицкій*, во главѣ своего полка, двинулся на штурмъ восточнаго редута. Турки встрѣтили атаку самымъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ какъ изъ восточнаго редута, такъ и изъ главнаго. Но, не смотря на этотъ губительный огонь, Лейбъ-Гренадеры стремительно бросились впередъ и, пробѣжавъ пространство, отдѣлявшее ихъ отъ редута, съ криками „ура“, ворвались въ него. Турки не выдержали удара и бросились въ главное укрѣпленіе. Лейбъ-Гренадеры хотѣли было преслѣдовать, чтобы по пятамъ ихъ ворваться въ главный редутъ, но изъ него послѣдовалъ такой губительный огонь, что они не могли идти впередъ и остановились во взятомъ редутѣ.

Желая поддержать атаку Лейбъ-Гренадеровъ, генераль-маіоръ *баронъ Зедделеръ* двинулъ впередъ обѣ батареи, по эшелонно, а также и Лейбъ-Гвардіи Московскій полкъ. 1-я батарея лихо вынеслась впередъ на дистанцію менѣе 400 саж. отъ главнаго редута, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ; но она не могла долго оста-

ваться на этой позиціи и, сдѣлавъ нѣсколько очередей, вернулась на первоначальную. Лейбъ-Гвардіи Московскій полкъ подошелъ на одну высоту съ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскимъ и залегъ за укрѣпленіями вправо отъ восточнаго редута. Въ этотъ періодъ боя были ранены: генераль-маіоръ *баронъ Зедделеръ* и флигель-адъютанты, полковники: *Любовицкій* и *Скалонъ*. Результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій на восточномъ фасѣ было очищеніе непріателемъ всѣхъ линій передовыхъ укрѣпленій и отступление его въ главный, центральный редутъ.

Пока все это происходило въ средней колоннѣ, правая, начавъ свое движеніе ровно въ 6^{1/4} часовъ утра, двинулась на шоссе, въ промежутокъ между Горнымъ и Дольнимъ Дубняками. Кубанскіе эскадроны Собственного Его Величества конвоя, шедшіе въ головѣ колонны, очистили всю мѣстность отъ черкесовъ и, занявъ шоссе, испортили телеграфную линію. Когда пѣхота правой колонны начала подходить по шоссе, она была встрѣчена артилерійскимъ огнемъ изъ укрѣпленій Дольняго Дубняка. Оставивъ временно Лейбъ-Гвардіи 2-й Стрѣлковый баталіонъ въ видѣ заслона противъ Дольняго Дубняка, Свиты Его Величества генераль-маіоръ *Эллисъ* 1-й завелъ свою бригаду правымъ плечомъ впередъ и, вызвавъ на шоссе обѣ батареи, построилъ боевой порядокъ. На правомъ флангѣ шелъ баталіонъ Императорской Фамиліи, на лѣвомъ—Лейбъ-Гвардіи Финскій, а баталіонъ Его Величества—въ резервѣ.

Подойдя на разстояніе около 850 саж. къ главному редуту, обѣ батареи снялись съ передковъ и открыли огонь по центральному редуту; стрѣлковые же баталіоны двинулись впередъ. Такъ какъ въ это время, вслѣдствіе дѣйствій Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка, линія передовыхъ укрѣпленій была уже очищена турками, то оба стрѣлковые баталіона заняли ихъ и, залегши за оставленными ложементами, открыли огонь съ разстояній отъ 750 до 900 шаговъ. Такъ какъ линія передовыхъ турецкихъ укрѣпленій съ того мѣста, откуда стрѣляли батареи, сливалась съ линіею главнаго редута и трудно было слѣдить за мѣстами разрывовъ нашихъ снарядовъ, вслѣдствіе чего являлась опасность, по ошибкѣ, поражать своихъ же, то велѣно было обѣмъ батареямъ подъѣхать поближе къ укрѣпленіямъ. Не смотря на самый убійственный огонь, батареи подъѣхали почти къ самой линіи передовыхъ турецкихъ укрѣпленій и начали стрѣлять съ дистанціи около 400 сажень.

Такъ какъ до сихъ поръ въ дѣло были введены только два ба-

таліона, а остальные два держались въ резервѣ, въ видѣ заслона отъ Дольняго Дубняка, то, желая усилить боевую линію, я послалъ приказаніе 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи стать на шосе фронтомъ къ Дольнему Дубняку, а обоимъ стрѣлковымъ баталіонамъ (1-му и 2-му) идти впередъ на усиленіе боевой линіи. Сдѣлавъ это распоряженіе, я самъ подѣхалъ къ передовымъ турецкимъ ложе-ментамъ, чтобы съ болѣе близкаго разстоянія осмотрѣть главный турецкій редутъ и общее расположеніе дѣлъ.

Здѣсь, около 12-ти часовъ дня, я получилъ донесеніе объ отбитой атакѣ колонны генерала *Розенбаха* и о ранахъ, полученныхъ генералами: *барономъ Зедделеромъ* и *Розенбахомъ*. Тутъ же я увидѣлъ тѣ трудности, которыя предстояло превозмочь средней колоннѣ.

Вправо отъ того мѣста, гдѣ я находился, отдѣлялась лощина, впадавшая въ долину, на днѣ которой находилось селеніе Горный Дубнякъ. Всѣ три стрѣлковыхъ баталіона, шедшіе вправо отъ батареи, ища укрытія отъ свинцоваго дождя турецкихъ пуль, принимали этой лощиной вправо и, выйдя въ долину, выходили противъ западнаго фронта главнаго редута. Вслѣдствіе этого, между батареею и стрѣлковыми баталіонами мало по малу образовался довольно большой промежутокъ. Необходимо было заполнить этотъ промежутокъ. Съ другой стороны, я нашелъ нужнымъ поддержать уже понесшія большія потери среднюю и лѣвую колонны. Вслѣдствіе этого я послалъ приказаніе Измайловскому полку идти на поле сраженія, причемъ направить два баталіона на фронтъ, обращенный къ Плевнѣ, въ упомянутый выше промежутокъ: одинъ баталіонъ отправить для поддержанія средней колонны и одинъ— для поддержанія лѣвой колонны. Сдѣлавъ эти распоряженія, я переѣхалъ на батарею средней колонны, въ концѣ втораго часа пополудни.

Лѣвая колонна, также какъ и правая, выступила изъ мѣста своего расположенія, изъ Свинарской балки, ровно въ 6¹/₄ часовъ утра, и направилась на шосе въ промежутокъ между Телишемъ и Горнымъ Дубнякомъ. Во время слѣдованія по балкѣ, колонна была задержана переходомъ черезъ неширокую, но очень глубокую канаву, вслѣдствіе чего, она прибыла болѣе чѣмъ полчаса позже средней колонны. Подойдя къ шосе, колонна сдѣлала захожденіе лѣвымъ плечомъ впередъ и, вызвавъ обѣ батареи, открыла огонь по главному турецкому редуту. Лейбъ-Гвардіи Финляндскій полкъ

шелъ влѣво отъ шосе, Лейбъ-Гвардіи Павловскій—вправо отъ него. Финляндскому полку пришлось идти по весьма густому молодому лѣску. Павловскій же полкъ шелъ по мѣстности открытой. Батареи открыли огонь первоначально съ дистанціи нѣсколько болѣе 900 сажень, но вскорѣ переѣхали на дистанцію около 750 сажень. Впослѣдствіи къ этой батарее пристроилась 5-я батарея гвардейской конной артилеріи.

Увидавъ штурмъ восточнаго редута Лейбъ-Гвардіи Гренадерскимъ полкомъ, оба полка пошли впередъ и, пройдя лощину, подъ сильнымъ огнемъ турокъ, взобрались на гору и пошли на штурмъ главнаго редута. Но встрѣченные сильнымъ, убійственнымъ огнемъ, остановились, причемъ Финляндскій полкъ прилегъ въ мертвомъ пространствѣ на скатѣ горы, а Павловскій полкъ—въ различныхъ укрытіяхъ къ югу отъ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка.

Во время этихъ дѣйствій были ранены: командиръ бригады, свиты Его Величества генераль-маіоръ *Розенбахъ*, на полянѣ въ лѣсу, и полковникъ Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка флигель-адъютантъ *Руновъ*.

Какъ уже сказано выше, около двухъ часовъ я прибылъ на батарею средней колонны. Въ это время редутъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ нашими войсками, которыя подошли уже на очень близкое разстояніе. Сильный артилерійскій огонь безустанно громилъ защитниковъ редута со всѣхъ четырехъ сторонъ, начиная съ 8^{1/2} часовъ утра.

Въ это же время я получилъ свѣдѣніе, что Лейбъ-Гвардіи Егерскій полкъ отступилъ отъ Телиша, вслѣдствіе чего, являлась опасность прихода подкрѣпленій съ южной стороны; очевидно, что надо было кончать дѣло поскорѣе. Вслѣдствіе этого, я рѣшилъ, по приходѣ баталіоновъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка, двинуть всѣ войска на штурмъ единовременно со всѣхъ сторонъ; время рѣшительной атаки я предполагалъ около трехъ часовъ пополудни. Вслѣдствіе этого, я передалъ соотвѣтственные приказанія лично генералу *Броку*, вступившему въ командованіе 1-ю бригадою 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, и послалъ письменное приказаніе свиты Его Величества генераль-маіору *Эллису 1-му*.

При этомъ, для того, чтобы штурмъ всѣми войсками былъ одновременный, я установилъ слѣдующій условный сигналъ: когда всѣ распоряженія будутъ отданы, я велю произвести три залпа съ батарей лѣвой колонны; послѣ этихъ залповъ, произвести три залпа

съ батарей средней колонны; наконецъ, послѣ этихъ залповъ, произвести три залпа съ батарей правой колонны. Послѣ послѣдняго залпа правой колонны всѣ войска должны броситься на штурмъ. Я рассчитывалъ, что единовременная атака со всѣхъ сторонъ, и притомъ съ разстояній очень небольшихъ (отъ 100 до 400 шаговъ) увѣнчается успѣхомъ. Сдѣлавъ эти распоряженія, я поѣхалъ въ лѣвую колонну и, объѣхавъ расположеніе всѣхъ войскъ, прибылъ на батарею, гдѣ лично передалъ соотвѣтственные распоряженія начальнику 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютанту *графу Шувалову*. Но прежде чѣмъ *графъ Шуваловъ* успѣлъ передать войскамъ свои распоряженія, какъ раздались три послѣдовательныхъ залпа съ батарей правой колонны и войска этой колонны пошли на штурмъ. Такимъ образомъ, условленный сигналъ не былъ выполненъ, и мои предположенія объ единовременной атакѣ рушились.

Я съ замираніемъ сердца слѣдилъ за послѣдовавшими дѣйствіями, потому что вмѣсто единовременнаго штурма со всѣхъ сторонъ, должны были послѣдовать одиночные и разновременные штурмы различными частями войскъ, успѣхъ которыхъ былъ болѣе чѣмъ сомнителемъ. Чтобы какъ нибудь исправить дѣло и выручить войска правой колонны, уже начавшіе атаку, я послалъ во всѣ стороны ординарцевъ, чтобы войска, не дожидаясь сигнала, поддержали атаку правой колонны. Какъ и слѣдовало ожидать, послѣдовалъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ атакъ. Всѣ части, встрѣчаемыя въ высшей степени губительнымъ огнемъ, не могли дойти до главнаго редута. Но, за исключеніемъ Лейбъ-Гвардіи Финлянскаго полка, ни одна часть не отошла назадъ, а, продвинувшись впередъ, залегли за разными укрытіями, причемъ нѣкоторыя части дошли на 40 шаговъ къ редуту. Что же касается до Финлянцевъ, то, не встрѣчая впереди себя рѣшительно никакого укрытія, они были вынуждены вернуться назадъ и опять залечь на скаты горы, въ мертвомъ ея пространствѣ.

Во время этой атаки былъ смертельно раненъ Лейбъ-Гвардіи Финлянскаго полка генералъ-маіоръ *Лавровъ*, который съ полнымъ, достойнымъ удивленія геройствомъ бросился впередъ во главѣ своего полка.

Послѣ этого ряда атакъ, окончившихся около 4-хъ часовъ пополудни, всѣ батареи должны были прекратить огонь, потому что части подошли такъ близко къ укрѣпленію, что огонь батарей на-

носилъ вредъ своимъ собственнымъ войскамъ. Отводить же войска для того, чтобы обстрѣливать редутъ, было положительно невозможно, въ виду тѣхъ жертвъ, которыя они неминуемо понесли бы при этомъ движеніи, а главное, въ виду дурнаго дѣйствія этого отступательнаго движенія на духъ войскъ.

Поэтому, я рѣшилъ оставить войска въ занятыхъ ими позиціяхъ съ тѣмъ, чтобы съ наступленіемъ сумерокъ начать новую атаку. Сдѣлавъ соотвѣтственныя распоряженія, я вернулся на холмъ возлѣ деревни Горнаго Дубняка и ожидалъ наступленія сумерокъ.

Наступило грозное, гробовое молчаніе. Съ началомъ наступленія сумерокъ нѣкоторыя части войскъ подошли еще на болѣе близкое разстояніе отъ редута. Такъ, два баталіона Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка, со своимъ полковымъ командиромъ, свиты Его Величества генераль-маіоромъ *Эллисомъ 2-мъ* во главѣ, проползли на колѣнахъ еще шаговъ около 150 и очутились не болѣе какъ въ 50 шагахъ отъ редута. Войска сразу бросились впередъ, и почти со всѣхъ сторонъ ворвались въ редутъ. Огромное пламя вспыхнувшего внутри редута пожара освѣтило мѣстность и возвѣстило о паденіи редута, такъ долго и упорно защищаемаго турками.

Комендантъ гарнизона, дивизіонный генераль ферикъ *Ахмедъ-Хивзи-паша*, видя, что дальнѣйшіе сопротивленіе невозможно, со всѣмъ своимъ отрядомъ положилъ сружіе.

Трофеями побѣды подъ Горнымъ Дубнякомъ были: одинъ паша, 53 офицера, 2,235 нераненыхъ нижнихъ чиновъ, одно большое полковое знамя, четыре круповскихъ дальнобойныхъ орудія и огромное количество ружей и боевыхъ припасовъ. Особенно много взято металлическихъ патроновъ.

Наши потери, къ сожалѣнію, были также очень велики. Ранены оба бригадныхъ командира, свиты Его Величества генераль-маіоры: баронъ *Зедделеръ* и *Розенбахъ*; командиръ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка генераль-маіоръ *Лавровъ*, командиръ Лейбъ-Гвардіи 1-го Стрѣлковаго Его Величества баталіона полковникъ *Эбелингъ* (оба смертельно); начальникъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи полковникъ *Скалонъ*, командиръ Лейбъ-Гвардіи Сапернаго баталіона флигель-адъютантъ полковникъ *Скалонъ*; Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка флигель-адъютантъ полковникъ *Руновъ* (смертельно); командиръ 6-й батареи Лейбъ-Гвардіи 1-й артилерійской бригады полковникъ *Семеновъ* и командиръ Кубанскаго дивизіона Собственнаго Его Величества конвоя полковникъ *Жуковъ*. Потери по полкамъ и частямъ были слѣдующія:

Штаба гвардейскаго корпуса: раненъ нижній чинъ одинъ; Собственнаго Его Величества конвоя: убитъ нижній чинъ одинъ, ранены: штабъ-офицеръ одинъ, оберъ-офицеръ одинъ и нижнихъ чиновъ четыре; Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка: убиты: оберъ-офицеръ одинъ, нижнихъ чиновъ 51, ранены: оберъ-офицеровъ шесть, нижнихъ чиновъ 219 и безъ вѣсти пропавшихъ шесть; штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи ранены: штабъ-офицеръ одинъ оберъ-офицеровъ три; управленія 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, раненъ генералъ одинъ; Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка: убиты: оберъ-офицеровъ три; нижнихъ чиновъ 95; ранены: штабъ-офицеръ одинъ, оберъ-офицеровъ 12, нижнихъ чиновъ 421; Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка: убиты: оберъ-офицеровъ три, нижнихъ чиновъ 310, ранены: штабъ-офицеровъ четыре, оберъ-офицеровъ 22, нижнихъ чиновъ 594; управленія 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи ранены: генералъ одинъ; оберъ-офицеръ одинъ; Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка: убиты оберъ-офицеровъ шесть, нижнихъ чиновъ 164, ранены: штабъ-офицеровъ два, оберъ-офицеровъ 11, нижнихъ чиновъ 500; Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка: убиты: штабъ-офицеръ одинъ, оберъ-офицеровъ два, нижнихъ чиновъ 102; ранены: генералъ одинъ, штабъ-офицеровъ три, оберъ-офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ 323, безъ вѣсти пропавшихъ 14; Лейбъ-Гвардіи Стрѣлковаго Его Величества баталіона: убиты: оберъ-офицеръ одинъ, нижнихъ чиновъ 10; ранены: штабъ-офицеръ одинъ, оберъ-офицеровъ два, нижнихъ чиновъ 71; Лейбъ-Гвардіи 2-го Стрѣлковаго баталіона: убиты: нижнихъ чиновъ 16, ранены: оберъ-офицеръ одинъ, нижнихъ чиновъ 49; Лейбъ-Гвардіи 3-го Стрѣлковаго Финскаго баталіона: убиты: нижнихъ чиновъ 24, ранены: оберъ-офицеровъ пять, нижнихъ чиновъ 77; Лейбъ-Гвардіи 4-го Стрѣлковаго баталіона Императорской Фамиліи: убиты: нижнихъ чиновъ шесть, ранены: оберъ-офицеровъ четыре, нижнихъ чиновъ 18; и Лейбъ-Гвардіи 1-й артилерійской бригады: убиты: нижнихъ чиновъ два, ранены: штабъ-офицеръ одинъ, нижнихъ чиновъ 20; Лейбъ-Гвардіи 2-й артилерійской бригады: убиты: оберъ-офицеръ одинъ, нижнихъ чиновъ пять, ранены: штабъ-офицеръ одинъ, оберъ-офицеръ одинъ, нижнихъ чиновъ 29; Лейбъ-Гвардіи Сапернаго баталіона: убиты: нижнихъ чиновъ четыре, ранены: штабъ-офицеръ одинъ, нижнихъ чиновъ 58, безъ вѣсти пропавшихъ нижній чинъ одинъ.

Всего убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими: генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ 117 (раненыхъ: генераловъ три

штабъ и оберъ-офицеровъ 96, убиты: штабъ-офицеръ одинъ, оберъ-офицеровъ 17) нижнихъ чиновъ 3,195 (убиты: 790, ранены 2,384, безъ вѣсти пропали 21).

Б) Дѣйствія подъ Телишемъ.

Для удержанія непріятеля, могущаго оказать со стороны Теліша содѣйствіе турецкимъ войскамъ, занимавшимъ позицію у Горнаго Дубняка, а если возможно, то и для завладѣнія Телишемъ, были двинуты къ этому укрѣпленному пункту: Лейбъ-Гвардіи Егерскій полкъ, 3-я батарея Лейбъ-Гвардіи 1-й артилерійской бригады съ 5-ою батареею гвардейской конной артилеріи, подъ общимъ начальствомъ командующаго Л.-Г. Егерскимъ полкомъ, флигель-адъютанта полковника *Челищева*.

Въ теченіе ночи колонна эта была переведена черезъ р. Видъ и помѣщена въ Свинарской балкѣ, верстахъ въ трехъ къ югу отъ Чприкова.

Согласно диспозиціи, колонна двинулась въ 6^{1/4} час. утра. Выйдя изъ балки, начальникъ колонны выслалъ Л.-Гв. Драгунскій полкъ съ двумя конными орудіями на Ракитанскія высоты, для обезпеченія лѣваго фланга и тыла колонны, а Л.-Гв. Гусарскій полкъ съ четырьмя орудіями былъ оставленъ впереди Л.-Гв. Егерскаго полка, для прикрытія его дебушированія изъ балки; послѣ чего, гусары должны были принять влѣво, для дѣйствія противъ тыла телишской позиціи. Л.-Гв. Егерскій полкъ подошелъ къ укрѣпленной Телишской позиціи въ 9^{1/2} час. утра, и начальникъ колонны, подъ прикрытіемъ гусаровъ, произвелъ рекогносцировку позиціи. При этомъ оказалось, что укрѣпленія состояли: изъ большаго редута, черезъ который проходило шоссе, раздѣлявшее его на двѣ почти равныя части; изъ другаго редута, расположеннаго къ западу отъ главнаго, по другую сторону лощины, и изъ нѣсколькихъ ложементовъ, вынесенныхъ впередъ. Для атаки былъ выбранъ восточный фасъ редута.

Третья батарея Л.-Гв. 1-й артилерійской бригады была вызвана на позицію и, пристроившись къ четыремъ коннымъ орудіямъ, уже дѣйствовавшимъ по укрѣпленію, открыла огонь съ дистанціи нѣсколько большей 500 сажень. Въ это время Л.-Гв. Егерскій полкъ построился въ боевой порядокъ, имѣя 3-й и 4-й баталіоны въ первой, а 1-й и 2-й баталіоны во второй линіи. Такъ какъ мѣстность была ровная и не представляла никакихъ укрытій отъ

выстрѣловъ, то огонь непріятеля, направляемый изъ двухъ передовыхъ ложементовъ, наносилъ войскамъ довольно чувствительный уронъ. Чтобы отдѣлаться отъ этихъ выстрѣловъ, оба баталіона первой линіи получили приказаніе овладѣть ложементами. Приказаніе это было скоро исполнено. Двинувшись впередъ въ 10 ч. утра, роты штыками выгнали непріятеля изъ ложементовъ, но, къ сожалѣнію, не нашли въ нихъ никакого укрытія отъ огня турокъ, который началъ наносить еще большія потери.

Желаніе выйти скорѣе изъ подъ столь сильнаго огня побудило роты головныхъ баталіоновъ двинуться впередъ на штурмъ главнаго редута. Видя начало штурма головныхъ баталіоновъ и желая содѣйствовать ихъ атакѣ, баталіоны второй линіи, по своей собственной инициативѣ, тоже бросились на штурмъ редута. Но необыкновенно сильный огонь удержалъ ихъ натискъ и заставилъ залечь за укрытіями, въ разстояніи около 100 шаговъ отъ главнаго вала. Вслѣдъ за этимъ турки попытались сдѣлать вылазку, но, встрѣченные залпами, были отбиты.

Въ это время было получено донесеніе отъ Л.-Гв. Драгунскаго полка, что съ юга обнаружено движеніе нѣсколькихъ таборовъ пѣхоты съ артилерією. Видя, что овладѣніе главнымъ редутомъ не можетъ быть скоро исполнено и опасаясь появленія свѣжихъ непріятельскихъ силъ, флигель-адъютантъ полковникъ *Челищевъ* приказалъ колоннѣ отойти назадъ. Это движеніе было исполнено медленно и съ полною стройностью.

Хотя укрѣпленія Теліша и не были взяты, но отрядъ вполне исполнилъ свое назначеніе. Во время всего дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ турки не двинулись изъ Теліша и не оказали никакого содѣйствія защитникамъ Горнаго Дубняка. Къ сожалѣнію, потери Л.-Гв. Егерскаго полка были очень велики и состоятъ изъ семи штабъ и оберъ-офицеровъ убитыми, 19 штабъ и оберъ-офицеровъ ранеными и 907 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

В) По диспозиціи на 12-е октября, *отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Арнольди*—44 эскадрона, семь баталіоновъ (румынской пѣхоты), 34 конныхъ и пѣшихъ орудій—долженъ былъ произвести *демонстрацію къ Дольнему Дубняку* и воспрепятствовать выходу войскъ изъ Плевны и Дольнаго Дубняка на помощь къ позиціи Горнаго Дубняка.

Во исполненіе этого назначенія, отрядъ былъ распредѣленъ такъ: 1) пять баталіоновъ пѣхоты, семь сотенъ и 12 орудій, подъ начальствомъ генерала *Чернозубова*, занимали позицію у Доль-

наго и Горнаго Этрополя ¹⁾; назначеніе отряда было воспрепятствовать движенію войскъ изъ Плевны по шоссе къ Дольнему Дубняку; 2) отрядъ изъ 19-ти эскадроновъ, 16-ти орудій и двухъ баталіоновъ, подъ начальствомъ генераль-маіора *Арнольди*, долженъ былъ ночью, на 12-е октября, направиться изъ Трестеника къ Дольнему Дубняку, куда прибыть въ 7^{1/2} ч. утра, 12-го же. Назначеніе отряда было произвести демонстрацію на Дольній Дубнякъ, а въ случаѣ выхода изъ этого селенія турецкихъ войскъ къ Горному Дубняку,—воспрепятствовать ихъ движенію во что бы то ни стало; наконецъ, отряду предстояло возстановить связь съ 9-ю кавалерійскою дивизіею, полки которой дѣйствовали на Дольній Дубнякъ, въ направленіи отъ Медована; 3) отрядъ флигель-адъютанта полковника *Черевина* (12 сотенъ и шесть орудій) къ утру, 12-го октября, долженъ былъ занять позицію къ западу отъ Горнаго Дубняка, въ видахъ содѣйствія гвардейской пѣхотѣ въ ея атакѣ на этотъ пунктъ, а также и для перехвата турокъ, которые бы вздумали отступать на юго-западъ; 4) бригада каларашей *Формака* должна была двинуться отъ Магалеты ²⁾, частью черезъ Девеницу на Червенабрегъ, для демонстраціи въ этомъ направленіи, гдѣ находились части турецкихъ войскъ,—частью же по лѣвому берегу Искера на Чумаковцы, въ видахъ освѣщенія въ этомъ направленіи, а также для перехвата турокъ, на случай ихъ отступленія на западъ.

Всѣ упомянутые отряды выполнили поставленные имъ цѣли, причемъ, въ отрядѣ генерала *Чернозубова* все дѣло ограничилось кононадою въ направленіи моста черезъ р. Видъ и возведеніемъ фортификаціонныхъ построекъ въ теченіе ночи на 12-е октября.

Колонна, бывшая подъ начальствомъ генерала *Арнольди*, развернувъ боевой порядокъ верстахъ въ трехъ отъ Дольняго Дубняка, двинулась около 7 ч. утра въ направленіи къ югу отъ этого селенія. На пути она была встрѣчена сильнымъ артилерійскимъ огнемъ изъ двухъ редутовъ, бывшихъ у селенія Дольній Дубнякъ, и ружейнымъ огнемъ съ лѣвой стороны съ высоты, поросшей кукурузою. Немедленно конная батарея росшіоровъ снялась съ передковъ и завязала перестрѣлку съ непріателемъ; для выбитія же стрѣлковъ былъ посланъ спѣшенный 4-й Екатерино-

---

¹⁾ На картѣ названъ Н е т р о п о л ь.

²⁾ На картѣ названо М о х а л е т и.

славскій драгунскій полкъ. Подъ покровительствомъ выставленнаго влѣво заслона, отрядъ продолжалъ движеніе, нѣсколько отклонившись къ югу. Затѣмъ опять повторяя тотъ же маневръ, отрядъ, по выходѣ на слѣдующую поляну, былъ встрѣченъ огнемъ изъ третьяго редута; наша конная батарея снялась съ передковъ и завязала перестрѣлку съ непріятелемъ. Вслѣдъ за этимъ, батарея росшіоровъ прекратила огонь и потомъ присоединилась къ нашей батарее. Около 8^{1/2} ч. утра, 4-й драгунскій полкъ выбивалъ непріятеля изъ кукурузы и наступалъ къ Дольнему Дубняку въ юго-западномъ направленіи; 12-ти орудійная батарея, подъ прикрытіемъ гусаровъ и расшіоровъ, поддерживала огонь съ турецкими редутами, имѣя фронтъ на сѣверъ; Харьковскій уланскій полкъ, съ четырьмя конными орудіями, подъ начальствомъ полковника *Эртеля*, подъ покровительствомъ этихъ заслоновъ, на полныхъ рысяхъ былъ двинутъ на шосе изъ Дольняго Дубняка въ Горный, съ цѣлью наступленія къ первому, въ направленіи съ юга. Почти одновременно, къ 9 ч. утра, драгуны выбили турокъ изъ кукурузы и тѣмъ обезпечили лѣвый флангъ батареи, которая, послѣдовательно, эшелонами, была двинута впередъ и заняла высоту, командовавшую редутами турецкой позиціи и путями отъ нея въ Горный Дубнякъ, и съ которой редуты брались во флангъ; уланы произвели энергичное наступленіе съ юга къ Дольнему Дубняку, но были встрѣчены пѣхотою, засѣвшею въ ложементахъ и принуждены отойти изъ подъ выстрѣловъ. Запоздавшіе два баталіона румынской пѣхоты смѣнили нашихъ драгунъ въ кукурузномъ полѣ и немедленно начали укрѣплять позицію на лѣвомъ флангѣ батареи. Затѣмъ, до поздняго вечера отрядъ поддерживалъ оживленную артилерійскую канонаду по турецкой позиціи и по редутамъ, изрѣдка дополнявшуюся огнемъ турецкой пѣхоты, встрѣчавшей всякую попытку частей отряда продвинуться впередъ.

Такимъ образомъ, день 12-го октября закончился утвержденіемъ на позиціи, командующей надъ непріятельскою, и удержаніемъ непріятеля, силою около шести баталіоновъ пѣхоты съ четырьмя орудіями, прикованнымъ къ своей позиціи.

Одновременно съ упомянутыми дѣйствіями отряда генерала Арнольди, Кіевскій гусарскій полкъ, съ дивизіономъ Казанскаго драгунскаго полка и 16-ю конною батареею, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника *барона Корфа*, произвелъ наступленіе отъ Медована къ Горному Дубняку; приблизившись на пушечный выстрѣлъ, отрядъ былъ встрѣченъ артилерійскимъ ог-

немъ изъ редутовъ и пѣхотою изъ ложементовъ. По условіямъ мѣстности, позиція отряда была крайне невыгодна для поддержанія перестрѣлки, почему отрядъ нѣсколько отошелъ назадъ и, затѣмъ, дѣйствія его ограничились наблюденіемъ между Видомъ и Софійскимъ шоссе и поддержаніемъ связи съ кавалеріею генерала *Арнольди*, съ 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею и отрядомъ генерала *Бремзена*, стоявшимъ на Медованской горѣ.

Въ заключеніе, считаю своимъ священнымъ долгомъ засвидѣтельствовать предъ вашимъ высокопревосходительствомъ, что всѣ войска вели себя съ такимъ мужествомъ и геройскою храбростью, что заслужили удивленіе и полное, и глубокое уваженіе. Всѣ, отъ высшихъ начальниковъ до нижнихъ чиновъ, соревновали другъ съ другомъ въ честномъ исполненіи своихъ обязанностей. Стойкость и упорство непріятеля, съ честью выдержавшаго губительный концентрическій огонь 60-ти орудій, только возбуждали духъ нашихъ войскъ и побуждали ихъ овладѣть редутомъ во чтобы то ни стало.

Здѣсь не мѣсто говорить о проявленіи частныхъ примѣровъ геройства и мужества, но я считаю себя обязаннымъ представить вслѣдъ за симъ болѣе подробное изложеніе всего дѣла, гдѣ я доношу объ этихъ частныхъ подвигахъ. Если и можно было бы сдѣлать какой-либо упрекъ, то это въ слишкомъ большомъ презрѣніи опасности и въ проявленіи необыкновеннаго геройства.

При такомъ духѣ войскъ и при силѣ взятыхъ штурмомъ укрѣпленій, потери не могли не быть великими. Но важность добытыхъ усиліями войскъ Гвардіи Его Величества стратегическихъ результатовъ: паденіе безъ дальнѣйшихъ потерь чрезвычайно сильной оборонительной линіи турокъ отъ Плевны до Яблоницы, возвышеніе до крайнихъ предѣловъ духа нашихъ войскъ и паники въ войскахъ непріятеля—вполнѣ искупаютъ и оправдываютъ эти потери.

Подписалъ: генераль-адъютантъ *Гурко*.

Приказъ по войскамъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда.

Въ дер. Лени-Брѣкъ.

«Предписываю произвести слѣдующія предварительныя передвиженія.

«1) Гвардейской Стрѣлковой бригадѣ съ одною батареею Лейбъ-Гвардіи 1-й артилерійской бригады, съ одною батареею Лейбъ-

Гвардіи 2-й артилерійской бригады и одною сотнею Донскаго казачьяго № 9-го полка, выступить съ бивака, 12-го сего октября, въ часъ пополудни, двинуться къ деревнѣ Чириково и пройдя по броду № 1 расположиться въ резервномъ порядкѣ, между р. Видомъ и гребнемъ возвышенности лѣваго берега рѣки, по дорогѣ въ Куршевицу, верстахъ въ $2\frac{1}{2}$ отъ деревни Чирикова. Обоимъ Кубанскимъ эскадронамъ Собственнаго Его Величества конвоя выступить одновременно со Стрѣлковою бригадою, поступить въ распоряженіе командира бригады и, слѣдуя во главѣ ея по той же дорогѣ, расположиться на правомъ флангѣ гвардейской Стрѣлковой бригады, на дорогѣ изъ Чирикова въ Куршевицу.

«2) Лейбъ-Гвардіи Егерскому полку съ одною батареею Лейбъ-Гвардіи 1-й артилерійской бригады и съ одною сотнею казачьяго № 9-го полка, выступить съ бивака, 12-го сего октября, тоже въ часъ пополудни, и слѣдовать непосредственно за гвардейскою Стрѣлковою бригадою. Подойдя къ р. Видъ, перейти черезъ нее по броду № 4, повернуть тотчасъ влѣво, пройти деревню Чириково и Свинаръ, войти въ лощину, ведущую къ Телишу, и расположиться въ ней сосредоточенно позади 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

«3) 2-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ двумя батареями Лейбъ-Гвардіи 2-й артилерійской бригады выступить съ бивака, 12-го сего октября, въ $1\frac{1}{2}$ часа по полудни и, слѣдуя непосредственно за Лейбъ-Гвардіи Егерскимъ полкомъ, расположиться въ той же лощинѣ, верстахъ въ $2\frac{1}{2}$, пройдя деревню Свинаръ.

«4) 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ двумя батареями Лейбъ-Гвардіи 2-й артилерійской бригады выступить съ бивака, 12-го сего октября, въ 2 часа по полудни и, слѣдуя непосредственно за 2-й бригадою 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, перейти черезъ р. Видъ по броду № 3 и расположиться на лѣвомъ берегу рѣки позади дубковъ.

«5) Лейбъ-Гвардіи Саперному баталіону расположиться позади 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

«6) Тремъ полкамъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ четырьмя батареями и одною сотнею Донскаго № 4-го полка, выступить съ бивака, 12-го сего октября, въ $2\frac{1}{2}$ часа по полудни и, слѣдуя за 1-й бригадою 2-й гвардейской пѣхотной ди-

визіи, расположиться въ резервномъ порядкѣ позади бродовъ №№ 1-го и 2-го.

«7) Всѣмъ войскамъ двинуться: пѣхотѣ—во взводныхъ колоннахъ, артилеріи—въ колоннахъ въ два орудія.

«8) 2-й бригадѣ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ одною конною батареею выступить съ бивака съ такимъ расчетомъ времени, чтобы прибыть къ выходу изъ дер. Свинаръ на Телишъ къ 3-мъ часамъ по полуночи 12-го сего октября. Затѣмъ, войти въ лощину, ведущую въ с. Телишъ, и расположиться въ разстояніи около 2¹/₂ верстъ отъ дер. Свинаръ.

«9) 1-й и 3-й бригадамъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ тремя конными батареями выступить съ бивака съ такимъ расчетомъ времени, чтобы прибыть къ дер. Свинаръ въ 5-ть часовъ по полуночи 12-го сего октября и расположиться въ резервномъ порядкѣ около означенной деревни фронтомъ къ Горному Дубняку.

«10) 9-му уланскому Бугскому полку съ конною артилеріею, находящеюся на кавалерійскомъ бивакѣ 9-й кавалерійской дивизіи, перейти, въ теченіе ночи съ 11-го на 12-е сего октября, въ окрестности дер. Медованъ и расположиться возлѣ Медованскаго кавалерійскаго бивака, составить одинъ кавалерійскій отрядъ (12 эскадроновъ, 12 конныхъ орудій) подъ начальствомъ начальника 9-й кавалерійской дивизіи.

«11) Отряду полковника Черевина собраться къ вечеру 11-го сего октября въ дер. Абаскіой.

«12) Всему кавалерійскому отряду, находящемуся въ Семередъ-Трестеникѣ, перейти въ теченіе ночи съ 11-го на 12-е сего октября къ деревнѣ Горній-Нетрополь.

«13) Отряду генерала Чернозубова остаться на занимаемомъ имъ нынѣ мѣстѣ.

«14) Остальнымъ сотнямъ Донскихъ казачьихъ №№ 4-го и 9-го полковъ остаться на занимаемыхъ ими мѣстахъ.

«Подписалъ: начальникъ войскъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда генералъ-адъютантъ *Гурко*».

Приказаніе по войскамъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда.

Дер. Іени-Бркачъ. На 12-е октября 1877 г.

«1) Всѣмъ войскамъ, переходящимъ рѣку Впдъ, никакого обоза, за исключеніемъ санитарнаго, съ собою не брать. Въ артилеріи, кромѣ санитарнаго обоза, взять запасные лафеты. Вслѣдствіе этого 12-го октября рано утромъ отправить всѣ повозки артельного и офицерскаго обозовъ, а также и патронные ящики на развѣтвленіе дорогъ Раліево-Беглишской и Раліево - Іени - Бркачской, гдѣ и выстроиться въ одинъ общій вагенбургъ. Въ прикрытіе этого вагенбурга командировать по одному взводу отъ всѣхъ полковъ и Стрѣлковой бригадѣ. Взводы эти могутъ быть сборные отъ всего полка, по преимуществу изъ слабосильныхъ. Общее начальство надъ вагенбургомъ возлагается на коменданта гвардейскаго корпуса, полковника Шевича, которому подчиняются и части, назначенныя для конвоированія обоза. При обозѣ отъ каждой части долженъ быть назначенъ особый офицеръ. Офицерамъ этимъ явиться къ полковнику Шевичу и получить отъ него приказаніе о размѣщеніи обоза своей части. Полковнику Шевичу заранѣе осмотрѣть мѣсто, гдѣ расположить вагенбургъ и принять всѣ мѣры къ соблюденію полного порядка. О присоединеніи обозовъ къ своимъ частямъ послѣдуетъ особое распоряженіе.

«2) 11-го октября сварить людямъ по три фунта мяса: изъ нихъ 1½ ф. съѣсть 11-го октября и 1½ ф. взять съ собою на 12-е октября, такъ какъ легко можетъ быть, что 12-го октября варки не будетъ. Вечернюю варку окончить въ 4 часа вечера.

«3) Перевязочные пункты устроить слѣдующимъ образомъ: позади каждаго полка, вступающаго въ боевую линію, устроить, внѣ сферы непріятельскихъ выстрѣловъ, передовой перевязочный пунктъ, на которомъ находится двумъ полковымъ медикамъ и половинѣ ротныхъ фельдшеровъ (всего 8 человѣкъ); остальные медики должны быть собраны вмѣстѣ и въ началѣ должны находиться и всѣ носильщики, взятые изъ дивизіоннаго лазарета. При дивизіонномъ же врачѣ каждой дивизіи находится по одному отдѣленію общества краснаго креста и санитарному обозу всѣхъ полковъ дивизіи. При началѣ движенія войскъ дивизіонный врачъ

1-й дивизіи выдѣляетъ $\frac{1}{4}$ часть какъ всего медицинскаго персонала, такъ и санитарныхъ средствъ, при немъ находящихся, и отправляетъ вмѣстѣ съ Лейбъ-Гвардіи Егерскимъ полкомъ, командиру котораго отдѣлить одну роту и 10 казаковъ въ прикрытіе этого медицинскаго отдѣленія. Старшій медикъ въ этомъ отдѣленіи долженъ слѣдовать въ разстояніи одной версты за полкомъ, и когда полкъ вступитъ въ дѣло, то открыть главный перевязочный пунктъ въ разстояніи одной версты отъ передоваго. Дивизионному врачу 1-й дивизіи слѣдовать въ разстояніи около одной версты за 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей и, въ случаѣ, если она вступитъ въ дѣло, открыть главный перевязочный пунктъ въ разстояніи одной версты позади передовыхъ пунктовъ. Дивизионному врачу 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи раздѣлить всѣ имѣющіяся у него средства на двѣ части и командировать одну къ 1-й бригадѣ, а другую ко 2-й. Эти части должны слѣдовать за бригадами и по вступленіи ихъ въ дѣло открыть перевязочные пункты въ разстояніи одной версты позади передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ. Въ прикрытіе этимъ пунктамъ назначить, по распоряженію начальника дивизіи, по одной ротѣ и по 10 казаковъ къ каждому пункту.

«Въ Стрѣлковой бригадѣ имѣть одинъ передовой перевязочный пунктъ и одинъ главный, въ разстояніи около одной версты позади, подъ прикрытіемъ одной роты и 10 казаковъ.

«У дер. Чирикова будутъ собраны воловьи подводы для транспортированія раненыхъ съ главныхъ перевязочныхъ пунктовъ.

«Раненыхъ помѣщать въ казачьихъ шатрахъ казачьяго № 4-го полка. На этомъ центральномъ пунктѣ находится корпусному врачу, которому взять по одному медику отъ дивизіи и имѣть достаточное число фельдшеровъ, носильщиковъ и перевязочныхъ средствъ.

«Къ центральному перевязочному пункту командировать въ прикрытіе отъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи одну роту и отъ Донскаго № 4-го полка одинъ взводъ не менѣе 10 рядовъ при офицерѣ. Всѣмъ главнымъ перевязочнымъ пунктамъ имѣть постоянное сношеніе съ центральнымъ и сообщать сколько на какомъ пунктѣ накопится раненыхъ. По полученіи этихъ донесеній корпусному врачу командировать къ главнымъ пунктамъ необходимое число подводъ для транспортированія раненыхъ съ этихъ пунктовъ къ центральному.

«Подводы направлять къ главнымъ перевязочнымъ пунктамъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и къ гвардейской Стрѣлковой бригадѣ по броду № 1-го, къ 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи по броду № 2-го, ко 2-й бригадѣ той же дивизіи по броду № 3-го и, наконецъ, Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка по броду № 4-го.

«Медикамъ кавалерійскихъ полковъ слѣдовать при своихъ полкахъ и по оказаніи раненымъ первоначальной помощи отсылать ихъ на ближайшіе главные перевязочные пункты пѣхотныхъ частей. Медикамъ пѣшей артилеріи находиться на ближайшихъ главныхъ перевязочныхъ пунктахъ, куда и отсылать всѣхъ раненыхъ артилеристовъ.

«Подписалъ: начальникъ войскъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда генераль-адъютантъ *Гурко*».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе	III
Глава I. } Обстоятельства, предшествовавшія бою при Горномъ Дубнякѣ .	1
Глава II. }	15
Глава III. (бой при Горномъ Дубнякѣ)	35
Глава IV. (бой при Телишѣ и подѣ Трниной)	97
Глава V. (послѣдствія боя при Горномъ Дубнякѣ)	121
Государь Императоръ въ Боготѣ	122
Свиданіе Государя съ Гвардіею	129
Прощаніе Государя съ войсками	134

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Донесеніе генераль-адъютанта Гурко Помощнику Начальника Западнаго отряда генераль-адъютанту Тотлебену	3
II. Приказъ по войскамъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда	19
III. Приказаніе по войскамъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда	22

Къ книгѣ приложены: карта расположенія войскъ, предшествовавшаго бою при Горномъ Дубнякѣ; глазомѣрная съемка, произведенная полковникомъ Ставровскимъ и поручикомъ Сокольскимъ; планъ боя при Горномъ Дубнякѣ.

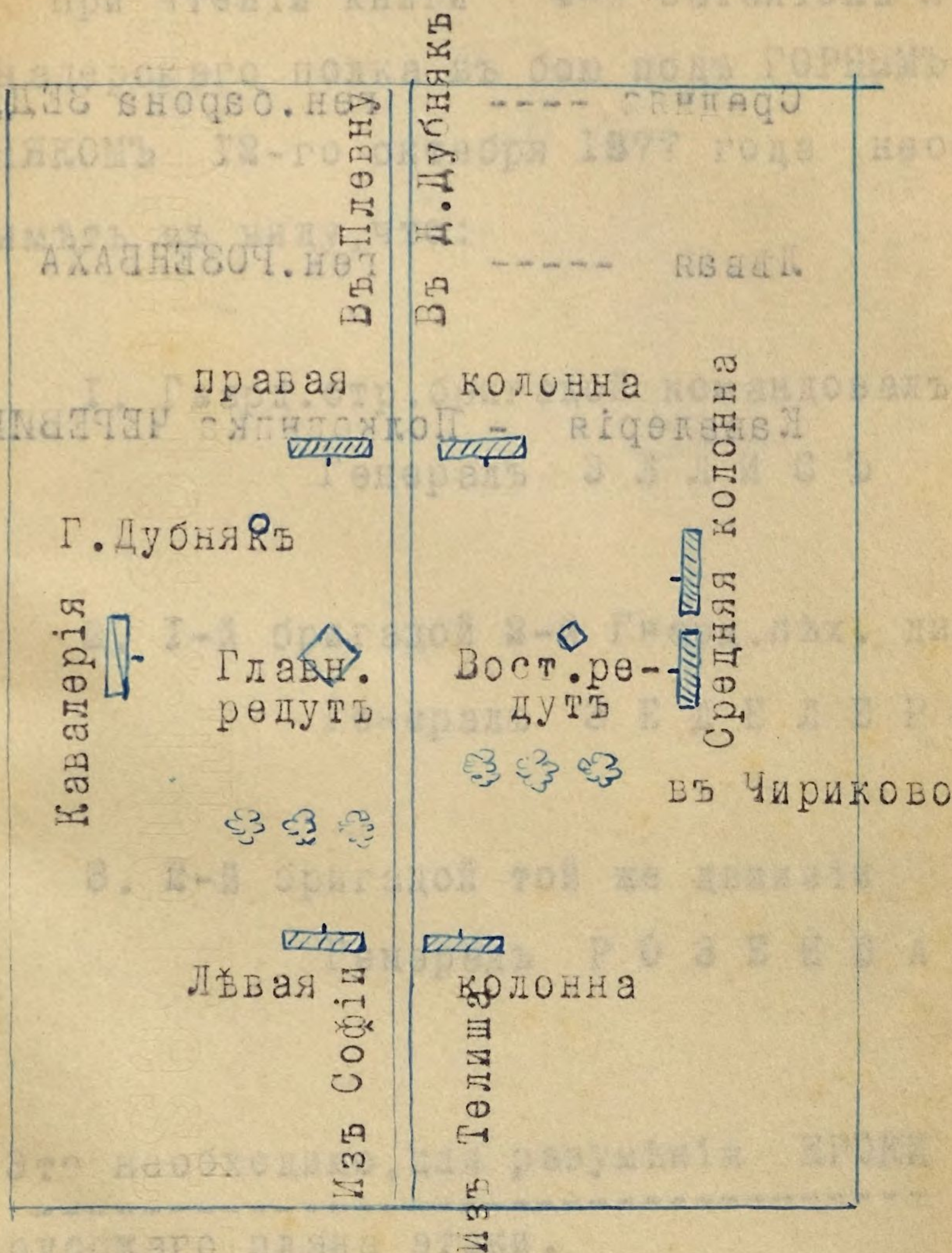

СХЕМАТИЧЕСКІЙ ЧЕРТЕЖЪ АТАКИ ПОЗИЦІИ

АЭННЛС уАГОРНАГО ДУБНЯКА 12-го октября.

Изъ книги ГВАРДІА РУССКАГО ЦАРЯ

на Софійской дорогѣ

12 окт. 1877 г.

Е.В. БОГДАНОВИЧА.

Bayerische
Staatsbibliothek
MÜNCHEN

При чтеніи книги " 4-й баталіонъ Л.Гв.
Гренадерскаго полка въ бою подъ ГОРНЫМЪ
ДУБНЯКОМЪ 12-го октября 1877 года необходи-
мо имѣть въ виду, что:

1. Гвард.стр.бригадой командовалъ

Генералъ Э Л Л И С Ъ

2. 1-й бригадой 2-й Гвард.пѣх. див.

Генералъ З Е Д Е Л Е Р Ъ

3. 2-й бригадой той же дивизіи

Генералъ Р О З Е Н Б А Х Ъ

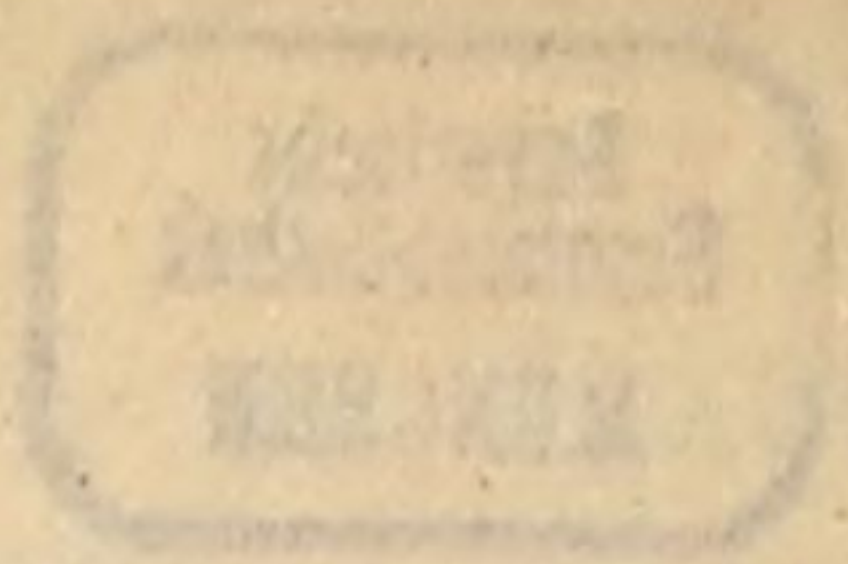
Это необходимо, для разумѣнія КРОКИ

русскаго плана атаки.

Оба кроки /на восковкѣ/ взяты изъ 8-ми
томнаго /австрійскаго/ сочиненія ШПРИНГЕРА

"Русско-турецкая война 1877-78 г.г."

Имя автора книги "4-й" 1877-78 г.г.

Полное наименование книги в год издания

Всего экземпляров 12-го октября 1877 года

по списку в архиве, что:

1. Лист. стр. 1-10. Командировка

Листов 1 1 1 1 1

2. 1-й лист. стр. 1-2. Лист. стр. 1-2.

Листов 2 1 1 1 1

3. 2-й лист. стр. 1-2. Лист. стр. 1-2.

Листов 2 1 1 1 1

4. 3-й лист. стр. 1-2. Лист. стр. 1-2.

Листов 2 1 1 1 1

Всего экземпляров 12-го октября 1877 года

По списку в архиве, что:

"Рассказ-указание 1877-78 г.г."

Яссы

Схема №1

похода е. в. Грена-
дерского полка от
г. Яссы до переправы
через Дунай у Зимнича

Бухаро

Бухарестъ

Зимнича
Дунай
Смерово

Масштабъ

40 в. и 1 м. 1/2

Схема №2

похода Н. В. Тренаревской
из села от Дунай
до д. Баркачъ

Тиреково

Баркачъ

Р. Визъ

Плевна

Пелкисъ

Боговъ

Дунай

Систовъ

Дунай

Ова могила

Торни етуд.

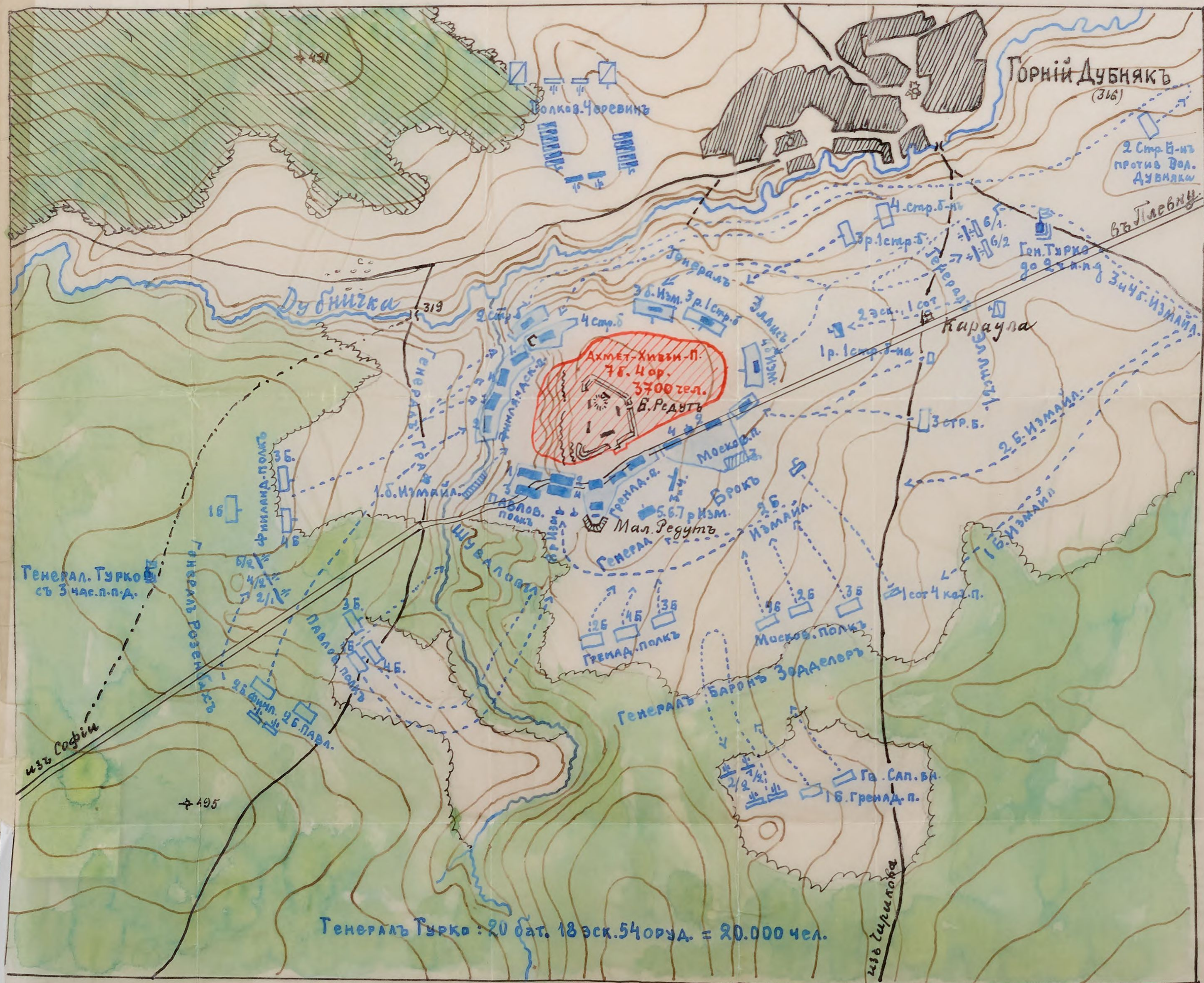
Щасу пладъ
10 в. в. дигл. д.

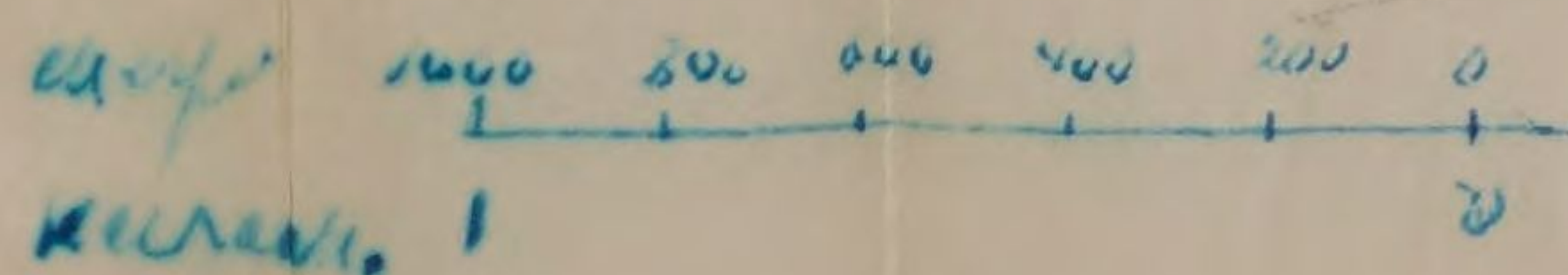
(Сраженіе) Бой подъ Торн-Дубняком 12 октября 1877.

☐ Положеніє въ 9½ час. утра.

 Положеніє въ 3 час. пополудни.

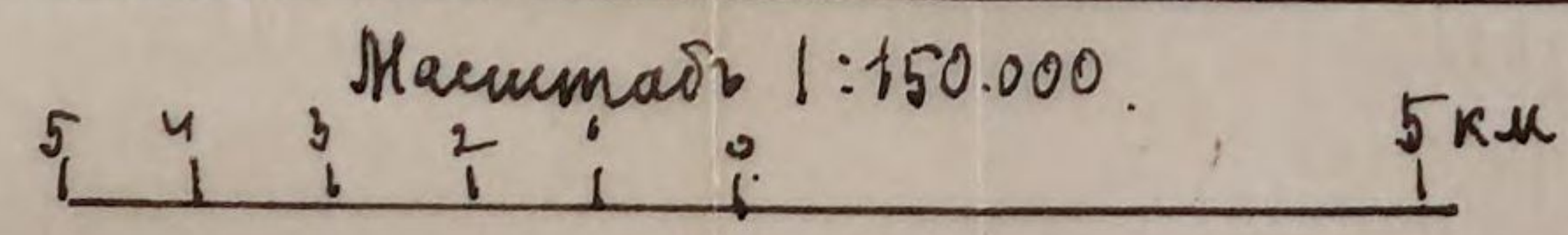

Масштаб 1:20,000.

Bayerische
Staatsbibliothek
MÜNCHEN

Bogdanowitsch, E. W.

Gwardija Russkago Zarja na Sofijskoj doroge 12 Oktjabra 1877g

Petersburg 1879

Turc. 12 m

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11393622-8